

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4
1 9 7 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1972

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Терехов.</i> XXIV съезд КПСС и развитие социалистического содружества	3
<i>Г. М. Славин.</i> Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941 год)	18
<i>И. С. Миллер.</i> Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения	31
<i>В. А. Артамонов.</i> Русско-польский союз в кампании 1708—1709 годов	42
<i>М. Богданов.</i> Некоторые вопросы развития культуры в Югославии 1945—1950 годов	56
<i>Илия Конев</i> (НРБ). К проблеме русско-балканских литературных отношений	70
<i>В. Мочалова.</i> «Похождения Мацека» Януариуса Совизралууса как произведение совизральной литературы	82
<i>Т. Н. Молошина.</i> Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в русском, болгарском, польском и чешском языках	91
<i>Я. Сантен</i> (Голландия). О фонетической и фонологической природе ударения в сербскохорватском языке.	100

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Р. Гришина.</i> Летопись дружбы	106
<i>Анджей Скушпек</i> (ПНР). Польско-советские отношения в историографии народной Польши	109
<i>И. Поп, В. Усачева.</i> Научные публикации по украинистике в Чехословакии	115
<i>И. Костюшко.</i> Капитальный труд о политике фашистской Германии в оккупированной Польше	120
<i>Г. Кобецкая.</i> Некоторые вопросы стиховедения в освещении польских ученых	122

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Мара Цончева</i> (НРБ). Книга о болгарском искусстве	126
<i>Л. К.</i> Сборник статей чешского литературоведа	128
<i>М. М. Копыленко.</i> R. Zett. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen	130

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972 г. (продолжение)	133
Содержание иностранных журналов.	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. В. Чешко.</i> Межвузовский научно-методический семинар преподавателей славянских языков и литератур	140
<i>Г. Венедиктов, Ю. Ритчик.</i> Защита диссертаций.	141
<i>П. Н. Ольшанский, А. М. Орехов.</i> Леон Баумгартен	143

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. Б. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

В. ТЕРЕХОВ

XXIV СЪЕЗД КПСС И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

60-е годы явились важной вехой в жизни социалистических стран. Они были ознаменованы новыми серьезными успехами в укреплении позиций мирового социализма. В обстановке острого противоборства между силами прогресса и мира и силами реакции и войны братские социалистические государства постоянно вносили и вносят большой вклад в борьбу за мир и безопасность. Их роль в решении важнейших вопросов международной жизни неизмеримо возросла. Упрочился и получил дальнейшее развитие социалистический общественный строй, укрепился экономический и оборонный потенциал социалистических стран, прочнее и глубже стали их хозяйственные связи, повысилось материальное благосостояние и культурный уровень широких народных масс. Доминирующей тенденцией в развитии мировой социалистической системы в последние годы является укрепление единства большинства социалистических государств, рост могущества социалистического содружества. Вновь подтверждается вывод мирового коммунистического движения о том, что наша эпоха является эпохой перехода от капитализма к социализму.

Событиями большого исторического значения стали съезды коммунистических и рабочих партий братских стран, прошедшие в последнее время. В конце 1970 г. состоялись съезды Венгерской социалистической рабочей партии и Трудовой партии Кореи, в 1971 г. — съезды Коммунистической партии Советского Союза, Болгарской коммунистической партии, Коммунистической партии Чехословакии, Монгольской народно-революционной партии, Социалистической единой партии Германии, Польской объединенной рабочей партии. На съездах был дан анализ современной международной обстановки, подведены итоги пройденного пути, намечены новые грандиозные задачи социалистического и коммунистического строительства.

Большое внимание мирового коммунистического движения, всего прогрессивного человечества привлек к себе XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Это внимание определялось как той большой ролью, которую играет Советский Союз и его партия в антиимпериалистической борьбе, так и важностью и глубиной теоретических и практических вопросов, обсуждавшихся на съезде. В Отчетном докладе ЦК КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев, дан глубокий марксистско-ленинский анализ современной эпохи, замечательных успехов партии и народа после XXIII съезда КПСС, определена боевая программа борьбы за новые успехи коммунистического строительства в Советском Союзе, за дальнейшее укрепление могущества стран социализма, упрочение их единства и сплоченности, за более тесное взаимодействие

всех антиимпериалистических сил. В Отчетном докладе ЦК КПСС обобщен опыт развития мировой социалистической системы за четверть века, имеющий поистине историческое значение. Этот опыт с большой убедительностью свидетельствует, прежде всего, о том, что социалистический общественный строй, прочно утвердившийся в государствах, образующих мировую социалистическую систему, в историческом противоборстве с капитализмом доказал свою великую жизненную силу. Образование и укрепление мировой системы социализма явилось мощным ускорителем исторического прогресса, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция. За четверть века мировой социализм превратился в решающую силу в антиимпериалистической борьбе, внес огромный вклад в решение такой жизненно важной для всех народов задачи, как предотвращение новой мировой войны. Опыт развития мировой социалистической системы показал, что успехи в строительстве социализма во многом зависят от правильного сочетания общего и национально-особенного в общественном развитии. Без учета общих закономерностей развития и конкретной исторической специфики каждой страны невозможно строить социализм. Исторический опыт показал также, что объективные и субъективные трудности, возникающие в ходе строительства нового общества и утверждения нового, социалистического типа межгосударственных отношений, не являются фатальными, что они могут преодолеваются. «Общность социального строя, совпадение коренных интересов и целей народов социалистических стран,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— позволяют при правильной политике марксистско-ленинских партий успешно преодолевать эти трудности, неуклонно двигать вперед дело развития и укрепления мировой социалистической системы»¹. Для исторических судеб мировой социалистической системы важно то, что в последние годы укрепились позиции коммунистических и рабочих партий стран — членов СЭВ в их идейно-политической борьбе с правым и «левым» ревизионизмом.

В результате преодоления чехословацкого кризиса был нанесен сокрушающий удар праворевизионистским оппортунистическим концепциям социализма, объективно являющимся одним из главных орудий империализма в его политике, направленной на раскол социалистических стран и разложение социалистического строя изнутри.

Силам внутренней и внешней контрреволюции не удалось вырвать Чехословакию из братской семьи социалистических стран. Своевременная интернациональная помощь, оказанная чехословацким трудящимся пятью союзными социалистическими государствами, сорвала преступные замыслы реакции. Декабрьский (1970 г.) Пленум ЦК КПЧ отмечал: «Вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию было актом интернациональной солидарности, отвечавшим как общим интересам чехословацких трудящихся, так и интересам международного рабочего класса, социалистического содружества и классовым интересам международного коммунистического движения. Этот интернациональный акт спас жизнь тысяч людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на переосмотр результатов второй мировой войны»².

Чехословакия вновь стала прочным звеном социалистического содружества. Вместе с тем, чехословацкие события убедительно показали, на-

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1974, стр. 6.

² «Уроки кризисного развития в компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». Политиздат, 1971, стр. 45.

сколько важно постоянно укреплять руководящую роль коммунистических и рабочих партий в социалистическом обществе, непрерывно совершенствовать формы и методы партийного руководства, проявлять творческий марксистско-ленинский подход к решению назревших проблем развития социализма. Они еще раз показали, что самым надежным барьером на пути сил, пытающихся атаковать и ослабить лагерь социализма, ликвидировать социалистические завоевания трудящихся, является братское единство социалистических стран.

В последние годы в мировом коммунистическом движении усилилась изоляция китайского руководства, выступившего со своей особой, несовместимой с ленинизмом идейно-политической платформой по основным вопросам социалистического строительства, международной жизни и мирового коммунистического движения. КПСС решительно выступала и выступает против попыток маоистов извратить марксизм-ленинизм, внести раскол в социалистический лагерь, в коммунистическое движение и в ряды борцов против империализма. XXIV съезд нашей партии заявил, что КПСС, не поступаясь национальными интересами Советского Союза и твердо оставаясь на позициях марксизма-ленинизма, будет и впредь вести борьбу за сплоченность социалистических стран и мирового коммунистического движения. Вместе с тем на съезде было выражено глубокой убежденностью, что улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долговременным интересам народов обеих стран, интересам социализма, укрепления мира во всем мире.

Тесное сотрудничество коммунистических и рабочих партий братских стран позволяет им совместно разрабатывать принципиальные проблемы строительства социализма и коммунизма, находить наиболее рациональные формы политических и экономических связей, коллективно определять общую линию во внешнеполитических делах, обмениваться мнениями по вопросам идеологии и культуры. Минувшие годы свидетельствуют о том, что произошло дальнейшее идейное, политическое и экономическое сплочение социалистических государств в рамках Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. Следует подчеркнуть, что экономический и военный потенциал этой группы стран в решающей степени определяет могущество всего мирового социализма, его влияние на ход истории. Во второй половине 60-х годов коммунистические и рабочие партии стран — членов СЭВ, учитывая возможности, созданные в предыдущий период, а также назревшие потребности современного этапа, взяли курс на широкое внедрение в народное хозяйство достижений научно-технического прогресса и серьезное совершенствование методов управления и планирования народного хозяйства, предполагая на этой основе добиться дальнейшего быстрого роста экономики, курс на развитие социалистической экономической интеграции. Этот курс был подтвержден и получил дальнейшее развитие на прошедших в последнее время съездах братских партий. Остановимся на этих вопросах подробнее.

Хорошо известны слова В. И. Ленина о том, что основное воздействие на мировой революционный процесс социализм оказывает своими хозяйственными достижениями. Актуальность этого ленинского завета сохраняется и в наши дни. Коммунистические и рабочие партии стран социализма неизменно проявляют огромную заботу о дальнейшем укреплении экономического потенциала своих стран и всего социалистического содружества, ибо от этого, в конечном счете, зависит исход борьбы между двумя мировыми системами. Успехи, достигнутые братскими странами, признаются сегодня всем миром. Особенно велики достижения стран, входящих в Совет Экономической Взаимопомощи. В исключительно сжатые сроки эти

страны создали экономический потенциал, которым не располагает ни одна из любых существующих в мире группировок или объединений стран. Они производят в настоящее время более $\frac{1}{4}$ мирового национального дохода, в то время как в них проживает лишь $\frac{1}{10}$ населения земного шара.

Исходя из ленинского указания о том, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»³, коммунистические и рабочие партии стран СЭВ с самого начала взяли курс на индустриализацию. В трудных условиях, в процессе ожесточенной борьбы двух мировых систем, непрерывных военных, политических и идеологических атак и экономических диверсий империализма, народы стран социализма сумели за четверть века, прошедшие после второй мировой войны, создать могучую социалистическую индустрию.

Промышленное производство в странах — членах СЭВ в 1970 г. увеличилось по сравнению с 1950 г. почти в 6,8 раза, тогда как в развитых капиталистических странах — в 2,8 раза. Только в последнюю пятилетку промышленное производство в содружестве СЭВ увеличилось в 1,5 раза. Если в 1950 г. на долю стран — членов СЭВ приходилось всего лишь 17,8% мирового производства промышленной продукции, то сегодня эта доля возросла до $\frac{1}{3}$. Промышленный потенциал стран — членов СЭВ существенно превосходит потенциал стран «Общего рынка».

О достигнутых масштабах промышленного производства стран — членов СЭВ дают представление следующие цифры: в 1970 г. в этих странах производство электроэнергии по сравнению с 1950 г. увеличилось в 7,3 раза и составило 988 млрд квт. ч., каменного угля соответственно в 2,2 раза и 613 млн т., нефти — в 8,3 раза и 365 млн т., стали — в 4,3 раза и 156 млн т., минеральных удобрений — в 6,8 раза и 20,5 млн т. (в пересчете на питательное вещество), цемента — в 2 раза и 137 млн т. и т. д.

Как известно, в прошедшем пятилетии страны — члены СЭВ приступили к осуществлению хозяйственных реформ, предусматривающих серьезное совершенствование форм и методов руководства и планирования народного хозяйства и, прежде всего, промышленного производства. Главной целью реформ является создание такого экономического механизма, в условиях которого высокими и устойчивыми темпами росло бы общественное производство, непрерывно повышалась его эффективность, а научно-технический прогресс осуществлялся бы не только беспрепятственно, но и с постоянным ускорением, охватывая снизу доверху все народное хозяйство. При некоторых различиях в формах и методах осуществления хозяйственных реформ, проводимых в братских странах, основаны на одних и тех же принципиальных положениях, а именно, на необходимости: дальнейшего развития и совершенствования централизованного планирования, повышения его научного уровня; расширения хозяйственной самостоятельности производственных предприятий и их объединений; усиления в рамках централизованного плана таких экономических рычагов, как цены, прибыль, кредит и т. д.; повышения роли материального стимулирования. Таким образом, речь, по существу, идет о развитии ленинских принципов демократического централизма в управлении народным хозяйством.

Для реализации экономических реформ ввиду масштабности проводимых мероприятий требуется продолжительное время. Было бы неверно рассчитывать на то, что реформы дадут стопроцентный эффект в течение двух-трех лет. Однако была бы неверной и другая крайность: при анализе

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 9.

развития экономики братских стран в последние годы не учитывать влияния начавшихся реформ. Это влияние безусловно ощущается; более того, реформы начали приносить первые, весьма положительные результаты. Сейчас стало совершенно очевидно, что взятый коммунистическими и рабочими партиями курс на уточнение целей и методов осуществления экономической политики был выбран совершенно правильно и отвечает коренным интересам социалистического и коммунистического строительства, способствует более полному использованию преимуществ нового общественного строя.

Что касается промышленного производства стран — членов СЭВ, то в значительной мере под влиянием хозяйственных реформ в нем намечился в последние годы ряд весьма важных положительных сдвигов.

Здесь прежде всего следует отметить преодоление тенденции к некоторому замедлению темпов развития, которая проявилась в большинстве стран в 1961—1965 гг. Темпы роста промышленности стали более стабильными, а в тех странах, в которых они тогда снизились наиболее значительно, в прошлой пятилетке (1966—1970 гг.) произошло заметное ускорение развития промышленного производства. Так, например, в Чехословакии в 1961—1965 гг. среднегодовой темп прироста в промышленности составил 5,2% (в 1963 г. произошло даже абсолютное сокращение объема промышленной продукции на 0,6%), а в 1966—1970 гг. — 6,7%. В целом же по содружеству СЭВ промышленное производство возрастало ежегодно в прошлую пятилетку в среднем на 8,3%, т. е. так же, как и в 1961—1965 гг. Стабилизацию темпов роста следует рассматривать как безусловно положительное явление, ибо она достигнута в сложных условиях перехода промышленности на новые методы хозяйствования. Это свидетельствует о том, что переход на рельсы нового хозяйственного механизма осуществляется в странах нормально, без каких-либо срывов. А об очевидной своевременности и положительном эффекте реформ говорит тот факт, что плановые задания в большинстве стран — членов СЭВ в 1966—1970 гг. не только успешно выполнены, но и перевыполнены. Рост промышленной продукции предусматривался на 46—48%, фактически же он составил 49%.

Важное значение имеют изменения в меж- и внутриотраслевой структуре промышленного производства. Речь в первую очередь идет о существенном сближении темпов роста группы «А» (производство средств производства) и группы «Б» (производство предметов потребления). Если в 1961—1965 гг. группа «А» в целом в содружестве СЭВ возрастала на 9%, а группа «Б» — на 6,5%, то в 1966—1970 гг. — соответственно на 8,8 и 7,7%. А в Советском Союзе уже несколько лет группа «Б» опережает по темпам развития группу «А». Эта тенденция сохраняется в СССР и в настоящем пятилетии: при росте производства средств производства за пятилетие на 41—45% предусматривается рост производства предметов потребления на 44—48%.

В результате ускорения развития отраслей группы «Б» во всех странах СЭВ быстро возрастает производство товаров народного потребления, особенно товаров длительного пользования. Так, например, в 1970 г. в содружестве СЭВ производство радиоприемников увеличилось по сравнению с 1965 г. на 43%, телевизоров — на 66%, стиральных машин — на 38%, холодильников — на 103%, легковых автомобилей — на 73%. Происходят и значительные прогрессивные изменения в структуре производимых товаров. Растет выпуск товаров повышенного качества, пользующихся наибольшим спросом у населения.

Ускоренный рост производства предметов народного потребления отражает курс коммунистических и рабочих партий стран СЭВ на более

быстрое повышение жизненного уровня трудящихся. Эта тенденция обусловлена, с одной стороны, усилением материального стимулирования, являющегося одним из важнейших принципов хозяйственных реформ, проводимых в странах, а с другой, требованиями повышения эффективности всего общественного производства.

В связи с изменением соотношений между темпами развития группы «А» и группы «Б» невольно возникает вопрос: а не означает ли все это недооценки роли тяжелой индустрии? Ответ на такой вопрос был дан на XXIV съезде КПСС. Там было подчеркнуто, что высокие темпы развития тяжелой индустрии полностью сохраняют свое значение и в современных условиях, ее роль не только не уменьшается, но и возрастает, так как расширяется круг непосредственных практических проблем, которые она решает. При этом коммунистические и рабочие партии стран СЭВ исходят из указания В. И. Ленина о том, что «*в конечном счете* изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготавливаются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготавливающих предметы потребления»⁴. Весь процесс расширенного социалистического воспроизводства, возможности и темпы будущего экономического роста, уровень технической вооруженности всех сфер народного хозяйства, создание материально-технической базы коммунизма, повышение обороноспособности социалистических стран в значительной мере определяются успешным развитием тяжелой индустрии.

Прогрессивные сдвиги в промышленном производстве стран СЭВ характеризует и то, что опережающими темпами по сравнению со всей промышленностью систематически продолжают развиваться отрасли, оказывающие решающее воздействие на повышение эффективности общественного производства и на ускорение научно-технического прогресса во всем народном хозяйстве. Речь идет прежде всего об электроэнергетике, машиностроении и химии. Так, вся промышленная продукция стран СЭВ в 1970 г. по сравнению с 1960 г. возросла в 2,2 раза, а производство электро- и тепловой энергии — в 2,6, продукции машиностроения и металлообработки — в 3, химической и резиноасбестовой промышленности в 3,2 раза. В Советском Союзе при общем росте промышленного производства за последнюю пятилетку в 1,5 раза объем производства электроэнергетики увеличился на 54%, машиностроения и металлообработки — на 74% (в том числе приборостроения — более чем в 2 раза), химической и нефтехимической промышленности — на 78%. Вследствие ускоренного развития упомянутых отраслей постоянно возрастает их удельный вес во всем промышленном производстве. Так, в Болгарии он возрос в 1970 г. по сравнению с 1965 г. с 24 до 30%, в Венгрии — с 39 до 43, ГДР — с 45 до 49, МНР — с 9 до 14, Польше — с 37 до 44, Румынии — с 31 до 39 и в Чехословакии — с 35 до 38%. В целом содружество СЭВ достигло по этому показателю уровня наиболее развитых капиталистических стран.

Заметно улучшился за последние годы топливный баланс стран СЭВ за счет увеличения в нем доли нефти и газа (с 44,9% в 1965 г. до 51,7% в 1970 г.) и уменьшения доли угля.

Проводимые в странах хозяйственные реформы оказывают влияние и на повышение эффективности промышленного производства. Например, в прошедшей пятилетке в большинстве стран — членов СЭВ повысились темпы роста производительности труда в промышленности. Если в 1961—1965 гг. они составляли в среднем за год во всем содружестве СЭВ 4,6%,

⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 4, стр. 160—161.

то в 1966—1970 гг. — 5,4%. За счет роста производительности труда в настоящее время обеспечивается около 70% прироста промышленного производства стран СЭВ.

Начинают приносить хорошие результаты принятые в последние годы братскими странами меры по ускорению научно-технического прогресса, который все шире проникает в различные отрасли народного хозяйства, оказывая воздействие на улучшение таких показателей, как степень электро- и фондовооруженности труда, уровень автоматизации и механизации производства, использование атомной энергии, темпы и уровень развития новейших подотраслей машиностроения, особенно производства контрольно-измерительной, вычислительной и управляющей аппаратуры, химии и нефтехимии, качественная структура машинного парка и т. д.

Говоря об успехах в развитии промышленности стран — членов СЭВ, нельзя не упомянуть и о таком имеющем поистине историческое значение факте, как постепенное сближение и выравнивание уровней индустриального развития братских стран, что является объективным историческим процессом в развитии мировой социалистической системы и обусловлено социалистическим характером производственных отношений в этих странах и укреплением между ними политического, экономического и научно-технического сотрудничества и взаимопомощи. Упомянутый процесс находит подтверждение в многочисленных фактах. Если принять, например, потребление стали на душу населения в ГДР за 100%, то в Болгарии оно повысилось с 39% в 1965 г. до 53% в 1970 г., в Венгрии, соответственно с 50 до 53, в Польше — с 62 до 73, в Румынии — с 47 до 63%. Душевое потребление электроэнергии (ГДР — 100%) возросло в Болгарии с 38% в 1965 г. до 50% в 1970 г., в Венгрии с 38 до 40, в Польше — с 42 до 46, в Румынии — с 26 до 35%.

Наряду с безусловно положительными тенденциями в развитии промышленного производства в странах — членах СЭВ в прошедшие годы, следует отметить и ряд таких факторов, которые еще отрицательно воздействуют на темпы и эффективность роста. Это прежде всего некоторые диспропорции в развитии ряда отраслей промышленности в отдельных странах (например, отставание производства электроэнергии от потребностей промышленности, нехватка некоторых видов комплектующих изделий, отставание в развитии транспорта и т. д.), недостаточные еще темпы роста эффективности производства и научно-технического прогресса, не всегда удовлетворительное положение в сфере капитального строительства (большой удельный вес незавершенного строительства, распыленность капиталовложений и т. п.) и др. Все это говорит о том, что странам — членам СЭВ надо провести еще немалую работу по дальнейшему улучшению промышленного производства, повышению его эффективности, ускорению в нем научно-технического прогресса. Это свидетельствует также и о наличии в промышленности братских стран огромных резервов, которые могут и должны быть использованы в интересах дальнейшего ее развития. Страны — члены СЭВ достигли ныне такого уровня индустриальной зрелости, когда они могут успешно решать самые сложные задачи, выдвигаемые на повестку дня нынешним этапом развития, научно-технической революцией, потребностями укрепления обороноспособности социалистического содружества, всем ходом социалистического и коммунистического строительства.

Значительны достижения стран — членов СЭВ и в развитии сельского хозяйства. Принятые в последние годы в большинстве стран меры по совершенствованию стимулирования сельскохозяйственного производства, улучшению методов его планирования и руководства им, укреплению его материально-технической базы позволило ускорить развитие этой отрасли

народного хозяйства. Среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственной продукции в содружестве СЭВ повысились с 2,2% в 1961 г. до 3,4% в 1966—1970 гг. Значительно возросла механизация сельскохозяйственных работ: на полях стран — членов СЭВ в настоящее время работает более 2,7 млн тракторов (в 1950 г. их было всего 720 тыс.). Более чем в 6 раз возросли за это время поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений. Валовой сбор зерновых в братских странах достигает в последние годы 220—240 млн т. и составляет примерно $\frac{1}{5}$ мирового итога, т. е. душевое производство зерна в них вдвое выше среднемирового уровня. И все же эта отрасль народного хозяйства пока не отвечает предъявляемым к ней требованиям. Не секрет, что иногда социалистическим странам приходится прибегать к закупкам зерна на мировом капиталистическом рынке. Отдельные страны сталкиваются с серьезными трудностями в развитии животноводства, в производстве кормов. Преодоление этих трудностей — задача начавшейся пятилетки.

Быстрое развитие всех сфер материального производства социалистических стран является прочной основой для повышения материального благосостояния и культурного уровня населения. В последние пять лет в этой области были достигнуты серьезные успехи. Реальные доходы трудящихся стран — членов СЭВ, взятых вместе, увеличились примерно на 30%. Почти в полтора раза возрос объем продажи товаров населению. Такого серьезного роста народного благосостояния за пятилетие еще не было в истории содружества братских стран. Показательно, например, что по уровню душевого потребления таких важнейших продуктов питания, как мясо, жиры, молоко, страны — члены СЭВ вплотную приблизились к наиболее развитым капиталистическим странам, а по потреблению сахара даже опередили их. В структуре потребления происходят прогрессивные сдвиги: постоянно увеличивается доля предметов длительного пользования, товаров повышенного качества.

Вместе с тем в этой области есть пока и нерешенные проблемы. Одна из них — частичное несоответствие между платежеспособным спросом и предложением потребительских товаров. Быстрый рост денежных доходов населения, столь характерный для последних лет, не всегда успевает обеспечиваться соответствующим ростом производства товаров повышенного спроса. Это ведет к возникновению временного дефицита на те или иные товары. Основной путь преодоления подобных трудностей все страны видят в увеличении производства потребительских товаров, совершенствовании структуры производства, повышении качества товаров. Разумеется, для этого требуется время и не малое. Поэтому отдельные страны в прошедшей пятилетке были вынуждены прибегать иногда к такой непопулярной мере, как повышение розничных цен на некоторые потребительские товары и услуги. Если такие меры не подготавливать заблаговременно путем проведения серьезной разъяснительно-политической работы среди населения и, особенно, не компенсировать потери низкооплачиваемым слоям населения, то они могут приводить к серьезным социальным последствиям, как это, например, было в декабре 1970 г. в Польше. Как известно, ошибки, которые были допущены в этом отношении в Польше, полностью исправлены, и сейчас польские трудящиеся самоотверженно трудятся над выполнением задач нового пятилетнего плана. Главной же задачей этого плана является ускоренное повышение жизненного уровня населения.

В прошедшие годы социалистические государства систематически увеличивали бюджетные ассигнования на социальное обеспечение, развитие медицины, образования, культуры, жилищного строительства. Только в 1970 г. в странах содружества СЭВ было построено около 3 млн новых квартир и индивидуальных жилых домов.

Трудящиеся социалистических стран под руководством своих коммунистических и рабочих партий добились огромных успехов в развитии и укреплении материально-технической базы социализма, вывели свои страны на передовые в мире рубежи в промышленном и сельскохозяйственном производстве, в развитии науки и техники, в подъеме материального и культурного уровня жизни. Заложена хорошая основа для дальнейшего быстрого продвижения вперед.

Прошедшие в 1970—1971 гг. съезды коммунистических и рабочих партий братских стран поставили новые крупные задачи на 1971—1975 гг. «Главная задача пятилетки, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда»⁵. Аналогичные задачи поставили перед собой и большинство других стран — членов СЭВ. По нашим расчетам, реальные доходы на душу населения в странах — членах СЭВ возрастут за пятилетие в среднем на 25—30%; национальный доход за этот период увеличится примерно на 35—40%; промышленное производство — на 45—50%; сельскохозяйственное производство — примерно на 20%. Повысится эффективность общественного производства, ускорится научно-технический прогресс.

Братские страны располагают всеми возможностями для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить принятые планы социально-экономического развития. Об этом свидетельствуют итоги 1971 г., который весьма успешно завершен всеми странами — членами СЭВ.

Решающим фактором успешного развития братских социалистических стран являются преимущества нового общественного строя, открывшего перед трудящимися неограниченные возможности всестороннего социального, экономического и культурного прогресса. Наряду с этим огромную роль играло и играет их экономическое и научно-техническое сотрудничество, углубляющееся с каждым годом международное социалистическое разделение труда, начавшийся процесс социалистической экономической интеграции.

Сегодня экономические связи между странами — членами СЭВ в различных областях материального производства и обмена находятся на таком уровне, который свидетельствует о довольно глубоком процессе взаимного переплетения хозяйственных интересов. Это подтверждается многочисленными фактами. Возьмем, к примеру, внешнюю торговлю, итоги которой концентрированно отражают процесс разделения труда между странами. Сегодня на рынке содружества СЭВ обращаются материальные ценности на сумму примерно 33 млрд руб. в год. Доля взаимной торговли братских стран в их общей торговле составляет 62%, причем торговля эта весьма динамична: за последние двадцать лет она увеличилась более чем в 7 раз. В начавшемся пятилетии внешнеторговый товарооборот между странами — членами СЭВ возрастет еще почти на $\frac{2}{3}$. За счет взаимных поставок страны СЭВ покрывают 98% своих импортных потребностей в каменном угле, до 96% — в нефти и нефтепродуктах, около 80% — в железной руде, основную часть потребностей в цветных металлах, фосфорсодержащем и калийном сырье, лесоматериалах, хлопке. За счет собственного производства и взаимных поставок страны СЭВ покрывают 95% своих потребностей в машинах и оборудовании.

⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 40.

Но дело не только в этих количественных показателях. С самого начала в экономическом сотрудничестве социалистических стран все большее значение приобретали планомерные начала, в процессе его развития возникли такие качественно новые формы объединения усилий, которые возможны только в условиях социалистического общества и предопределяются плановым характером развития братских стран. Речь идет прежде всего о координации народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ. Совместная плановая деятельность государств, входящих в СЭВ, сыграла исключительную роль в сближении их экономик. Координация планов была проведена на пятилетние периоды 1956—1960 гг., 1961—1965 гг., 1966—1970 гг., 1971—1975 гг. На этой основе получили развитие и такие прогрессивные формы сотрудничества, как специализация и кооперирование производства в отдельных отраслях народного хозяйства и промышленности.

Общность хозяйственной жизни стран — членов СЭВ наглядно проявляется и в создании совместных международных организаций. Например, с 1964 г. действует Общий парк железнодорожных вагонов стран СЭВ, насчитывающий более 100 тыс. вагонов. Ими перевозятся ежегодно более 100 млн т. грузов. Трансевропейский нефтепровод «Дружба» в 1964 г. обеспечил транспортировку в европейские страны — члены СЭВ из СССР 8,4 млн т. нефти, а в 1975 г. по нему будет перекачено 50 млн т. нефти. Сейчас идет сооружение второй очереди этого нефтепровода. Начато строительство уникального по своим размерам газопровода, по которому газ из Сибири пойдет и в европейские страны — члены СЭВ. Уже в течение ряда лет успешно функционирует Международный банк экономического сотрудничества, а недавно начал работу Международный инвестиционный банк.

Таким образом, достигнутая степень интернационализации хозяйственной жизни в содружестве СЭВ весьма высока. Сегодня экономическое и научно-техническое сотрудничество превратилось в важнейший фактор расширенного воспроизводства в каждой стране и во всем содружестве СЭВ. Без него не только трудно, но и невозможно представить себе развитие экономики братских стран. Более того, новые задачи социалистического и коммунистического строительства потребовали поднять это сотрудничество на новую, качественно более высокую ступень развития, перейти к налаживанию социалистической экономической интеграции. Именно поэтому коллективными усилиями братских государств была разработана «Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ» (принята XXV сессией Совета Экономической Взаимопомощи, июль 1971 г., г. Бухарест), рассчитанная на поэтапную реализацию в течение 15—20 лет. В коммюнике о XXV сессии СЭВ подчеркивается, что углубление и совершенствование экономического и научно-технического сотрудничества и развитие социалистической экономической интеграции представляют собой сознательно и планомерно регулируемый коммунистическими и рабочими партиями и правительствами братских государств процесс международного социалистического разделения труда, сближения их экономик и формирования современной, высокоэффективной структуры национальных хозяйств, постепенного сближения и выравнивания уровней их экономического развития, формирования глубоких и устойчивых связей в основных отраслях экономики, науки и техники, расширения и укрепления на этой основе международного рынка этих стран, совершенствования товарно-денежных отношений. Основная цель углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции заключается в создании благоприятных усло-

вий для наиболее успешного решения важнейших социально-экономических задач, стоящих перед странами — членами СЭВ, дальнейшего подъема их производительных сил, достижения ими наивысшего научно-технического уровня, повышения народного благосостояния, укрепления обороноспособности.

Новый этап в сотрудничестве стран — членов СЭВ объективно подготовлен всем предшествующим ходом их экономического и политического развития. Развитие производительных сил и хозяйственное сближение этих стран достигли сейчас такого уровня, когда прежние формы и методы организации сотрудничества оказались тесными, недостаточными для решения новых задач, вставших перед социалистическим содружеством в связи с необходимостью всемерного повышения эффективности общественного производства, решения проблем, выдвигаемых научно-технической революцией, быстрого повышения на этой основе жизненного уровня трудящихся, наконец, реализации преимуществ нового общественного строя в соревновании двух мировых систем. Еще раз подтверждается ленинское положение о том, что «при социализме трудящиеся массы сами не соглашались нигде на замкнутость по чисто экономическим... мотивам»⁶.

Необходимость нового этапа сотрудничества стран — членов СЭВ диктуется также всем ходом классовой борьбы на международной арене, потребностью дальнейшего укрепления единства и сплоченности социалистических стран в их борьбе с империализмом. Коммунистические и рабочие партии стран — членов СЭВ исходят при этом из ленинского указания о том, что «капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их»⁷.

В основе процесса сближения народов социалистических стран лежат их общие, глубоко интернациональные классовые, политические и экономические интересы. Сегодня эти общие интересы определяются однотипностью социально-экономического и политического устройства социалистических стран, общими целями дальнейшего строительства социализма и коммунизма, общими задачами защиты нового общественного строя от посягательств империализма, наконец, единой марксистско-ленинской идеологией.

Объективная необходимость социалистической экономической интеграции неоднократно подчеркивалась в выступлениях руководящих деятелей стран СЭВ. В резолюции XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС говорится: «Курс государств Совета Экономической Взаимопомощи на межгосударственную специализацию и кооперирование производства, на тесную увязку народнохозяйственных планов, на экономическую интеграцию является выражением объективных потребностей развития мирового социализма».

Выступая на X съезде Болгарской коммунистической партии, тов. Т. Живков говорил: «Дальнейшее социально-экономическое развитие Болгарии неумолимо требует следовать в направлении еще большего углубления международной социалистической интеграции, все более тесной увязки экономики нашей страны с экономикой других социалистических стран... Это необходимо из-за увеличения масштабов современных производительных сил, которые в ряде случаев не могут вписаться в национальные рамки. Следовательно, международная социалистическая интеграция является не только добрым желанием согласованности, а объек-

⁶ В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 30, стр. 37.

⁷ Там же, т. 40, стр. 43.

тивной необходимостью, непосредственно связанной с развитием производительных сил»⁸.

В решении X съезда Венгерской социалистической рабочей партии подчеркивается: «Срочной задачей является... развитие международного производственного и технического сотрудничества. Производственное и техническое сотрудничество с дружескими социалистическими странами, постепенное развертывание экономической интеграции стран СЭВ... таят в себе неопределимые возможности для ускорения нашего движения вперед»⁹.

В докладе на VI съезде ПОРП тов. Э. Герек заявил: «В международном сотрудничестве стран социалистического содружества на первое место выдвигается укрепление взаимных экономических связей, высшей формой которых является социалистическая экономическая интеграция. Серьезный шаг вперед в этом направлении представляет принятая на недавней XXV сессии Совета Экономической Взаимопомощи комплексная программа расширения научно-технического сотрудничества, производственного кооперирования, углубления международного социалистического разделения труда»¹⁰.

В отчетном докладе XIV съезду Коммунистической партии Чехословакии тов. Г. Гусак говорил: «В будущем в программе дальнейшего общественно-экономического развития все более важное место будет занимать международное социалистическое разделение труда. Наряду с экономической стороной мы видим в ней также важное средство укрепления единства и сближения социалистических стран.

Общая долгосрочная программа экономической интеграции стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи... для нашей экономики открывает более широкие возможности включения в процесс развития мировой экономической социалистической системы и дает возможность черпать из этого сотрудничества новые силы и источники для развития и повышения эффективности нашей экономики»¹¹.

Социалистическая экономическая интеграция стоит сегодня в центре внимания коммунистических и рабочих партий стран — членов СЭВ, вырабатывающих стратегию и тактику углубления взаимного сотрудничества, укрепления единства и сплоченности братских государств. «Это — дело огромной политической важности, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — одно из центральных звеньев в развитии мирового социализма. Мы уверены в том, что, опираясь на марксистско-ленинскую науку, творчески развивая и совершенствуя методы хозяйствования и сотрудничества, братские страны смогут успешно двинуть вперед дело социалистической интеграции»¹².

Комплексная программа — документ исторического значения. Впервые в истории разработана всеобъемлющая программа совместных действий и взаимного сотрудничества большой группы стран, рассчитанная на полтора-два десятилетия. В ее основу положены такие марксистско-ленинские принципы межгосударственных отношений нового типа, как социалистический интернационализм, уважение государственного суверенитета, независимости и национальных интересов, невмешательство во внутренние дела стран, полное равноправие, взаимная выгода и товарищеская взаимопомощь. Исторический опыт полностью подтвердил великую жизненную силу и непреходящее значение этих принципов.

Комплексная программа охватывает все стороны хозяйственной деятельности братских государств, все отрасли их экономики. И знамена-

⁸ «Работническо дело», 1971, 21 апрел.

⁹ «Népszabadság», 29 XI 1971.

¹⁰ «Trybuna Ludu», 7 XII 1971.

¹¹ «Rudé právo», 26 V 1971.

¹² «Правда», 1971, 17 июня.

тельным является то, что координируются усилия стран в тех или иных сферах народного хозяйства не разрозненно, не изолированно, а в тесной взаимосвязи, на всех этапах материального производства и обмена — от сотрудничества в разработке прогнозов, через согласование планов и организацию совместных научно-технических изысканий, до кооперации, специализации производства и сбыта продукции.

Наиболее характерной чертой Комплексной программы является дальнейшее укрепление плановых начал в сотрудничестве стран СЭВ.

Известно, что В. И. Ленин, анализируя капиталистическое общество, обратил внимание на проявление интеграционных процессов, порождаемых объективными потребностями развития производительных сил. Однако эти процессы протекают в обстановке столь острых экономических, социальных и политических конфликтов, присущих капитализму, что они неизбежно должны привести его к гибели раньше, чем совершится процесс интеграции во всемирном масштабе. Ленин предвидел, что только социализм может снять все преграды на пути к интернационализации производства и обмена, всей общественной жизни. Он писал: «...хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»¹³.

Экономическую основу интернационализации всей общественной жизни человечества Ленин видел в тенденции «... к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»¹⁴.

Весь опыт развития мировой социалистической системы полностью подтвердил правильность подмеченной В. И. Лениным объективной тенденции. Разумеется, предстоит еще пройти немалый путь. Но главное заключается в том, что вся практическая деятельность стран — членов СЭВ по налаживанию и углублению взаимных экономических связей вот уже более двух десятилетий осуществляется в направлении к международной экономической интеграции. Начавшись с простейших форм взаимного товарообмена, экономическое сотрудничество стран СЭВ все в большей мере базировалось на координации народнохозяйственных планов, на специализации и кооперировании производства, т. е. в это сотрудничество все в большей мере вводились плановые начала, подготавливавшие основу для налаживания более тесных интеграционных процессов. И именно поэтому Комплексная программа является дальнейшим крупным шагом к планомерному созданию мирового социалистического хозяйства.

Основным методом организации международного социалистического разделения труда и впредь остается координация народнохозяйственных планов. Однако эта координация поднимается на более высокий уровень. Теперь ей будут предшествовать разрабатываемые совместно прогнозы в важнейших областях экономики, науки и техники. Вводится координация планов на длительную перспективу (на 10—20 лет) по важнейшим отраслям народного хозяйства и видам производства. На нынешнем этапе координация на длительную перспективу будет проводиться странами, как правило, на период по 1985 год. В этом году страны — члены СЭВ приступают к согласованию перспективных планов развития топливно-энергетической базы, сырьевой базы для черной и цветной металлургии и важнейших видов производства в них, нефтехимии, комплексных

¹³ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 23, стр. 318.

¹⁴ Там же, т. 41, стр. 164.

систем машин и приборов, определяющих развитие научно-технической революции.

Дальнейшее развитие и совершенствование получит координация народнохозяйственных планов на пятилетний период — один из основных методов планомерного развития сотрудничества и одно из главных средств формирования устойчивых и взаимовыгодных экономических и научно-технических связей между странами — членами СЭВ. Координация пятилетних планов будет охватывать круг вопросов сотрудничества, имеющих определяющее значение для развития экономических и научно-технических отношений стран — членов СЭВ и играющих важную роль при составлении пятилетних народнохозяйственных планов отдельных стран. Эта работа будет проводиться в тесной увязке с работами над национальными планами, причем согласование вопросов сотрудничества, как правило, будет завершаться до представления на утверждение компетентным органам стран проектов национальных пятилетних планов. По согласованным вопросам будут заключаться межправительственные соглашения или договоры между соответствующими хозяйственными организациями.

Принципиально новым моментом, имеющим огромное значение для всей дальнейшей совместной плановой деятельности стран — членов СЭВ, является то, что теперь заинтересованные страны будут осуществлять *совместное планирование* отдельных отраслей промышленности и видов производства. Такая форма сотрудничества вводится впервые в истории взаимоотношений социалистических государств. Разумеется, совместное планирование вовсе не означает, что будет создан какой-то надгосударственный планирующий орган. В Комплексной программе подчеркивается, что при совместном планировании полностью сохраняется самостоятельный характер национального планирования, социалистические государства остаются полновластными собственниками соответствующих производственных мощностей и ресурсов. Совместное же планирование будет осуществляться на основе принципа заинтересованности, т. е. любая сторона будет принимать в нем участие лишь в том случае, если она заинтересована в этом.

Совместное планирование уже применяется на практике. Так, на состоявшемся в декабре 1969 г. 44-м заседании Исполнительного комитета СЭВ заинтересованным странам было рекомендовано предусмотреть совместное планирование по отдельным видам металлорежущих станков, электронно-вычислительной техники, контейнерной транспортной системе, некоторым дефицитным видам листового проката, труб и т. д. Конечно, на первых порах совместное планирование будет осуществляться по небольшому числу отраслей и видов производств. Но постепенно, по мере накопления опыта, оно будет расширяться, охватывая новые отрасли и производства.

Усиливаются плановые начала и в ряде других областей взаимного сотрудничества стран СЭВ. Так, например, Комплексная программа предусматривает налаживание совместного планирования заинтересованными странами разработки отдельных важных научных и технических проблем. Торговые связи и в дальнейшем будут осуществляться на основе государственной монополии внешней торговли при укреплении и совершенствовании планового начала. Расширение торговых связей будет происходить на основе постепенно создаваемых прочных, длительных производственных связей, вытекающих из специализации и кооперирования производства.

Наряду с развитием плановых начал в сотрудничестве стран СЭВ, Комплексная программа предусматривает и дальнейшее совершенствование валютно-финансовых отношений. Более того, сейчас общепризнано,

что валютно-финансовые и кредитные отношения должны играть более активную роль, способствуя развитию и укреплению планомерного экономического сотрудничества стран СЭВ и развитию социалистической экономической интеграции.

Комплексная программа предусматривает дальнейшее расширение непосредственных связей между различными организациями стран СЭВ. Будут расширяться и совершенствоваться деятельность существующих и создаваться новые межгосударственные экономические и хозяйственные организации.

Было бы ошибкой думать, что принятие Комплексной программы означает окончание работы над нею. Завершен, безусловно, огромный по объему и значению этап работы. Однако не менее важная работа еще впереди. В настоящее время развернулась интенсивная работа по конкретизации и детальной проработке многих положений программы. Работа эта многоплановая. В ней принимают участие десятки и сотни министерств, ведомств, научных, проектно-конструкторских, хозяйственных организаций стран — членов СЭВ. И это новое свидетельство того огромного значения, которое придается социалистической экономической интеграции коммунистическими и рабочими партиями братских государств. Это и залог успешного решения задач, сформулированных в Комплексной программе.

Последняя четверть века в развитии человечества проходит под знаком непрерывного нарастания сил социализма. В острой борьбе с империализмом содружество социалистических стран доказало свою великую жизненную силу, стало важнейшим фактором, воздействующим на развитие всего человеческого общества. Мир социализма еще молод, он постоянно совершенствуется, находится в диалектическом движении. В борьбе нового со старым, через разрешение внутренних противоречий социалистические страны, руководимые коммунистическими и рабочими партиями, уверенно строят новое общество. На этом пути, обобщая накопленный опыт, они ориентируются на бессмертное учение марксизма-ленинизма, руководствуются принципами социалистического интернационализма. «Мы хотим, — говорил на XXIV съезде КПСС тов. Л. И. Брежнев, — видеть каждую социалистическую страну процветающим государством, гармонически сочетающим быстрый экономический и научно-технический рост с расцветом социалистической культуры, с подъемом материального благосостояния трудящихся. Мы хотим, чтобы мировая система социализма была дружной семьей народов, вместе строящих и защищающих новое общество, взаимно обогащающих друг друга опытом и знаниями, — семьей сплоченной и крепкой, в которой люди земли видели бы прообраз будущего мирового сообщества свободных народов»¹⁵.

¹⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 14.

Г. М. СЛАВИН

ОБ ОТКЛИКАХ В СССР НА ВОССТАНИЕ В ЮГОСЛАВИИ (1941 ГОД)

Еще до второй мировой войны советская общественность заклеимила и разоблачила антинаучную человеконенавистническую расовую «теорию», подводившую «базу» под гитлеровскую политику преследования и истребления славянских народов. После оккупации Чехословакии, Польши, Югославии советская печать на их примере показывала, какую участь готовят фашистские правители славянским народам.

«Гитлер ненавидит все славянство, с презрением относится к народам Югославии, не считая их людьми»¹ — писал журнал «Большевик». «Фашисты рассматривают сербов, хорватов, словенцев и другие славянские народы, как «навоз истории», который должен удобрить почву для благородной немецкой расы господ»² — говорилось в «Правде».

Советские люди не сомневались, что свободолюбивые народы Югославии не примирятся с фашистским господством, с разделом страны, и при первой же возможности поднимутся на борьбу против поработителей³. Эту уверенность укрепляли сообщения из Югославии, в которых подтверждалось, что, несмотря на кровавый террор, сопротивление югославских народов фашистским насильникам растет. Еще в конце мая 1941 г. в Москву было доставлено сообщение руководства Коммунистической партии Югославии о положении и событиях в стране⁴. В нем говорилось об огромном недовольстве народа оккупантами, о деятельности КПЮ по организации антифашистской борьбы. Компартия указывала в своих листовках и обращениях к народу, что только борьба против оккупантов и их пособников откроет путь к спасению народов Югославии от рабства и истребления. Уже в мае и июне 1941 г. в стране создавалась сеть военных комитетов, шел сбор оружия, формировались первые ударные группы, велась подготовка к массовому осуществлению появилась лишь тогда, когда гитлеровское командование перебросило свои основные силы на восток для нападения на СССР.

Вступление Советского Союза в войну против фашистских держав преисполнило народы Югославии верой в победу. Они без колебаний готовы были сражаться рука об руку с русским народом, со всеми другими народами Советского Союза против общего врага.

Трудящиеся Советского Союза с первых дней Великой Отечественной войны против фашистских агрессоров ясно понимали, что они отстаивают

¹ «Большевик», 1941, № 13, стр. 16.

² «Правда», 1941, 1 августа.

³ См. «Труд», 1941, 3 августа.

⁴ Иосип Броз Тито. Избранные военные произведения. Белград, 1966, стр. 35.

не только свою родину, свой мирный труд и дело социализма, но и борются за свободу всех других народов, поработченных фашизмом.

Уже в первых дняхлениях Советского правительства в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии было подчеркнуто, что целью Отечественной войны является не только ликвидация опасности, нависшей над советской страной, но и помощь всем народам Европы, подпавшим под иго германского фашизма. Война народов СССР за свободу своего отечества должна была слиться с борьбой всех свободолюбивых народов против фашизма, за независимость и демократию⁵.

Советские люди были убеждены, что в едином фронте народов, выступивших за свободу, против порабощения, достойное место займут народы Югославии. 1 июля 1941 г. газета «Известия» напечатала статью «Германские фашисты в Югославии». Описав, как захватчики грабят страну, терроризируют ее граждан, жестоко расправляются с побежденным народом, газета заключала: «Сербский народ не сломлен: в священной ненависти к фашизму, к германским оккупантам он черпает силы, чтобы, когда настанет час, дать фашистским поработителям решительный бой»⁶. «Правда» в те дни отмечала, что народы Югославии активно выступают против фашистских оккупантов⁷.

Эта боевая активность была откликом на обращение ЦК КПЮ к народам Югославии в связи с гитлеровской агрессией против СССР. Коммунистическая партия Югославии во всеуслышание заявила, что советский народ борется не только во имя защиты социализма, но и во имя социального и национального освобождения всего трудового человечества. «Поэтому это также и наша борьба, и мы должны поддерживать ее всеми силами вплоть до наших жизней»⁸. И когда 7 июля 1941 г. прозвучали первые партизанские выстрелы Жижицы Иовановича — Испанца и его товарищей, народы Советского Союза тогда же узнали, что братские народы Югославии взяли за оружие и выступают с ними в одном боевом строю. Советское Информбюро (СИБ) — агентство печати, которое оповещало весь мир о ходе военных действий на Восточном и других фронтах второй мировой войны, начиная с 8 июля 1941 г.⁹ и вплоть до победоносного окончания войны против фашизма, регулярно сообщало об антифашистском движении в Югославии, об успехах партизан и Народно-освободительной армии. При этом подчеркивалось, что народы Советского Союза и Югославии не только кровные братья, но и братья по оружию.

В сводки Советского Информбюро вместе со сведениями о положении на фронтах Отечественной войны включались также сообщения о боевых подвигах советских воинов. Быть упомянутыми в сводке СИБ бойцы и офицеры Красной Армии считали высокой честью. Благодаря своей смелой борьбе против общего врага югославские партизаны удостаивались этой чести наряду с советскими воинами.

Сведения о борьбе народов Югославии против фашистских захватчиков советские люди черпали также из газет, журналов и брошюр, из передач московского радио, из тысяч лекций, которые читались на фронте и в тылу пропагандистами и агитаторами.

Как известно, руководство народно-освободительного движения в Югославии в первые месяцы войны не имело непосредственной связи с совет-

⁵ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1944, стр. 34.

⁶ «Известия», 1941, 1 июля.

⁷ «Правда», 1941, 6 июля.

⁸ «Zbornik dokumenata i podataka o narodno-oslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda», т. I, Beograd, 1949, s. 12.

⁹ «Сообщения Советского Информбюро», т. I. М., 1944, стр. 37.

скими органами информации. Передача радиосообщений в Москву была трудным и долгим делом. Советская пресса, особенно в 1941 г., часто была вынуждена пользоваться сообщениями о положении в Югославии, заимствованными из иностранной печати. Конечно, при этом иногда допускались и ошибки — их в такой ситуации и в такое напряженное время трудно было избежать. Но ошибки исправлялись, и в целом советская общественность с первых дней вооруженного восстания в Югославии имела возможность следить за его развитием¹⁰.

Большую помощь в деле информирования советских людей о событиях в Югославии, об освободительной войне ее народов оказывали находившиеся в то время в Советском Союзе видные представители югославского коммунистического и рабочего движения В. Влахович, Б. Масларич, И. Регент, Д. Салай и другие.

Уже в первые дни вооруженного восстания, организованного и руководимого Коммунистической партией Югославии, сообщения советской печати давали возможность получить представление о том, какие социальные силы поднялись на борьбу с фашизмом. Это прежде всего были люди труда — рабочие, крестьяне, прогрессивные интеллигенты. Именно к ним обращалась Коммунистическая партия Югославии с боевыми призывами.

В июльские дни 1941 г. «Труд», «Красная звезда» и другие московские газеты поместили выдержки из листовок, подпольно изданных в Югославии. В одной из этих листовок говорилось: «Рабочие, крестьяне, интеллигенция и все патриоты Югославии! Гитлеровские варвары напали на великий братский советский народ, и море крови разлилось широкой волной... Гитлер добивается претворения в жизнь своих целей. Югославы на собственном опыте убедились, что солдатский сапог Германии несет с собой рабство... Мы зовем вас к борьбе за право и свободу великих славянских народов. В горах Югославии с каждым днем усиливается партизанское движение... К оружию, братья! Снова к оружию! Развернем бесстрашную партизанскую войну. Мы должны так же, как и наши братья в России, уничтожать поодиночке и группами германских фашистов, взрывать склады, нападать на поезда с продовольствием, которое вывозят оккупанты из нашей страны, укреплять партизанские отряды для непримиримой борьбы против фашизма». В заключение листовка призывала патриотов Югославии выходить на трудный, но единственно верный и победоносный путь — путь уничтожения гитлеризма¹¹.

Таким образом, советские люди знали, что югославское партизанское руководство не призывает «ждать подходящего момента» и «беречь силы», а зовет немедленно и решительно, вместе с Советским Союзом развернуть беспощадную борьбу против фашистских оккупантов. Это была позиция истинных антифашистов, тех, кто смело провозгласил: «Смерть фашизму — свобода народу!».

Вести из Югославии о ходе освободительной войны встречались в Советском Союзе с огромным вниманием. Лишь за один июль 1941 г., когда восстание в Сербии, Черногории, Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине только начиналось, «Правда» напечатала 26 статей, заметок, телеграмм о положении в Югославии и развитии партизанского движения в стране¹², «Известия» — 30, «Труд» — 22, «Красная звезда» — 27. Эти данные отражали большой интерес советской общественности к событиям в Югославии, к борьбе югославских партизан.

¹⁰ V. V. Z e l e n j i n. Odnos sovjetske javnosti prema narodno-oslobodilačkom ratu Jugoslavije protiv fašizma (1941—1942). В сб. «Prvo zasjedanje AVNOJa, Bihać, 1966, s. 27.

¹¹ «Труд», 1941, 17 июля; «Красная звезда», 1941, 17 июля.

¹² См. V. V. Z e l e n j i n. Ibid., s. 29.

«Дружба югославского и советского народов» — под таким заголовком газета «Труд» поместила 6 июля 1941 г. информацию ТАСС. В ней говорилось, что в связи с вероломным нападением германских фашистов на СССР народы Югославии усиливают сопротивление фашистским войскам, что в горах и лесах Югославии развернулась партизанская борьба.

Как ни стремилась фашистская пропаганда, используя временные неудачи Красной Армии, поколебать у трудящихся Югославии веру в победу Советского Союза, это ей не удавалось. В свою очередь, народы СССР были уверены, что народы Югославии будут с ними в одном боевом строю до победного конца. Выражая эту уверенность, один из видных представителей советской общественности, старейший деятель большевистской партии и известный антифашистский пропагандист Емельян Ярославский отмечал 20 июля 1941 г. в газете «Труд», что в Югославии национально-освободительное движение растет с каждым днем, что в горы ушли многочисленные партизанские отряды, некоторые численностью до 500 человек. Они совершают внезапные нападения на германские войска, организуют засады, ловушки¹³.

Печать с большим уважением к подвигам и жертвам народов Югославии писала о том, как югославы участвовали в подготовке грядущей победы. На страницах советской прессы нашли отражение успехи народно-освободительной борьбы в Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, Черногории, Македонии. Так как главным очагом восстания в 1941 г. была Сербия, сербские партизаны пользовались в Советском Союзе широкой популярностью. Было известно, что центром партизанского движения в Сербии являлся район Ужице.

«К юго-западу от Белграда югославские партизаны захватывают города и удерживают их до тех пор, пока германские войска не получают поддержку, — писала газета «Известия» 18 октября 1941 г., — Ужице неоднократно находилась в руках отважных партизан»¹⁴. Газеты сообщали о действиях боевых групп в Белграде, Нише, Крагуеваце, Смедереве и других городах. 22 июля 1941 г. газета «Труд» поместила заметку об активности сербских партизан¹⁵. Та же газета спустя три дня напечатала сообщение о нападении партизанского отряда на военный склад неподалеку от Крагуеваца¹⁶.

Общественность СССР была осведомлена и о тех больших жертвах, которые несли югославские патриоты в борьбе с врагом. В брошюре Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии отмечалось, что для подавления повстанцев, борющихся против фашистских захватчиков, высылаются карательные отряды, сжигаются деревни, происходят массовые расстрелы крестьян. За убитого немца расстреливают иногда сто сербов¹⁷. Советские люди знали и о том, что 15 августа 1941 г. гитлеровцы расстреляли мужское население деревни Скела, а саму деревню сожгли дотла¹⁸. Известно было также, что на главной площади Белграда 17 августа 1941 г. оккупанты повесили пять антифашистов и оставили трупы висеть целый день для устрашения населения¹⁹.

Но фашистам не удалось сломить волю народов Югославии к борьбе за свободу и независимость. Образование в конце августа 1941 г. так называемого «правительства спасения Сербии», которое возглавил предатель

¹³ «Труд», 1941, 20 июля.

¹⁴ «Известия», 1941, 18 октября.

¹⁵ «Труд», 1941, 22 июля.

¹⁶ Там же, 25 июля.

¹⁷ См. «Изверг Гитлер — лютый враг славянских народов», 1941, стр. 51.

¹⁸ «Известия», 1941, 20 августа.

¹⁹ Там же, 26 июля.

Недич, советская общественность расценила как свидетельство провала попыток оккупантов с помощью насилия и террора подавить нарастающее освободительное движение сербского народа. Как отмечалось 6 сентября 1941 г. в «Известиях», гитлеровские власти в Сербии прибегли к образованию марионеточного правительства под главенством генерала Недича потому, что оказались бессильными перед партизанской войной, развернувшейся во всех частях страны ²⁰.

С большим вниманием советские люди читали сообщения Советского Информбюро об ударах, которые югославские партизаны наносили врагу: «Немецкие и итальянские оккупанты, несмотря на свирепый террор, не могут подавить партизанское движение народов Югославии» ²¹, — говорилось в сообщении от 2 сентября 1941 г. Антифашистское движение в Югославии принимает все большие размеры, — указывалось в сводке от 4 октября 1941 г. — Многочисленные партизанские отряды сербов в течение сентября уничтожили несколько немецких и итальянских гарнизонов» ²². Спустя неделю Советское Информбюро снова сообщило об успехах освободительного антифашистского движения в городах и селах оккупированной Югославии ²³, а 30 октября 1941 г. отмечалось, что сербские патриоты продолжают удерживать ряд городов и сел, что за десять дней октября воинские части оккупантов, действующие против югославских партизан, понесли большие потери.

Так советская печать в 1941 г. регулярно информировала общественность об успехах югославских партизан на главном тогда для них театре военных действий — в Сербии. Одновременно значительное внимание уделялось развитию народно-освободительного движения в других краях Югославии. Вооруженное восстание в Черногории, вспыхнувшее 13 июля 1941 г., укрепило веру советских людей в том, что черногорцы, воспетые еще Пушкиным, не потерпят фашистских душителей свободы.

«Черногорские партизаны прочно обосновались в горах и не дают пощады фашистским полчищам», — писала «Красная звезда» ²⁴. «Наглое и варварское нападение германских фашистских бандитов на Советский Союз, — говорилось в «Известиях», — вызвало бурю негодования в широких слоях черногорского народа. Черногорский народ, который всегда считал себя кровно связанным с великим русским народом, уже ответил на преступную агрессию германского фашизма усилением борьбы против иностранных захватчиков. Черногорские партизаны разгромили недавно целый батальон итальянцев, направленный на Восточный фронт» ²⁵.

Таким образом, советская печать не только сообщала о дружественных чувствах народа Черногории к народам Советского Союза, но и показывала, как черногорцы сражаются за общее дело.

В июле 1941 г. началась вооруженная борьба в Словении. «Красная звезда» сообщала, что, несмотря на жестокие преследования, патриоты не дают итальянским фашистам превратить Словению в свою провинцию, что словенский народ не сдастся и с оружием в руках отстаивает свою независимость. «Народ помнит слова своего свободолюбивого писателя Прешерна: „Менее страшна власть тьмы в недрах земли, чем рабская жизнь под лучами“. Эти слова живут в сердцах словенцев. Они звучат как боевой клич, как призыв к беспощадной борьбе с угнетателями за освобождение родной словенской земли» ²⁶. О действиях словенских парти-

²⁰ «Известия», 1941, 6 сентября.

²¹ «Сообщения Советского Информбюро», т. I, стр. 199.

²² Там же, стр. 285.

²³ Там же, стр. 298.

²⁴ «Красная звезда», 1941, 20 июля.

²⁵ «Известия», 1941, 20 июля.

²⁶ «Красная звезда», 1941, 19 июля.

зан говорилось также в сообщениях Советского Информбюро. Например, в сводке за 29 августа 1941 г. упоминалось о разрушении партизанами железной дороги Марибор — Триест (в нескольких местах), о диверсии в Камнике ²⁷.

В октябре 1941 г. в Москве была издана брошюра «Словения под игом Гитлера и Муссолини». Рассказав о славном прошлом словенского народа, о его вековой борьбе за свободу, против национального угнетения, о вкладе словенцев в сокровищницу мировой культуры, автор заключал: «В настоящий момент Словения, придавленная фашистским сапогом, не перестает бороться против ненавистного врага. Словенский народ обращает свой взгляд на Советский Союз, разбивающий озверелые гитлеровские орды, и на всех тех, кто борется против фашистской чумы...» ²⁸.

Как уже отмечалось, советская общественность осудила раздел Югославии и создание марионеточного «Независимого государства Хорватии». Советские люди верили, что хорватские патриоты в сотрудничестве с другими патриотами Югославии развернут борьбу против фашистских поработителей и их ставленников.

«Горячие симпатии хорватского народа к СССР» — так озаглавил «Труд» опубликованную 23 июля 1941 г. заметку, в которой говорилось, что взаимные симпатии русского и хорватского народов не могут быть искоренены никакими силами ²⁹.

После того как в июле 1941 г. против «усташей» начали боевые действия партизаны, волна восстания в Хорватии стала нарастать. «Партизанское движение в Хорватии» — под таким заголовком советские газеты помещали материалы о крупных выступлениях населения против гитлеровцев и их усташских лакеев. Повстанцы разрушали пути сообщения, средства связи, атаковали жандармские управления, подрывали воинские составы ³⁰. Советское Информбюро неоднократно сообщало о боях, которые хорватские партизаны вели с войсками Муссолини и усташами, о партизанских диверсиях, в том числе в самом Загребе ³¹.

В августе 1941 г. до Москвы дошла печальная весть о гибели от рук усташей выдающихся борцов за свободу народов Югославии, искренних друзей Советского Союза — Отокара Кершовани, Огнена Прицы и многих других патриотов ³². Несмотря на жертвы, на стремление усташских главарей разжечь национальную вражду, народно-освободительное движение в Хорватии крепло. Этот факт был, в частности, отмечен в брошюре «Гитлеризм — злейший враг балканских народов» ³³.

В Боснии и Герцеговине активные выступления против оккупантов были отмечены еще в июне 1941 г. В конце июля 1941 г. в крае началось вооруженное восстание, о котором вскоре узнали и советские люди. Газеты сообщили, что в лесах Боснии появились крупные партизанские отряды, ведущие войну с войсками оккупантов, что очаги восстания в Боснии находятся в районе горы Романия и реки Сана ³⁴. О серьезном антифашистском восстании в Герцеговине информация была опубликована в конце августа 1941 г. ³⁵.

²⁷ «Сообщения Советского Информбюро», т. I, стр. 184.

²⁸ Д. Г у с т и н ч и ч. Словения под игом Гитлера и Муссолини. М., 1941, стр. 16.

²⁹ «Труд», 1941, 23 июля.

³⁰ «Красная звезда», 1941, 19 сентября.

³¹ См. «Сообщения Советского Информбюро», т. I, стр. 131, 243, 290.

³² См. «Известия», 1941, 22 августа.

³³ Д. В л а х о в. Гитлеризм — злейший враг балканских народов. М., 1941, стр. 21.

³⁴ «Известия», 1941, 5 августа; «Труд», 1941, 13 августа.

³⁵ «Известия», 1941, 26 августа.

14 сентября 1941 г. московская печать опубликовала новые материалы о восстании в Боснии и Герцеговине. Сообщалось, что в горах Боснии развертывается мощное восстание, которое распространилось на города Герцеговины. Партизаны уничтожили много усташей близ городов Травник, Беловар и Карловац. Речь шла также о боях в районах Яйце, Дони Вакуф, Гламоч³⁶. Касаясь Западной Боснии, сводка Советского Информбюро отмечала, что партизаны заняли город Мркоич-Град³⁷.

В Македонии восстание началось в октябре 1941 г. Хотя вести оттуда доходили с большим трудом, советская общественность была осведомлена и о положении в этом крае. В брошюре «Гитлеризм — злейший враг балканских народов» содержалась информация о терроре фашистских оккупантов в Македонии, о действиях македонских партизан. «Борьба македонского народа усиливается теперь, когда крепнет антигитлеровский фронт, когда героическая Красная Армия не только мужественно отражает нападение, но и наносит решительные удары фашистским полчищам»³⁸.

Как видим, начало и развитие народно-освободительного движения в Югославии, первые успехи вооруженной борьбы во всех ее краях широко освещались в прессе СССР. Советская общественность относилась к вооруженному восстанию в Югославии как к решительному выражению воли ее народов завоевать свободу и независимость, как к яркому проявлению солидарности с народами Советского Союза, со всеми народами — участниками антигитлеровской коалиции, как к конкретной помощи Советскому Союзу, несущему на себе главное бремя войны. Сообщения газет об испытываемых фашистскими державами серьезными затруднениях, вызванных восстаниями во многих частях Югославии, углубляли симпатии к ее народам. Вот что писала, например, газета «Известия»: «Если восстания будут продолжаться в том объеме, в каком они происходят сейчас, то совершенно очевидно, что это вызовет необходимость посылки новых подкреплений в Югославию»³⁹.

Советские люди знали, что организаторы и руководители вооруженной борьбы народов Югославии — искренние друзья Советского Союза, что они видят в СССР могучую силу, выступающую не только за национальное, но и за социальное освобождение угнетенных народов. «Да здравствует Советский Союз — надежда всех угнетенных и поработанных», — говорилось в партизанской листовке, широко распространявшейся летом 1941 г. в Югославии и ставшей тогда же известной в СССР⁴⁰.

Одной из внушительных демонстраций боевого единства народов Советского Союза и славянских стран, подвергшихся фашистской агрессии и оккупации, явился Всеславянский митинг, состоявшийся 10—11 августа 1941 г. в Москве. В нем приняли участие представители республик Советского Союза, а также народов Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии. Представители народов Советского Союза — известный русский писатель Алексей Толстой и другие — с большим уважением и симпатией говорили о народах Югославии⁴¹.

Представители Югославии в своих речах выразили непреклонную волю ее народов сражаться вместе с народами Советского Союза до победы над врагом всего человечества — фашизмом. Профессор Божидар Масларич сказал о роли Красной Армии в разгроме фашизма: «Красная Армия будет его главным могильщиком. Но сербский народ не станет ждать, по-

³⁶ «Красная звезда», 1941, 14 сентября.

³⁷ «Сообщения Советского Информбюро», т. I, стр. 199.

³⁸ Д. Влахов. Там же, стр. 27.

³⁹ «Известия», 1941, 26 августа.

⁴⁰ «Правда», 1941, 1 августа.

⁴¹ «Всеславянский митинг в Москве». М., 1941, стр. 11, 40.

ка доведет это дело до конца Красная Армия с другими свободолюбивыми народами. Сербский народ сейчас ведет борьбу против немецких и итальянских оккупантов»⁴².

После митинга в Советском Союзе начал действовать Всеславянский комитет, одной из задач которого было распространение во всем мире правды о народно-освободительном движении в Югославии, пропаганда его успехов. Председателем Комитета был участник Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Отечественной войн советский генерал А. С. Гундоров, а одним из его заместителей — Божидар Масларич.

Участники митинга обратились ко всем славянским народам с призывом объединиться для скорейшего и окончательного разгрома фашизма. Этот призыв нашел широкий отклик в Советском Союзе и славянских странах, в частности в Югославии. Представители советской общественности в своих выступлениях в печати выражали солидарность с народами, поднявшимися на борьбу против фашизма⁴³.

Генеральный секретарь ЦК КПЮ Иосип Броз Тито писал 17 августа 1941 г. деятелям КПЮ: «Обращение Всеславянского митинга в Москве вы должны размножить многотысячным тиражом так же, как и речь Алексея Толстого»⁴⁴.

Советская печать знакомила своих читателей с откликами в Югославии на Обращение Всеславянского митинга. Газеты поместили сообщение о принятии присяги в партизанских отрядах Югославии, о подпольном издании и распространении по всей стране Обращения Всеславянского митинга⁴⁵.

Характерна позиция югославского эмигрантского правительства в отношении Всеславянского митинга в Москве. Когда Алексей Толстой и другие советские писатели и общественные деятели обратились к тогдашнему югославскому послу в Москве М. Гавриловичу с предложением принять участие во Всеславянском митинге, он ответил, что может выступить лишь «по получению одобрения своего правительства»⁴⁶. Однако реакционное эмигрантское правительство, опасаясь роста народно-освободительного движения в стране, уклонялось от любой акции, которая могла быть истолкована в пользу партизан, сражавшихся под лозунгом «Смерть фашизму — свобода народу!». Посол Гаврилович не принял участия во Всеславянском митинге, а министр иностранных дел Нинчич полностью одобрил действия Гавриловича, начертав на его донесении: «Хорошо, что не участвовал в манифестации...»⁴⁷.

Выступая за сплочение славянских народов, советская общественность одновременно разоблачала инсинуации фашистской пропаганды и мировой реакции о «панславизме»⁴⁸.

Вслед за Всеславянским митингом в Москве 7 сентября 1941 г. состоялся женский антифашистский митинг. Речи его участниц были проникнуты чувством солидарности с народами, поднявшимися на борьбу против поработителей. Герой Советского Союза летчица Валентина Гризодубова, писательница Анна Караваяева, инженер Метростроя Татьяна Федорова и другие в своих выступлениях говорили и о тяжелых испытаниях, которые

⁴² Там же, стр. 29.

⁴³ «Известия», 1941, 15 августа.

⁴⁴ «Зборник докумената и података о народно-ослободилачком рату југословенских народа», т. II, књ 2. Београд, 1949, стр. 9.

⁴⁵ «Известия», 1941, 15 августа.

⁴⁶ Arhiv Vojno-Istorijskog Instituta JNA. Beograd. Kutija 205, br. reg. 36/1—1.

⁴⁷ Ibid., kutija 205, br. reg. 35/1—1, 36/1—1.

⁴⁸ Г. А л е к с а н д р о в. Враг будет разбит (статьи, доклады, лекции). М., 1942, стр. 40.

выпали на долю югославских женщин, отмечая, что в Югославии растет партизанское движение.

Газеты сообщили о большом впечатлении, которое произвело обращение женщин Советского Союза на женщин Югославии⁴⁹.

В Красной Армии, так же как и среди участников народно-освободительного движения в Югославии, значительную часть составляла молодежь. Молодые воины обеих стран были близки друг другу по духу, их объединяли борьба против общего врага, стремление к свободе. Поэтому на антифашистском митинге молодежи в Москве в конце сентября 1941 г. наряду с советскими воинами по праву получил слово представитель борющейся югославской молодежи Велько Влахович. Он передал привет от молодых партизан Югославии и прочитал боевое донесение: только за два месяца партизаны нанесли большой ущерб технике, транспорту и связи оккупантов, уничтожили около 10 тысяч фашистов.

«Пусть это скромное донесение войдет в сводку о боях Красной Армии»⁵⁰, — заявил Велько Влахович. Обращение Антифашистского митинга молодежи стало известно молодым патриотам Югославии. В одном из освобожденных районов Югославии состоялся митинг в связи с обращением молодежи Советского Союза⁵¹.

И на Всеславянском митинге, и на женском антифашистском митинге, и на митинге молодежи — на каждом из этих форумов представители советской общественности проявляли свое братское отношение к народам борющейся Югославии, подчеркивали, что считают их верным, надежным союзником. «Сербы, черногорцы, хорваты..., словенцы куют оружие против своих поработителей. Развертывается героическая партизанская война»⁵², — писал в начале сентября 1941 г. член-корреспондент Академии наук СССР С. В. Бахрушин.

Осенью 1941 г. фашистские оккупанты и их пособники начали большое наступление, стремясь разгромить партизан и захватить освобожденные территории. В Советском Союзе с волнением следили за ходом боев, веря, что югославские партизаны преодолеют тяжелые испытания.

В те дни газета «Борба», выходящая в Ужице, перепечатала отражавшее эту веру сообщение из СССР, назвав его «Москва о боях в Югославии»⁵³. В сообщении шла речь об успехах черногорских партизан, об освобождении территории Сербии к юго-западу от Белграда, о боях близ Шабаца⁵⁴. Югославская партизанская печать рассказывала об ударах, которые Красная Армия наносила фашистам, о боевом опыте советских партизан. Так, «Борба» 28 октября 1941 г. перепечатала опубликованную в «Правде» статью «Партизанская война против фашистских людоедов»⁵⁵. Несколько дней спустя «Борба» отмечала: «Во многих наших отрядах командиры и политкомиссары в трудные минуты слушают московское радио и смотрят, не могут ли они использовать опыт русских партизан»⁵⁶.

Боевое единство народов Советского Союза и Югославии нашло свое волнующее выражение в дни празднования 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В лозунгах ЦК КПЮ в связи с 24-й годовщиной Октября подчеркивалось, что Советский Союз возглавляет борьбу угнетенных народов против фашистских захватчиков, и провоз-

⁴⁹ «Известия», 1941, 10 сентября.

⁵⁰ «Комсомольская правда», 1941, 29 сентября.

⁵¹ Там же, 3 октября.

⁵² С. В. Бахрушин. Героическое прошлое славян. М., 1941, стр. 14.

⁵³ См. «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. I, књ. 1. Београд, 1949, стр. 55.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 82.

⁵⁶ Там же, стр. 169.

глашалась здравица в честь нерушимого союза народов Югославии и СССР⁵⁷.

О неразрывной связи между народами страны Октября, которая вела гигантскую битву с силами варварства, и народами сражающейся Югославии «Борба» писала: «Наши народы должны мобилизовать все свои лучшие силы для празднования Великой Октябрьской революции, которая создала ударный кулак против фашистского чудовища. Ибо сегодня этот ударный кулак одновременно и фронт нашей Народно-освободительной борьбы»⁵⁸. В таком духе высказывалась вся югославская партизанская печать. Приведем лишь один пример. Газета «Новости», орган штаба Народно-освободительного партизанского отряда имени доктора Драгиши Мишовича, писала 18 октября 1941 г.: «Сопrotивление в оккупированных странах неуклонно растет. Особенно крупные бои происходят в Югославии, где народное восстание приобретает все больший размах. Тем самым священо братство по оружию между Югославией и Россией, которые совместно несут наибольшие жертвы в борьбе против ненавистного фашизма»⁵⁹.

Как высоко ценили в Советском Союзе боевые дела югославских партизан, свидетельствуют выступления Маршалов Советского Союза К. Е. Ворошилова и С. К. Тимошенко на парадах Красной Армии 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве и Воронеже⁶⁰. Маршал Ворошилов сказал: «Недалеко то время, когда все ограбленные и униженные славянские народы, подобно югославским партизанам, двинутся на своих озверелых фашистских врагов и сметут их с лица земли...»⁶¹. Публикуя выступление маршала К. Е. Ворошилова на первой странице, газета «Борба» сопроводила его следующим примечанием: «Эта важная и ценная похвала маршала Ворошилова еще больше увеличит готовность патриотов Югославии полностью изгнать оккупантов с родной земли»⁶².

Можно сказать, что в ноябре 1941 г., в дни ожесточенных сражений, которые советские войска вели под Москвой, и боевых действий партизанских сил под Ужице, советская печать как бы перекликалась с югославской партизанской. Так, «Правда» поместила 11 ноября 1941 г. передовую статью о великой освободительной миссии Красной Армии. Говоря о росте партизанского движения в Европе, она отмечала, что в Сербии идут ожесточенные бои между партизанами и фашистскими войсками. «Борба» 13 ноября 1941 г. перепечатала эту статью. 18 ноября «Борба» поместила передовую «Правды»: «Крах гитлеровского империализма неминуем»⁶³, а 20 ноября 1941 г. — передовую статью «Известий»: «Освободительная миссия советского народа». В ней отмечалось, что народы Советского Союза, наряду с войной за свободу своей социалистической родины, ведут войну за свободу других славянских народов, которые гитлеровский империализм не только поработил, но и хочет истребить⁶⁴.

20 ноября 1941 г. по московскому радио было передано приветствие советских партизан югославским партизанам. Его текст напечатан 22 ноября 1941 г. в «Борбе» на первой странице.

«Герои — героям» — так озаглавила «Борба» свой ответ на приветствие советских партизан. «Велико значение этого приветствия, — писала газета. — Герои огромной советской родины... своим приветствием свя-

⁵⁷ «Oktober u Jugoslaviji. 1918—1945». Beograd, 1967, s. 515.

⁵⁸ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. I, књ. 1. Београд, 1949, стр. 55.

⁵⁹ «Вести, Новости, Реч народа, 1941». Титово Ужице, 1961, стр. 201.

⁶⁰ См. «Правда», 1941, 9 ноября.

⁶¹ Там же.

⁶² Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. I, књ. 1, стр. 251.

⁶³ «Правда», 1941, 15 ноября.

⁶⁴ «Борба», 1941, 20 ноября.: «Известия», 1941, 16 ноября.

зывают новыми неразрывными узлами освободительную борьбу наших народов с победоносными боями Красной Армии и народов СССР»⁶⁵.

Советские и югославские воины оказывали друг другу не только моральную поддержку. Громя фашистские полчища под Москвой, Красная Армия хоронила надежды Гитлера на победу, помогала свободолюбивым народам в их борьбе. «Поражение под Москвой сделало возможным усиление партизанских акций в Югославии и других европейских странах», — писала «Борба» 25 ноября 1941 г.⁶⁶.

Как отмечала в то время советская печать, югославское партизанское войско составляло к концу 1941 г. около 80 тысяч человек. Подсчеты, сделанные уже в мирное время югославскими историками на основании документов, показали правильность этих данных⁶⁷. Это партизанское войско связывало вражеские силы, в несколько раз превышавшие его по численности.

Известный советский писатель Илья Эренбург писал в начале ноября 1941 г. о югославском народе — воине: «В горы ушел народ. На немецкие приказы он отвечает свинцом. Немцы вынуждены пздывать в Белграде военные сводки — война в Югославии закончена на бумаге, но на югославской земле война только начинается»⁶⁸.

Советская общественность и советская печать уже в первый год народного восстания в Югославии много сделали для пропаганды его успехов не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Московское радио, передачи которого велись на многих языках, регулярно передавало сообщения Советского Информбюро и другие материалы, в которых говорилось о развитии народно-освободительного движения в Югославии. При этом использовалась ценная информация, которую, несмотря на большие трудности, Генеральному секретарю ЦК КПЮ Иосипу Броз Тито (выступавшему под псевдонимом «Вальтер») удавалось по радио передавать в Москву. Так, например, в радиотелеграмме от 17 августа 1941 г. сообщалось, что партизаны подожгли в Белграде большой немецкий склад горючего, взорвали в Земуне авиационный завод⁶⁹. Данные об этих партизанских акциях были включены в вечернее сообщение Советского Информбюро от 16 сентября 1941 г.⁷⁰. Месячный срок, отделявший написание телеграммы от момента ее использования в СССР, свидетельствует о трудностях конспиративной радиосвязи.

Не только центральная, но и местная печать освещала ход народного восстания в Югославии, публиковала телеграммы ТАСС и собственные статьи на эту тему. Так, газета «Уральский рабочий», выходящая в Свердловске, регулярно писала о партизанском движении в Югославии⁷¹. 5 ноября 1941 г. она напечатала статью, в которой говорилось: «В Югославии партизанское движение по сути выросло в настоящую войну, в подлинный внутренний фронт»⁷².

Приведем в качестве примера еще газету «Правда Востока», выходящую в Ташкенте. 7 декабря 1941 г. на ее страницах выступил академик Евгений Тарле со статьей «Вулкан, готовый взорваться в любой момент». Характеризуя положение в Югославии, он отмечал, что «можно уже говорить о настоящей народной войне против поработителей. На сербских и хорватских горных отрогах происходят самые настоящие сражения, раз-

⁶⁵ См. Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. I, кн. 1, стр. 322.

⁶⁶ Там же, стр. 340.

⁶⁷ См. V. S t r u g a r. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969, s. 69.

⁶⁸ «Красная звезда», 1941, 7 ноября.

⁶⁹ См. V. D e d i j e r. Josip Broz Tito. Prilozi za biografiju. Beograd, 1953, s. 296.

⁷⁰ «Сообщения Советского Информбюро», т. I, стр. 240.

⁷¹ См. «Уральский рабочий», 1941, 10 октября; 1941, 15 октября.

⁷² «Уральский рабочий», 1941, 5 ноября.

растающие с каждым днем»⁷³. Такого же рода сообщения и статьи публиковались в Советском Союзе повсеместно.

Последние месяцы 1941 г. югославские партизаны провели в тяжелых боях с фашистскими войсками и их пособниками. Оккупантам, обладавшим и численным превосходством, и первоклассным вооружением, удалось вытеснить партизанские войска из ряда освобожденных районов Сербии. Но борьба продолжалась — в Сербии, в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Черногории, Словении, Македонии. Несмотря на то, что партизаны несли большие потери, ряды их не редели, постоянно пополняясь добровольцами.

Коммунистическая партия Югославии развернула огромную организаторскую деятельность, преодолевая многочисленные трудности и создавая прочную основу для дальнейшего развития народно-освободительного движения. Московская печать подчеркивала организованный характер народно-освободительной борьбы в Югославии. «Борцы за свободу Югославии имеют свой Генеральный штаб, руководящий действиями всех партизанских сил», — указывалось в статье «Народы Югославии усиливают свою борьбу», опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал»⁷⁴.

А в следующем, декабрьском номере журнала за 1941 г., на основе анализа развития партизанского движения в Югославии был сделан вывод, что она «из страны, оккупированной германским фашизмом, все больше превращается в страну, ведущую против него войну»⁷⁵.

«1941 год был годом внешнеполитических неудач Гитлера, — констатировал академик Е. Варга. — Первой внешнеполитической неудачей Гитлера в 1941 г. была неудача его в Югославии, где народное возмущение повлекло за собой устранение правительства предателей, готового без борьбы выдать страну Гитлеру. В результате Гитлер был вынужден вести тяжелую борьбу, которая в сущности до сих пор не закончилась, так как борьба партизан в Югославии носит характер настоящей войны»⁷⁶.

Подводя итоги развития партизанского движения в 1941 г., «Правда» писала 16 марта 1942 г.: «В Югославии идет упорная и ожесточенная партизанская борьба против немецких и итальянских захватчиков. Сотни тысяч сербов, черногорцев, хорватов, словенцев присоединились к партизанам. Армия партизан, как сообщают различные источники, насчитывает не менее 100 тысяч человек»⁷⁷.

Неделю спустя «Правда» поместила большую статью Б. Пономарева «Югославия в огне партизанской войны», в которой был дан глубокий анализ пути, пройденного народно-освободительным движением в 1941 г. Особое внимание было обращено на то, что сообщения об успешном контр-наступлении Красной Армии зимой 1941—1942 гг. не породили у югославских партизан настроений пассивного ожидания разгрома гитлеризма на советско-германском фронте и последующего в результате этого своего освобождения.

Наоборот, говорилось в «Правде», радостные вести из Москвы вдохновили югославских партизан на новые наступательные бои, они усилили удары по оккупантам. «Своей героической борьбой в тылу германского фашизма партизаны решили помочь великой битве за освобождение Европы от проклятого фашистского рабства»⁷⁸.

⁷³ «Правда Востока», 1941, 7 декабря.

⁷⁴ «Коммунистический Интернационал», 1941, № 10—11, стр. 59.

⁷⁵ Там же, № 12, стр. 54.

⁷⁶ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1941, № 9—10, стр. 19.

⁷⁷ «Правда», 1942, 16 марта.

⁷⁸ «Правда», 1942, 23 марта.

Решимость югославских партизан совместно со своими советскими братьями по оружию добиться разгрома фашизма подчеркивалась в приветственной телеграмме, полученной в конце февраля 1942 г. командованием Красной Армии от Верховного штаба Народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии в связи с 24-й годовщиной Красной Армии ⁷⁹. Текст этой телеграммы был опубликован в журнале «Коммунистический Интернационал» ⁸⁰, а затем на первой странице советского официального издания — бюллетеня посольства Советского Союза в Англии «Soviet war news» («Советские военные новости») ⁸¹. В бюллетене телеграмма была подписана главнокомандующим Народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии Тито. Так, в марте 1942 г. впервые со времени начала войны на страницах советской печати появилось имя товарища Тито.

Об отношении советской общественности к народному восстанию в Югославии в 1941 г. выразительно сказано в югославской партизанской брошюре «Москва нам и о нас», вышедшей в 1942 г. на освобожденной территории Хорватии в связи с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции:

«Нигде величественная борьба наших партизан и всего народа не встречала с первого дня большей симпатии и воодушевления, чем у всего русского народа и во всем Советском Союзе» ⁸².

Когда историк перелистывает сегодня пожелтевшие страницы газет, журналов, брошюр, выходявших в СССР в годы войны, перед ним встает картина борьбы против фашизма не только советского народа — это само собой разумеется, — но и его товарищей по оружию. При этом борьба народов Югославии, без преувеличения можно сказать, занимает особое место и отображена с особенно теплым чувством, ибо советская общественность всегда признавала и подчеркивала большой вклад Югославии в дело разгрома фашизма ⁸³.

⁷⁹ «Зборник докумената и података о народно-ослободилачком рату југословенских народа», т. II, [књ. 2.]. Београд, 1949, стр. 140.

⁸⁰ «Коммунистический Интернационал», 1942, № 1—2, стр. 80.

⁸¹ «Soviet war news», London, 1942, № 201, March 5.

⁸² «Moskva nama i o nama», 1942, s. 3 (отпечатано на стеклографе).

⁸³ См. В. В. З е л е н и н, Г. М. С л а в и н. Вклад народов Югославии в разгром фашизма. «Новая и новейшая история», 1970, № 6, стр. 62.

И. С. МИЛЛЕР

РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ КАК ПРОБЛЕМА КОМПЛЕКСНОГО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ¹

Настоящий симпозиум, организованный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, во многом продолжает работу, начатую симпозиумами по проблемам национального Возрождения у зарубежных славянских народов. Необходимо отметить тот важный факт, что работа наша начинается не на пустом месте, что она опирается на уже сложившуюся традицию, которую все мы ценим и от которой менее всего намерены отказываться². Ряд докладов, заявленных на наш нынешний симпозиум, развивает тематически программу предшествующих симпозиумов. Преемственность составляет важную и ценную черту нашей работы.

И вместе с тем, начиная наш симпозиум, следует обратить особое внимание как раз на то новое, что отличает его от предшествующих этапов работы, отличает, может быть, пока еще не столько самой конкретной программой, сколько замыслом, направленностью, установкой на будущее, так как планы нашего Института предусматривают продолжение в недалеком будущем работы, начатой нынешним симпозиумом.

Решение о перестройке Института славяноведения, о преобразовании его в Институт славяноведения и балканистики продиктовано многими соображениями научного и общественно-политического порядка. Среди них на первом месте стоит, очевидно, общность проблематики развития государств Центральной и Юго-Восточной Европы по пути социализма. Значение проблем новейшей истории, проблем современных, очень велико, но все же не они одни обуславливали необходимость выхода в исследовательской деятельности Института за пределы зарубежных славянских стран. Можно сформулировать это и иным образом — перестройка Института, продиктованная прежде всего насущными потребностями изучения проблем современного развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в полной мере отвечает научным задачам изучения этого региона и в предшествующие эпохи. Одним из наиболее ярких тому примеров является как раз та тематика, которой посвящен наш симпозиум.

¹ Сокращенный текст доклада на симпозиуме «Генезис капитализма, национально-освободительные движения и формирование национальной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (конец XVIII — 70-е гг. XIX в.)». Москва, февраль 1972 г.

² О работе этих симпозиумов см. хроникальные сообщения Н. П. Даниловой («Советское славяноведение», 1965, № 1; 1967, № 3), Н. В. Зуевой и Е. М. Шатохиной («Советское славяноведение», 1969, № 4), предисловие к сб. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970 и др.

Эпоха перехода от феодализма к капитализму, формирования наций, подъема национально-освободительного движения рассматривалась в нашем Институте и соответственно в работе предшествующих симпозиумов в рамках лишь западно- и южнославянских народов. Несомненно, что и в этих рамках можно было (не говоря уже об изучении интересующих нас процессов на *однонациональной* основе) осуществлять полезные сравнительно-исторические исследования, особенно содержательные тогда, когда речь шла о специфических чертах, определяемых близостью происхождения и исторического развития, языковым родством и т. п. Среди тех проблем изучаемой нами эпохи, разработка которых была весьма плодотворна на собственно славистической основе, следует выделить комплекс историко-культурных, общественно-политических и социально-психологических факторов, объединяемых понятием славянской взаимности.

Мы далеки от мысли, что эта проблематика исчерпана или что она утратила свое значение, мы против недооценки ее, тем паче против какого-либо ее ущемления, против свертывания работы в этой области. Но ни в коей мере не ограничивая ее, не сбрасывая ее со счета, мы должны правильно оценить ее действительное место, уяснить себе, где, в какой сфере диктуемые ею рамки закономерны и оправданы, а где они — при всей их традиционности — искусственны, неисторичны, сдерживают развитие науки.

Нам представляется, что процессы социально-экономического, политического, национального, культурного развития на стадии перехода от феодализма к капитализму являются для всех или почти всех народов Центральной и Юго-Восточной Европы не только более или менее синхронными, но и во многих своих основных чертах сходными или близкими, нередко взаимосвязанными. А если это так, то можно и должно строить как взаимосвязанное и изучение этих процессов в масштабах всего региона, отказавшись от искусственного деления его на территории (соответственно — народы) славянские и неславянские. Разумеется, это не означает отказа от выявления черт специфически общих для развития славянских народов в изучаемую эпоху, от изучения того комплекса славянской взаимности, о котором только что шла речь. (При этом заметим попутно, что этот комплекс также не терпит искусственного ограничения, каким является нередкое у нас ранее исключение или по меньшей мере неполноценное включение в него проблематики отечественной, проблематики *восточного* славянства). Но — возвращаясь к основной нити нашего рассуждения — в масштабах всей многообразной проблематики рассматриваемого периода специфически славистические вопросы являются лишь частью ее, пусть важной и исследовательски интересной, но частью, которая не должна замыкать в себе, ограничивать поле зрения исследователей.

Переход от изучения проблематики развития западно- и южнославянских народов к изучению проблематики развития народов всей Центральной и Юго-Восточной Европы — это не только количественное приращение, это постановка исследования занимающих нас процессов на значительно более широкую историческую базу, это создание научно обоснованных условий для исследований сравнительного и типологического характера, тех исследований, которые должны занять в деятельности нашего симпозиума ведущее место. Уместно здесь напомнить ленинские слова о том, что «сравнение политического и экономического развития разных стран... имеет громадное значение с точки зрения марксизма»³.

Закономерен вопрос: что дает нам основание утверждать о создании рамками данного территориального ареала научно-обоснованных усло-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 268.

вий для изучения процессов социально-экономического, политического, национального, культурного развития в период перехода от феодализма к капитализму? Ведь речь идет о процессах не локального, а глобального характера; через этот этап исторического развития прошли, при этом в ряде случаев в то же самое столетие — между 60—70-ми годами XVIII и 60—70-ми годами XIX века — и другие народы как Западной, так и Восточной Европы за пределами ареала, очерчиваемого кругом деятельности нашего Института. Когда речь идет о народах славянских, тут критерий очевиден и бесспорен, но если мы, наряду с ними, занимаемся изучением истории мадьяр, румын, греков, то почему бы не распространить изучение на немцев и итальянцев, скандинавов и испанцев, наконец, на русских? Именно здесь следует продолжить приведенную выше цитату и напомнить предостережение В. И. Ленина: «Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, *сравнимы* ли исторические эпохи развития сравниваемых стран»⁴.

Разумеется, рассматриваемые нами процессы составляют лишь часть более широких явлений. Генезис капитализма есть общеисторическая закономерность и этап всемирно-исторического развития, и очевидно, что по отношению к этим всеобщим масштабам в социально-экономических процессах, характерных для рассматриваемого этапа, в Центральной и Юго-Восточной Европе могут быть отмечены прежде всего черты *общности*. Но как только мы обратимся к выявлению основных *типов* генезиса капитализма, как только речь пойдет о *специфике* социально-экономического развития, мы убедимся, что генезис капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы типологически разнится не только в сопоставлении с такими странами Западной Европы, идущими далеко впереди в процессе капиталистического развития, как Англия и Франция, но и с Италией и со скандинавскими и пиренейскими странами.

Специфический характер капиталистического аграрного развития отличает территории, лежащие к востоку от Эльбы (Лабы), и хотя ареал, определенный по этому признаку, включая в себя и восточную часть Германии, и значительную часть Европейской России, много шире, чем принимаемый нами ареал Центральной и Юго-Восточной Европы, очевидно, что уже этот признак не дает нам права трактовать как равные, типологически общие социально-экономические процессы формирования капитализма к востоку и к западу от воображаемой линии, соединяющей среднее и нижнее течение Эльбы со славяно-итальянской этнографической границей на побережье Адриатического моря. Естественно, что ни у кого из участников плодотворно работающего в течение уже многих лет симпозиума по аграрной истории Восточной Европы не вызывает сомнения научная обоснованность именно такого симпозиума.

Однако сам по себе генезис капитализма, социально-экономические процессы составляют при всей их важности лишь часть исследуемого нами комплекса. Не просто смена феодальных производственных отношений отношениями капиталистическими, но связанный с этим процесс реформирования типичных для феодализма общностей людей в структурно и качественно новые общности — нации с новым уровнем социальной и национальной психологии, с качественно новым уровнем культуры и как следствие всех этих экономических, социальных, национальных процессов (а с другой стороны и в свою очередь как мощный катализатор всех этих процессов) новая политическая обстановка, важнейшей чертой которой становятся национальные движения, — таков комплекс изучаемых нами явлений.

⁴ В. И. Л е н и н. Там же.

В этих условиях мы можем сказать, что критерием, объединяющим страны Центральной и Юго-Восточной Европы, критерием, на основе которого мы определяем ареал изучаемых нами *сравнимых*, сопоставимых процессов, является *развитие капитализма и формирование наций, протекание при отсутствии собственной государственности и связанные с борьбой за политическую независимость или политические условия свободного национального развития*. Этот определяющий фактор в полной мере относится не только к зарубежным славянским народам, но и к грекам, мадьярам, румынам. Рассматриваемые нами процессы составляют ось, важнейшее существо внутривосточного развития двух гигантских многонациональных государств — Австрийской и Османской империй, территория которых к началу XIX в. почти покрывает ареал Центральной и Юго-Восточной Европы. И для той, и для другой империи характернейшей чертой является то, что господствующая политическая нация составляла ничтожное меньшинство по отношению к угнетенным и борющимся за свое освобождение нациям. В этом основное принципиальное отличие этих государств от Российской империи и от Пруссии, где национальный вопрос и национально-освободительное движение угнетенных наций не приобретали в период, изучаемый нами, такого определяющего значения. И там, и здесь исключения составляют польские земли, включаемые нами в изучаемый ареал Центральной и Юго-Восточной Европы.

Сопоставим выборочно некоторые проблемы и условия их изучения в сравнительно-историческом аспекте на основе материала истории зарубежных славянских народов и истории всех народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Одной из центральных проблем изучения национально-освободительного движения является проблема завоевания борющимся народом национальной независимости. История Сербии и история Болгарии дают важный материал для исследования этой проблемы, но разве не обогатится оно при распространении его на другие государства, добившиеся независимости в XIX в., в том числе и на Грецию — первое из балканских государств, достигшее полного, формально юридически признанного суверенитета? Разве не плодотворно изучение этапов утверждения политической независимости на материале не только Сербии, но и Дунайских княжеств? Разве не расширяет диапазон проблемы изучение политического статуса Венгрии на основе австро-венгерского соглашения 1867 г.?

Расширение возможностей сравнительно-исторического изучения ценно само по себе, но оно сочетается с обеспечением подлинно исторической полноты комплекса анализируемых явлений, с отказом от искусственного расчленения их. Ибо другой стороной этой проблематики является изучение национально-освободительных движений в их взаимосвязи, в комплексе, в масштабе всего многонационального государства. И в этом плане история национально-освободительного движения народов, сбросивших османское иго, не сводится к борьбе южных славян, но должна включать борьбу греков и румын. Приведем другой пример, взятый непосредственно из практики нашей работы. Начатая в Институте славяноведения еще до его реорганизации работа над коллективным трудом «Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи» вызывала известные опасения, поскольку подобная формулировка темы таит угрозу исторически искусственного отделения проблематики борьбы славян от борьбы венгров, итальянцев, румын.

Одним из специфических вариантов является развитие нации в условиях, когда ее национальная территория расчленена, входит в состав различных государств. До сих пор подобный вариант мы рассматривали толь-

ко на примере поляков. Но в сходном положении, хотя с иным ходом дальнейшего развития находились в первой половине XIX в. румыны. Сравнительно-историческое исследование черт, сближающих и различающих судьбы этих народов, может представить немалый интерес.

Специфическим вариантом исторического развития является освободительное движение нации с традициями своей государственности и занимавшей прежде положение нации господствующей в многонациональном государстве. Особенности национальной психологии, особенности взаимоотношений данной нации с соседними нациями, в прошлом подчиненными ей, составляют немаловажную проблему изучения польского освободительного движения в XIX в. Среди зарубежных славянских народов объекта для сопоставления мы не находили. Но значит ли это, что данное явление уникально? Сопоставим проблему «поляки и их взаимоотношения с украинцами, белорусами, литовцами» с проблемой «мадьяры и их взаимоотношения со словаками, румынами, хорватами и сербами»; разве нет здесь обширного поля для исследовательской работы?

Ограничимся приведенными примерами. Они свидетельствуют о том, что изучение закономерностей развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, выявление черт общих и специфических предоставляет нам значительно большие возможности и может открыть более широкие научные перспективы, чем изучение этих проблем на материале лишь славянских стран.

До сих пор в центре нашего внимания было общее сопоставление процессов на материале западно- и южнославянских народов и на материале всех народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Говоря о специфических чертах общности процессов для всего этого региона, мы не забываем и не отрицаем наличия особенностей, дающих основание подразделить этот обширный регион на два отчетливо определяемых субрегиона — балканский и центрально-европейский. В рассматриваемую эпоху их отличают не столько особенности экономического развития (несомненно немаловажные), сколько специфика оттоманского владычества, существеннейшим образом отражавшаяся на условиях национального развития, на задачах и характере национальных движений балканских народов. В эту эпоху даже сама граница между обоими субрегионами не соответствует нашим современным понятиям о границах Юго-Восточной Европы (Балканского субрегиона). В эпоху складывания наций и нарастания национальных движений эта граница более или менее совпадает с границей, отделявшей на рубеже XVIII и XIX вв. Оттоманскую империю от ее европейских соседей, хотя очевидно, что в то время эта граница пересекала национальную территорию таких народов как румыны и сербы. Должны были пройти многие годы, ознаменованные как возникновением и укреплением национальных государств — Румынии и Сербии, так и ослаблением могущества Турции, чтобы значение этой исторической границы между двумя субрегионами поколебалось. По существу же новое, современное определение этой границы утвердилось лишь после распада Австро-Венгрии, создания Югославии и воссоединения румынских земель.

Признание специфики развития балканских народов и народов Центральной Европы в новое время, в частности, в эпоху становления наций и развертывания национальных движений, нашедшее в Институте славяноведения и балканистики выражение в его внутренней структуре, соответствует задачам взаимосвязанного, сопоставимого, сравнительно-исторического изучения — при широком комплексном понимании этой проблематики — как каждого из названных субрегионов, так и всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму.

Обратимся к вопросу о том, в чем мы видим задачу наших симпозиумов, что определяет наше место, место советских исследователей в изучении рассматриваемой проблематики.

Программа нашего симпозиума свидетельствует о том, что мы не отвергаем конкретных исследований тех или иных сторон рассматриваемых процессов в рамках одной нации или одной страны. Такие доклады, такие работы вполне закономерны, более того, с значительной долей вероятности можно предсказать, что и впредь они будут составлять количественно преобладающую часть нашей общей работы. И при всем том следует вполне определенно сказать (ни в коей мере не подвергая сомнению научную ценность отдельных исследований такого рода), что для многочисленного коллектива специалистов разных профилей, каким является наш симпозиум, это не главное. Важнейший результат деятельности симпозиума должен состоять в переходе — на основе конкретных страноведческих и узкопрофильных работ — к следующему уровню научного анализа, уровню научного обобщения.

При решении этой задачи необходимо дальнейшее развитие сотрудничества советских ученых с их коллегами в европейских социалистических странах. Не входя в оценку достижений и недочетов общественных наук в каждой из этих стран, учитывая конкретные особенности, мы можем считать в целом, что и по реальным возможностям, и по наличным или по крайней мере потенциальным научным силам наши коллеги, гуманитарии-марксисты в социалистических странах Европы, находятся, когда речь идет об изучении многих проблем истории, истории культуры *своих* стран, в положении более благоприятном, чем советские исследователи истории и истории культуры этих же стран. Наши коллеги успешно работают в области отечественной истории и в основном могут работать в этой области более успешно, чем мы. Этот общий вывод отнюдь не означает, что мы не вправе, что мы не можем и не должны заниматься конкретными проблемами социально-экономической, политической, культурной истории этих стран, что в создаваемых в Советском Союзе трудах не может быть научных достижений в этой области, ценных сами по себе и существенных для науки в соответствующих странах. Однако жизнь все более определенно показывает, что основную научную силу в изучении внутренних проблем развития каждого народа составляет национальная, отечественная марксистская наука, а ученые из братских стран, в том числе советские ученые, могут играть в этой области преимущественно вспомогательную роль. Такова тенденция развития науки и вряд ли можно поставить под сомнение ее закономерность и оправданность.

Продолжая и впредь заниматься проблемами внутренней истории этих стран (мы вновь и вновь подчеркиваем, что вовсе не думаем, что эту работу следует свертывать), мы должны тесно сотрудничать с нашими зарубежными коллегами, внимательно следить за развитием науки в братских социалистических странах. Быть в курсе ее достижений, учитывать их и осваивать, вносить свой вклад в разработку тех или иных проблем, но не ставить перед собою задач, которые успешно и главное — более успешно могут быть решены в самих странах, — так, на наш взгляд, следует подходить к этому вопросу.

Возможно, кому-либо покажется, что такой взгляд безосновательно пессимистичен, что это призыв к свертыванию успешно ведущейся работы. Еще раз скажем, что это лишь обобщенная оценка положения дел и перспектив, несколько не перечеркивающая имеющихся достижений нашей науки. И если сказанное выше можно расценить как призыв к ограничению нашей работы в области определенных проблем внутренней истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, то это справедливо лишь

в той мере, что наши силы с большей пользой для нашего общего научного дела могут быть использованы в иной области.

В чем же заключаются наши важнейшие задачи, когда речь идет об изучении проблем социально-экономического, политического, национального, культурного развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму? Прежде всего именно в постановке этих проблем в масштабах всего региона, в целенности на *сравнительно-историческое, типологическое изучение* этой проблематики.

Следует отметить, что в некоторых странах ведется в ограниченных масштабах исследовательская работа, выходящая за национальные рамки, затрагивающая более широкие проблемы истории Центральной и Юго-Восточной Европы. Уже появились первые исследования сравнительно-исторического профиля, заслуживающие серьезного внимания. Назовем, например, книгу М. Гроха «Инициаторы (или — пионеры) национального движения у малых народов Европы (Сравнительный анализ социальной структуры патриотических групп)»⁵ и ряд статей Ю. Хлебовчика, составляющих крупное исследование по вопросам национального развития малых народов Центральной Европы⁶. Однако работы такого типа пока еще единичны.

Сама структура гуманитарных наук и научных учреждений в нашей стране, большой опыт, накопленный нашей наукой в области всеобщей истории, в области историко-литературных исследований и т. д., создают большие возможности для разработки советскими учеными проблем широкого масштаба. По самому своему характеру исследования сравнительно-исторического плана могут быть в современных условиях в основном исследованиями коллективными или во всяком случае опирающимися на деятельность исследовательского коллектива. Это обеспечивает условия для организации широкого фронта исследования проблемы в масштабах региона.

Залогом успешного исследования проблемы является *комплексный подход* к ней. Проблематика, которую мы изучаем, такова, что усилия одних только историков не могут обеспечить освещения всех ее сторон. Но наш симпозиум, как и плановые работы Института в этой области, предусматривает объединение в изучении этой проблематики историков и историков культуры, литературоведов и лингвистов. К этой стороне дела мы вернемся еще в дальнейшем.

Необходимо отметить еще одну область исследований, представляющую большой научный интерес. Речь идет о связях России с народами Центральной и Юго-Восточной Европы в изучаемый нами период, связях, значение которых для истории этого региона было так велико и в изучении

⁵ M. H r o c h. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei der kleinen Völker Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Prag, 1968; е г о ж е. K otázce územní skladby národního hnutí. CSCH, 1971, č. 4, s. 513—536. Следует, впрочем, заметить, что большинство рассматриваемых Грохом малых наций не относятся к интересующему нас ареалу (финны, эстонцы, литовцы, фламандцы), а из народов Центральной Европы исследователь привлекает материал о чехах и словаках, т. е. в интересующей нас тематике остается в рамках *отечественной* истории.

⁶ J. S h l e h o w s z y k. Marks i Engels a problem małych narodów w Europie środkowo-wschodniej (W kwestii genezy i rozwoju tzw. narodów niehistorycznych). «Z pola walki», 1970, № 2; е г о ж е. Procesy narodotwórcze w Europie środkowo-wschodniej a strategia i taktyka ruchu robotniczego. «Z pola walki», 1971, № 2; е г о ж е. Ruch robotniczy a kwestia narodowa w monarchii Habsburgów. «Z pola walki», 1968, № 1; е г о ж е. Kształtowanie się świadomości społecznej i narodowej na pograniczu językowym (w warunkach środkowoeuropejskich). «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej», t. IV, 1968.

которых наша советская наука уже сделала немало. Обширная документальная база наших советских архивов и библиотек создает условия для разработки не только вопросов связей, но и ряда конкретных проблем внутренней истории народов этого региона. И здесь наши зарубежные коллеги приобретают благоприятные возможности для исследовательской работы по вопросам внутренней истории *своих* стран, основанной на *нашей* источниковедческой базе.

Одним из основных условий продуктивности наших научных усилий является знание современного состояния разработки рассматриваемой проблематики. Никто в наш век не может сам следить за движением науки во всех областях обширной проблемы. Интерес к разным аспектам проблемы, разный страноведческий профиль, разная языковая подготовка — все это определяет и ограничивает поле зрения каждого из нас. Но как *коллектив* мы можем и должны охватить проблему в целом. Первостепенная по важности задача — разобраться в том, что сделано в этой области у нас, что сделано за рубежом, вокруг чего ведутся споры, ознакомить друг друга с достижениями в изучаемой области, с проблематикой.

Отсюда следует, что, планируя свою работу к будущим симпозиумам, мы должны обратить особое внимание на сообщения — обзоры, на доклады по узловым методологическим проблемам, стремиться выносить на симпозиумы не просто итоговые сообщения, отчеты о проделанной работе, а формулировать круг тех вопросов, к пониманию которых или пусть хотя бы к постановке которых эта работа подводит.

Иными словами, симпозиум как форма коллективного общения широкого круга специалистов по различным аспектам объединяющей нас проблематики важен и ценен как возможностью подвести *итоги сделанного* и в живой дискуссии и в сопутствующих заседаниям контактах обменяться мнениями на сей счет, так и возможностью обогатить *будущую работу* каждого из нас информацией о работе в смежных областях, сопоставлениями, ассоциациями, идеями, которые, возникнув на ином материале, могут оказаться плодотворными в более широкой сфере, могут открыть путь к ценным обобщениям.

Нам следует подумать о том, как максимально использовать достоинства комплексной структуры Института славяноведения и балканистики и комплексной основы нашего симпозиума. Необходимо выявить взаимные научные потребности, встречные пожелания — разработки каких вопросов, выявления каких материалов ждут, например, историки литературы от историков, а историки от лингвистов и т. п.

Приведем некоторые примеры таких комплексных задач.

Проблемы романтизма неизменно привлекают внимание литературоведов. Немало полезного накоплено в этом отношении в историко-литературной науке каждого из изучаемых нами народов. Однако представляется, что вопрос о типологии и специфике романтизма у народов нашего региона, о связи этого литературного и общекультурного направления с процессом утверждения нации, с национально-освободительным движением заслуживает особого внимания и что исследования в этой области, в особенности широкомасштабные сравнительно-исторические и комплексные исследования, могут внести много ценного и в трактовку изучаемой нами проблематики.

Не дело историка оценивать, какой интерес для языкознания представляет проблема формирования общенациональных и литературных языков. Но проблема эта имеет аспект, весьма существенный именно для историков и историков культуры. Этап развития языка, соответствующий процессу формирования нации, это не просто накопление тех или иных, более или менее значительных изменений. Это стадия, на которой всегда

присущее развитию языка стихийное начало сочетается с сознательной деятельностью, направленной на формирование языка как фактора самоутверждения нации; и историко-культурное и общеисторическое значение этой сознательной деятельности несомненно. Но как оценить соотношение стихийного и сознательного, масштаб этого сознательного, его особенности без помощи лингвистов, без их участия, активного и целенаправленного?

Для процессов, которые мы изучаем, весьма существенно исследование лексикографии, развитие которой не случайно повсеместно сочетается с теми явлениями, которые мы привыкли кратко называть национальным Возрождением. Чтобы избежать недоговоренности в этих вопросах, уточним: речь идет не о собственных и специфических интересах и задачах языкознания; с точки зрения лингвиста, например, словарь Самуэля Богумила Линде может не представлять особого интереса (хотя как будто дело не обстоит столь печально), но историки и историки культуры кровно заинтересованы в работе лингвистов над этим словарем. При этом нас, нелингвистов, интересует не только, может быть, даже не столько то состояние польского языка, которое более или менее полно, более или менее удовлетворительно с точки зрения требований современного языкознания зафиксировал Линде, сколько его активное вмешательство в развитие языка, его отношение к другим языкам, родственным и далеким, содержание и могивы его нормативных принципов, понимание и оценка им собственной деятельности, ее места в национальной культуре и т. п. Разработка этих и аналогичных вопросов лингвистами может существенно подвинуть вперед работу историков и историков культуры, невнимание лингвистов к этим потребностям может основательно обеднить нашу работу.

Сравнительно недавно состоялось утверждение планов Института славяноведения и балканистики на 1971—1975 гг. В этих планах проблема «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму» является одним из наиболее значительных разделов.

Скажем сразу: планы Института показывают, что мы еще далеки от той более высокой стадии, того уровня научного обобщения, ориентироваться на который мы призываем. Мы вместе будем стремиться к достижению этого уровня — и сотрудники Института, и тот внеинститутский актив, который объединен нашим симпозиумом. Закономерно поэтому, что запланированные на настоящую пятилетку три симпозиума по данной проблеме занимают центральное место в соответствующем разделе планов Института.

В прошлом пятилетии начата коллективная работа «Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи в конце XVIII — 70-х годах XIX века». Работа должна быть завершена в 1974 г. Мне уже пришлось выше упомянуть эту работу, чтобы зафиксировать свое несогласие с исходным ее замыслом; полагаю, что независимо от ее наименования она будет выходить за определенные им рамки, залогом чего, как нам кажется, является уже само участие в редколлегии специалиста по унгаристике.

Группа сотрудников Института славяноведения и балканистики принимает участие в коллективном труде о генезисе капитализма, готовящемся в рамках всего Отделения истории АН СССР. Очевидно, что наши авторы вместе с представителями Института истории СССР призваны раскрыть специфику генезиса капитализма в восточноевропейском регионе в широком смысле этого слова. Вхождение в коллектив, исследующий проблему в глобальном масштабе, может оказаться полезным для наших авторов, дать им дополнительные опорные пункты для исследовательской

работы по вопросам генезиса капитализма в Центральной и Юго-Восточной Европе.

В круг изучаемой нами проблематики входят большие публикации Института, которые, естественно, по силам только академическому учреждению. Это заключительная серия томов известной публикации «Восстание 1863 года», издания, осуществляемого совместно с Польской академией наук (она практически реализует выпуск в свет подготавливаемых совместно томов). Это совместное с Сербской академией наук издание «Первое сербское восстание», основанное на материалах советских и югославских архивов. Это большое, совместное с Болгарской академией наук издание «Национально-освободительное движение в Болгарии и Россия в 50—70-х годах XIX века», которое наряду с публикацией документов должно включать в себя и сборники статей. Наконец, это публикация «Славянский вопрос в материалах архива М. Ф. Раевского», в подготовке которой участвуют Словацкая академия наук и югославские научные учреждения, тематически же публикация касается всех славянских народов Австрийской империи в 40—70-годах XIX в.

Здесь не место перечислять темы отдельных плановых работ сотрудников Института. Отметим лишь, что хотя работы по истории зарубежных славянских народов по традиции составляют наиболее значительную часть плана, в нем появились темы по истории Венгрии, Румынии, Греции. Однако в плане почти нет еще работ комплексного и сравнительно-исторического характера, о значении которых говорилось выше.

Означает ли это, что постановка таких задач нам вообще не по силам, что они должны дожидаться каких-то иных, «крупномасштабных» специалистов? Конечно, нет. Но работы комплексные и сравнительно-исторического характера требуют, как правило, кооперации усилий. Одна из задач нашего симпозиума в том, чтобы осмотреться, прикинуть силы, наметить пути такой кооперации.

Это может быть сведение вместе, в рамки, например, одного тематического сборника группы статей, которые, будучи собраны воедино, перекличкой материала, созвучием тематики будут обогащать друг друга, будут отвечать этой более сложной задаче. Не решая каждая сама по себе задач сравнительно-исторического плана, такие статьи будут ориентироваться на то, чтобы во взаимосвязи подводить к этим задачам, чтобы *сборник* становился качественно новой ступенью исследования.

Это, разумеется, может быть и более органичное сочетание усилий — подготовка коллективных работ, при этом отнюдь не обязательно обширных и объемных сочинений; таким коллективным трудом может быть и статья в 3—5 листов, раскрывающая определенный аспект изучаемой проблемы в масштабах нескольких стран или всего региона.

Инициатива организации таких коллективных научных исследований может исходить от Института славяноведения и балканистики, что будет вполне естественно. Но это не означает, что такие предложения может вносить лишь Институт. Напротив, и содержание нашего симпозиума, и дискуссия на нем могут выявить ряд ценных перспектив в этом смысле. Ведь в такой кооперации заинтересован не только Институт, не только его сотрудники, но и каждый из участников симпозиума. Можно сказать вполне определенно: при рассмотрении планов публикации по изучаемой нами проблеме Институт славяноведения и балканистики, издательские возможности которого, к сожалению, весьма ограничены, будет отдавать решительное предпочтение всем работам — докладом, статьям, а, может быть, и монографиям, которые выходят за узкопрофильные и страноведческие границы, работам, которые поднимают большие вопросы методологического значения, подводят к широким обобщениям, соответствуют

задачам комплексного и сравнительно-исторического изучения развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Чтобы сделать нашу работу более целенаправленной и продуктивной, имеет смысл в дальнейшем делать предметом обсуждения — в отличие от нашего нынешнего симпозиума — не все возможные вопросы всех отраслей изучаемой нами обширной проблемы, а некоторые, заранее намеченные, вынесение которых на симпозиум наиболее обоснованно состоянием исследований и интересами развития науки. Основной темой следующего симпозиума, запланированного на 1973 год, станут проблемы развития национальных культур у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму.

Мы полагаем, что ограничение тематики будущего симпозиума не только послужит концентрации наших усилий и тем самым обеспечит большую целенаправленность работы симпозиума, но и позволит нам избежать в дальнейшем того разобщения, каким, к сожалению, является деление программы данного симпозиума по секциям. Ведь мы стремимся к комплексной, объединенной работе, например, историков и историков культуры, а сами разводим их по разным секциям. Понятно, что при той глобальной проблематике и том обилии докладов, которые характеризуют наш нынешний симпозиум, организовать работу без подразделения на секции было просто невозможно, но мы должны отдавать себе отчет в отрицательных сторонах такой организации и постараться в дальнейшем от них избавиться.

Следует подумать и о том, чтобы углубить подготовительную работу к симпозиуму, в частности о том, чтобы обеспечивать предварительную публикацию текстов или тезисов докладов, по крайней мере основных докладов, широкое и обстоятельное обсуждение которых должно стать важнейшим элементом работы симпозиума.

Все эти и иные не названные мною научно-организационные вопросы приобретают существенное значение, если исходить из того, что наш нынешний симпозиум следует рассматривать не как единичное мероприятие, а как начальный этап большой и довольно длительной совместной работы.

В. А. АРТАМОНОВ

РУССКО-ПОЛЬСКИЙ СОЮЗ В КАМПАНИИ 1708—1709 ГОДОВ

Русско-польское сближение, наметившееся в конце XVII в., создало предпосылки к перелому в отношениях двух славянских стран. В 1704 г. был заключен Нарвский союз для совместной защиты от шведского натиска¹. Тем не менее объединенным силам России, Речи Посполитой и Саксонии не удалось изменить ход Северной войны в свою пользу. В 1706 г. Карл XII нанес сильнейший удар по Северному союзу — в результате Альтранштадтского договора Саксония была выведена из войны, а польско-саксонская уния разорвана. Речь Посполитая потеряла короля, а Россия — опору в Центральной Европе. Для обеих славянских стран борьба со Швецией стала в это время борьбой за независимость.

Данная статья посвящена русско-польскому союзу. Почему он не был расколот Карлом XII так же, как польско-саксонская уния? Что дало силы сопротивляться польской стороне и что помешало Лещинскому объединить Речь Посполитую? Какова динамика развития русско-польских отношений в кризисный период войны?

В отечественной историографии польско-русским отношениям периода Северной войны уделялось мало внимания. Активность петровской дипломатии в Западной Европе отвлекала внимание русских историков от польского вопроса. Основные моменты польско-русских отношений периода 1706—1711 гг. в основном верно освещены С. М. Соловьевым², но специфика его труда, естественно, не позволила ему подробно рассмотреть эту тему. Советская историография больше занималась вопросами русско-западноевропейских и русско-турецких отношений³.

Основательно, но крайне тенденциозно разрабатывалась польско-русская тематика в польской межвоенной историографии. Она считала пагубным для исторических судеб Речи Посполитой русско-польский союз, который якобы привел ее к зависимости от России и был преддверием разделов Польши. Все исторические события освещались исходя из антирусских позиций, польско-русского антагонизма и прошвед-

¹ Становление союза рассмотрено В. Д. Королюком в работах, печатавшихся в Ученых записках Института славяноведения АН СССР, т. 3—10, М., 1951—1954.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 8. М., 1962, стр. 198—286.

³ Специально русско-польским отношениям 1708—1709 гг. посвящена только статья А. П. Глаголевой «Русско-польские отношения периода Полтавской победы». (Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 14. М., 1955), написанная на основе «Писем и бумаг Петра Великого». В ней не учтен ряд документов фонда «Сношения России с Польшей» (ЦГАДА), а также не затронуты вопросы, прямо касающиеся данной темы — например, проблема Правобережной Украины. См. также Т. К. Крылова. Польский вопрос, его место и значение в русско-турецких отношениях 1710—1713 гг. Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 42. М., 1964.

ской ориентации Речи Посполитой. Агрессивность царизма по отношению к польскому народу переносилась с конца XVIII в. на его начало, а русский союзник — Сандомирская конференция рассматривалась как марионетка в руках русского правительства. Необоснованно утверждалось, что Саксония и Россия были для сандомирян «утлыми опорами», а Лещинский олицетворял национальные интересы. То, что Речь Посполитая не объединилась вокруг него, объяснялось упрямством Карла XII, который не позволил варшавским конфедератам вести переговоры с сандомирянами⁴. Историография народной Польши верно оценила роль русско-польского союза в сопротивлении Речи Посполитой шведской агрессии. Правильно указывалось на то, что Сандомирская конфедерация связала силы Лещинского и не позволила ему ударить по Украине⁵.

Часть немецких буржуазных историков до сих пор не отказалась от освещения событий Северной войны с позиций «русской опасности» для Европы. Они считают Речь Посполитую того времени пустым местом в «антирусском барьере». Основное внимание уделяется борьбе западно- и североευропейских стран против мифической «русской угрозы»⁶. Выдвигается явно фальшивый тезис, что спасение Речи Посполитой от поглощения Швецией и Россией заключалось в установлении более тесных отношений с Пруссией⁷.

Богатые материалы ЦГАДА дают возможность существенно пересмотреть и дополнить мало освещенные до сего времени вопросы польско-русских отношений периода кризиса 1708 г.

К началу 1708 г. военная и политическая обстановка для России и Речи Посполитой была серьезной. Карл XII намеревался разбить Россию, нанеся удар по Москве, посадить на место Петра своего вассала, например королевича Якуба Собеского, установить в стране допетровские порядки и разделить ее на отдельные, зависимые от Швеции государства⁸. Преследуя великодержавные цели, шведский король планировал отторгнуть у Речи Посполитой Курляндию, Гданьское Поморье и польскую часть Лифляндии⁹, а остальную территорию использовать в шведских экономических интересах¹⁰. Лещинскому предназначалось разгромить сандомирских конфедератов, объединить Речь Посполитую и потом нанести вспомогательный удар по Украине. Лещинский чувствовал шаткость трона, поддерживаемого только шведскими штыками, и поэтому пытался привлечь себе на помощь и Францию, и Порту, и Крымское ханство, и Мазепу. Канцелярия Карла не препятствовала этому, но и не поддерживала активно его политику. Политика Лещинского и его сторонников имела и другие особенности. Польша варшавских конфедератов была в сущности шведским сателлитом, в связи с чем среди

⁴ I. F e l d m a n. Polska w dobie wielkiej wojny północnej. Kraków, 1925, s. 261; е г о ж е. Stanisław Leszczyński. Warszawa, 1959; W. K o n o p c z y Ń s k i. Polska a Turcja. Warszawa, 1936; е г о ж е. Polska a Szwecja. Toruń, 1935.

⁵ Ю. А. Гер ов с к и й. Польша и победа под Полтавой. Сб. «Полтавская победа». М., 1959, стр. 22—64; A. K a m i Ń s k i. Konfederacja Sandomierska wobec Rosji w okresie poaltranszadzkiem 1706—1709. Wrocław, 1969.

⁶ O. H a i n t z. König Karl XII von Schweden, Bd. 1—3. Berlin, 1958.

⁷ E. H a s s i n g e r. Brandenburg — Preußen, Russland und Schweden 1700—1714. München, 1953, S. 190. Исключением является работа западногерманского историка Виттрама. R. W i t t r a m. Peter I, Czar und Kaiser, Bd. 1—2. Göttingen, 1964.

⁸ Некоторые современные шведские историки называют этот план К. Пипера провокационным. Å. A b e r g. I karolinernas spår. Stockholm, 1959, s. 20.

⁹ N. H e r l i t z. Den polska frågan 1708—1709. Karolinska förbundets årsbok. 1924, s. 151.

¹⁰ K. G. H i l d e b r a n d. Ekonomiska syften i svensk expansionspolitik 1700—1709. «Historia kring Karl XII». Stockholm, 1964, s. 52—54.

станиславчиков распространялось подспудное недовольство Карлом XII. Вопреки запрещению шведского короля иметь какие-либо контакты с сандомирянами, дипломатия Лещинского пыталась привлечь и их на свою сторону. Целью же сандомирских конфедератов было стремление отстоять свободы и права шляхты, нарушенные Карлом, и освободиться от шведского ига, используя поддержку России.

В условиях шведского наступления Россия пыталась мобилизовать все силы и средства против Карла XII. Для этого русская дипломатия вела в Дрездене и Копенгагене переговоры о восстановлении Северного союза, добивалась посреднической помощи Франции, предлагала морским державам и Габсбургам включить Россию в Великий союз и поддерживала освободительное движение Ракоци в Венгрии. Но ее реальной опорой в 1708—1709 гг. были только сандомиряне, и поэтому такое большое значение придавалось оказанию помощи единственному союзнику.

На военном театре силы распределялись таким образом: там, где прошли войска шведского короля — в Великой Польше, Мазовии, а с января 1708 г. в Западной Белоруссии, — восстанавливалась призрачная власть Лещинского. В Познани, Торуне, Быдгощи, Мальборке и Эльблонге для его поддержки были оставлены шведские гарнизоны из восьмитысячного корпуса генерала Крассау. Остальная часть территории Речи Посполитой оставалась под контролем союзников — в Малой Польше и Западной Украине были сандомиряне, Восточная Белоруссия и Правобережная Украина контролировались русской армией и казаками Мазепы.

При детальном рассмотрении русско-польского союза поражают его слабости, вызванные неустойчивостью Сандомирской конфедерации, русско-польскими противоречиями и военной обстановкой. Несомненно, результативность русско-польского союза в Северной войне была бы выше, если бы приходилось иметь дело не с такой архаичной феодальной надстройкой, как тогдашняя шляхетская республика. Так же, как «по частям вползала» Речь Посполитая в войну¹¹, так же «по частям» она и воевала Единого командования не было ни у варшавских, ни у сандомирских конфедератов, а военные силы были в подчинении у ссорившихся друг с другом магнатских вождей, которые втягивали в свои раздоры Россию. Это представляло удобный рычаг для воздействия на польскую политику. Великий коронный гетман А. Сенявский, например, сообщал в Россию, что шляхта хочет выбрать нового маршалка конфедерации вместо С. Денгофа, а Денгоф и активный деятель сандомирян куявский епископ К. Шанявский вели переговоры с киевским воеводой И. Потоцким — великим коронным гетманом у Лещинского, — планируя отдать ему великую булаву, сместив Сенявского¹².

Дипломатию обеих сторон в первую очередь занимали дела и состояние русско-польского союза, как единственной реальной опоры в войне, затем саксонские дела — возвращение Августа в Речь Посполитую и турецкая угроза. На положении сандомирских конфедератов и коронного войска, оставшегося при них, отзывался каждый успех и каждая неудача русской армии. Одно то, что Россия продолжала держаться

¹¹ В. Д. К о р о л ю к. Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны 1701—1702 гг. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. 6, М., 1952, стр. 271 (далее — УЗИС).

¹² И. Потоцкий был явно враждебен России, и канцлер Г. И. Головкин считал, что эта кандидатура невыгодна. Переговоры о смене Сенявского заглохли в апреле 1708 г. Головкин — Дашкову 30 марта (10 апреля) 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, д. 17, л. 29, д. 18, л. 249.

против шведов, уже много значило для самого существования Сандомирской конфедерации. Разбив Россию, Карл мог рассчитывать на переход сандомирян к Лещинскому. Россия же в случае разгрома коронного войска рисковала остаться в полной изоляции. Поэтому обе стороны в начале 1708 г. призывали друг друга избегать генерального сражения и ослаблять противника в оборонительных боях. Сандомиряне обнадеживали союзника, обещая, изгнав Крассау, восстановить Августа II на польском троне. В феврале 1708 г. К. Шанявский даже сообщал, что он просил Сенявского послать «знатную партию» на помощь русским¹³. Пересылались сведения, что десятитысячная саксонская армия вот-вот войдет в Польшу, назывались даже сроки — 1 мая, конец июня, август. Эти слухи поддерживали сами саксонцы, писавшие, что как только Карл XII отдалится от Саксонии, Август вместе с сандомирянами пойдет на литовское войско, которое перешло к Лещинскому, и по тылам шведской армии¹⁴.

О слабости Сандомирской конфедерации свидетельствовал выезд в начале 1708 г. в Силезию и Моравию примаса С. Шембека, коронного подканцлера Я. Шембека и кувявского епископа К. Шанявского. Речь Посполитая оставалась без вождей, и Лещинский единолично претендовал на польский трон. Учитывая это, русское правительство добивалось от коронного и остатков литовского войска принесения присяги на верность свободной элекции (непризнание Лещинского), католицизму и союзу с Россией. Понимая важность русско-польского союза, шляхта выслала присяги (роты), подписанные высшими должностными лицами и офицерами хоругвей¹⁵. Защищаться же вместе с русской армией севернее Припятских болот коронное войско не стало, предпочитая сохранить самостоятельность действий. Но с уходом русской армии для него терялся тыловой район на востоке. Поэтому в марте 1708 г. сандомиряне колебались, идти ли им к Кракову, ближе к Саксонии, или отступать в глубь Украины. В первом случае это было явно невыгодно для России. Как-никак от Киева до Саксонии существовал более или менее прочный мост — на Левобережной и части Правобережной Украины стояли казачьи гарнизоны Мазепы, на Галичине — коронное войско, а дальше цепочка тянулась в Дрезден. С уходом Сенявского из междуречья Вислы и Западного Буга Лещинскому открывался свободный путь на Правобережную Украину, и варшавские конфедераты могли установить прямой контакт с Османской империей и татарами. Поэтому из России советовали отступать на соединение с Мазепой. Но даже в самые тяжелые дни кампании 1708 г. Сенявский не отступил на восток. Покинув Малую Польшу и Западную Украину, коронное войско потеряло бы почву под ногами, оставляя шляхту и ее имения целиком на милость Лещинского. Может быть, пугала враждебность казачества и слухи о готовящейся измене Мазепы. Почти на год Сенявский вывел коронное войско из сферы активных боевых действий. Летом 1708 г. в надежде на выступление Августа он передвинулся на 160 км северо-западнее Львова, но за Вислу не пошел, «чтоб с неприятелем в великий разврат и ссоры, а с своими противниками також в большую недружбу не войтить»¹⁶.

¹³ Там же, д. 4, л. 30. Однако на просьбу Петра напасть с тыла на обозы шведов Сенявский ответил отказом, сославшись на недостаток сил. Там же, д. 7, л. 24.

¹⁴ Украинцев — Головкину 3 (14) февраля 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 18, л. 58. Август в это время составлял авантюрные планы приобретения Неаполя и Иерусалима. W. K o p o r c z y ŋ s k i. *Feldmarszałek Flemming*. «Roczniki Historyczne», 1949, № 18, s. 169.

¹⁵ Текст присяги см. ЦГАДА, ф. 79, 1707, д. 173, л. 1.

¹⁶ Украинцев — Головкину 30 мая (10 июня) 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 18, л. 295.

Неустойчивость Сандомирской конфедерации усугублялась волнениями шляхты в областях, контролируемых коронным войском. В марте 1708 г. Сенявский просил примаса возвратиться для созыва Генеральной Рады, так как шляхта Сандомирского и Краковского воеводств, недовольная наложенными на нее контрибуциями, подняла рокош, требуя объединения страны и окончания гражданской войны. В России понимали, что примирение враждующих партий означало бы потерю союзника, и настоятельно советовали не собирать Раду до изгнания шведов из Польши, или до возвращения Августа, или до приближения русской армии. Впрочем, созыву Рады, кроме неодобрения русского правительства, препятствовало соперничество магнатов обеих конфедераций, которые не могли поделить хлебные государственные должности. К концу апреля 1708 г. С. Денгоф и литовский стражник Заранок сумели разогнать мятежный сеймик Сандомирского воеводства в Опатове ¹⁷.

Сандомиряне просили поддерживать их войсками. Ослаблять же собственный военный потенциал, когда на Россию навалилась вся шведская армия, было очень опасно ¹⁸, но и оставлять союзника без надежды на помощь тоже было нельзя. Поэтому Петр, обещая прислать часть казачьих войск с Мазепой из правобережного Надднепровья на Западную Украину, старался оттянуть их выступление. Сандомиряне, начав с просьб о присылке всего гетманского войска, были согласны, чтобы Мазепа прислал хотя бы 2—3 тысячи казаков, желательно палиевцев ¹⁹. В случае отказа они просили, чтобы Мазепе был направлен только указ об их выступлении «для обнадеживания» коронного войска. В конце мая 1708 г. на Волынь был послан полковник Коровка с трехтысячным отрядом. Казаки шли медленно, ибо оттягивание «сикурса» соответствовало и тайным планам Мазепы, который не желал помогать противникам Лещинского. В состав казачьего войска он назначил самых неимущих казаков, которые были «и слепы, и хромы, и наги, и босы». В начале июня 1708 г. часть казаков пришла к р. Сан, и Сенявский «проявлял к ним знатно ласку и привет, впредь приучая их к себе» ²⁰. Но вскоре из Польши посыпались протесты против «насилия и грабежей», и когда, наконец, осенью 1708 г. пришла основная партия казаков, Сенявский отправил их на помощь тогдашнему литовскому подскарбию Л. Поцею к Бресту. Казаки не согласились идти так далеко, и половина из них разошлась, чуть не перебив сопровождавших их поляков ²¹.

Сам коронный гетман не только не оправдывался за пассивное ведение войны, но даже открыто говорил, что если ему будет трудно держаться союза с Россией, то он перейдет к Лещинскому. В связи с этим русский резидент в Польше Е. И. Украинцев писал Головкину, что удержать Сенявского от измены трудно, тем более что Россия в настоящий момент не имеет средств подчинить его своей воле ²². Денгоф и другие наиболее стойкие сандомирские конфедераты просили военной помощи уже не для борьбы с Лещинским, а чтобы оторвать от Сенявского коронное войско в случае его измены.

¹⁷ Дашков — Головкину. Там же, л. 132, 208, 292, 296.

¹⁸ Об этом откровенно писал Петр Сенявскому, прося, чтобы тот продержался хотя бы «оборонительно». Там же, д. 6, л. 1, 35, 56.

¹⁹ Следует отметить, что казачьи отряды проникали в 1708 г. на Волынь и Подолье, но только как противники шляхты. Казаки продолжали освободительную борьбу, начатую Палием, — изгоняли или вообще уничтожали польские хоругви. Привлекая палиевцев, сандомиряне, видимо, хотели укрепить свои позиции на Правобережье. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 8, л. 46, д. 7, л. 3.

²⁰ Дашков — Головкину 27 октября (7 ноября) 1708 г. Там же, д. 18, л. 547, 559.

²¹ «По факциям Мазепы» — неосновательно писал Дашков. Там же, л. 199.

²² Украинцев — Головкину 4 (15) июня 1708 г. Там же, л. 310.

Вторым настоятельным требованием польской стороны было получение субсидий в соответствии с Нарвским договором. В качестве средства давления сообщалось, что если она не получит 265 тыс. 733 руб. к маю 1708 г., коронное войско взбунтуется и перейдет к Лещинскому. С русской стороны неизменно уверяли, что деньги будут выплачены сполна. С апреля по март 1708 г. коронному войску было передано 125 тыс. руб., литовскому — 54 тыс. — половина суммы, выплаченной с 1702 по 1708 гг.²³ Когда требования становились очень настойчивыми, то для объяснения задержек в выплате очередных сумм, вызванных тяжелым финансовым положением России, приходилось осторожно отвечать, что по условиям союза Речь Посполитая должна выставить 48-тысячное войско и соответственно этому требовать субсидии²⁴. Тогда сандомиряне жаловались, что русская армия, отступая перед шведами, вывезла из многих гарнизонов оружие и провиант, и содержать большое войско трудно, тем более что в таком случае пришлось бы накладывать на шляхту большие налоги, и она могла бы перейти к Лещинскому. Головкин резонно отвечал, что по договору 1704 г. Россия должна платить «на готовую армию», а не на вербовку и вооружение. Тем не менее платить продолжали, и хитроумно составленный пункт в Нарвском договоре о выплате субсидий, рассчитанный на то, что полякам не удастся собрать 48-тысячное войско, оказывался вплоть до Полтавской победы неиспользованным.

Существенные противоречия в русско-польском союзе были по вопросу о Правобережной Украине, точнее о Правобережном Надднепровье. В 1702—1704 гг. там развернулось освободительное движение под руководством С. Палия. Речь Посполитая при заключении договора 1704 г. получила от России согласие оказать на Палия влияние, чтобы тот «добром или злом» вернул Белую Церковь и некоторые городки Надднепровья. Петр со своей стороны обязывался передать их в ближайшее время, по крайней мере до «предбудущей кампании» (1705 г.) польским комиссарам. Во время похода 1704 г. Мазепа ввел полки на Белоцерковщину²⁵, арестовал своего соперника Палия и стал собирать себе оттуда значительные налоги. Ввиду военной ситуации, передача Надднепровья оттягивалась²⁶. С этого времени часть земель Киевского и Брацлавского воеводств, а периодически вся территория между Днепром, Днестром, Случью и Ужом до 1712 г. находились под русским военным контролем²⁷. В течение 8 лет возвращение этой части Правобережной Украины было болезненным вопросом для польской дипломатии, так как именно там располагались доходнейшие имения магнатов. Остроту вопросу придавало то обстоятельство, что в Польше понимали стремление казачества к объединению Украины и видели, что его опорной базой и убежищем были русские владения на правом берегу Днепра у Киева и полоса земель, которая по миру 1686 г. должна оставаться «впусте». Но в то же время в общем признавали целесообразность присутствия вооруженных

²³ Головкин — Украинцеву 30 марта (10 апреля) 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 16, л. 31.

²⁴ Летом 1708 г. у Сенявского было 12 тыс. и по 1—2 тыс. в гарнизонах Замостья, Львова и Каменца. ЦГАДА, ф. 79, 1708 г., д. 18, л. 479.

²⁵ При взятии Белой Церкви Мазеной было убито и ранено около 400 казаков-самуцев. ЦГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 95, ч. 2, л. 720.

²⁶ Русская дипломатия сознавала, какую силу она приобретает в стремящаяся уйти из-под шляхетского гнета правобережном казачестве, и добивалась согласия Речи Посполитой на «амнистию» для палиевцев, «которые ласкою успокоены». «Письма и бумаги Петра Великого», т. 3, стр. 1037 (далее—Пиб.).

²⁷ Г. С е р г і е н к о. До історії народної боротьби на Правобережній Україні проти шведських загарбників у 1700—1711 рр. Науково-інформаційний бюлетень, № 3. Київ, 1959, стр. 53. Часть шляхты продолжала оставаться на месте, особенно на Брацлавщине и Подолье. ЦГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 95, ч. 2, л. 508.

сил России на Украине как антитурецкого заслона и в 1705 г., например, выдвигали проект подчинения Надднепровья Петру I и Августу II под защитой смешанных русско-польских гарнизонов, но при обязательном возвращении помещиков в их имения²⁸. Для России размещение своих гарнизонов на Правобережье представляло большие стратегические преимущества, особенно в кампании 1708—1709 гг. (изоляция Карла от Лещинского и блокировка польско-турецкой границы). Однако основное внимание было сосредоточено на Балтийской проблеме, и русское правительство постоянно уверяло сандомирян, что эта территория будет немедленно возвращена, как только минует военная опасность²⁹. Настойчивость конфедератов сильно возросла в период русского отступления, и в 1708 г. из тактических соображений пришлось согласиться на вывод гарнизона из Белой Церкви. Русские дипломаты объясняли удержание остальных украинских земель шведской и турецкой угрозой и возможностью возобновления восстания на Украине против шляхты, что несомненно, ухудшило бы положение сандомирян в Северной войне. Сандомиряне же отказывались принять только Белую Церковь и требовали возвращения Украины не по частям, а сразу. Саксонская дипломатия, которая, казалась бы, уже не имела никакого отношения к украинскому вопросу в это время, тоже сделала представление на эту тему³⁰. Чем глубже вторгались шведы на восток, тем требовательнее становилась польская сторона. В качестве средства давления перешли к таким резким формам, как угроза разрыва союза. Перевести коронное войско на Правобережную Украину или поближе к ней сандомиряне, однако, отказывались, считая, что не смогут найти там квартир, и не желая оставлять Польшу в чужих руках³¹. Таким образом, хотя они имели большое желание вернуть себе имения на Правобережье, но покидая Малую Польшу, Галичину и Волынь, они теряли больше, чем приобретали (если приобретали вообще, учитывая враждебность казачества). Так разрешается видимое противоречие, что настаивая на возвращении Надднепровья, сандомиряне одновременно просили ввести на Западную Украину русскую армию и отказывались идти на Правобережье.

Значительно осложняли отношения России с Сандомирской конфедерацией интриги Мазепы. Сам Петр в переговорах по украинскому вопросу стремился занимать положение верховной инстанции и заставлял сандомирян обращаться к своим министрам или украинскому гетману. Мазепа же с целью ускорить переход Сенявского к Лещинскому в тайной переписке сообщал ему, что Петр охотно бы захватил всю Украину до Львова и далее и взбунтовал бы против него коронное войско. В связи с этим он предлагал вместе перейти к Станиславу и обещал сразу же присоединить всю Украину и даже донских казаков, где горело восстание Булавина, к Речи Посполитой³². Но великий коронный гетман был осторожен, как и сам Мазепа, и вел двойную игру с ним, так же как с Петром и Лещинским. Перейдя к последнему, он должен был не только расстаться с мечтой о короне³³, но и рисковал потерять великую булаву. Сенявский

²⁸ Мнение референдаря литовского о польской Украине, врученное Петру I 19 (30) октября 1705 г. ЦГАДА, ф. 79, 1705, д. 61, л. 1.

²⁹ В начале Северной войны у русских дипломатов не было устойчивого мнения о судьбе Правобережья. См. В. Д. К о р о л ю к. Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну. УЗИС, т. 7, М., 1953, с. 230—237.

³⁰ ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 16, л. 27; д. 13, л. 234.

³¹ Сенявский — Головкину и Шафирову 4 апреля 1708 г. н. ст. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 8, л. 56.

³² Ю. А. Гер ов с к и й. Польша и победа под Полтавой..., стр. 38—39.

³³ В 1708—1709 гг. Сенявского приходилось постоянно подталкивать, чтобы тот призвал Августа к возвращению. Денгоф секретно говорил Украинцеву, что гетман от себя вообще не посылал никого к Августу. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 18, л. 73, 329.

больше всего боялся, что он, уже отрезанный Лещинским от Саксонии и теснимый из Белоруссии Сапегами, будет вообще сброшен со счета, если с востока Мазепа отрежет его от России. Поэтому, официально пытаясь вытянуть украинского гетмана на Западную Украину, он передавал русским резидентам, что по донесениям его шпионов, Мазепа вообще не пришлет вспомогательных отрядов³⁴. Позже, за 6 дней до побега Мазепы из Борзны, от Сенявского и всей Речи Посполитой к Петру был направлен равский воевода Кароль Залусский, чтобы добиваться, ввиду шведского наступления и очевидного для них предательства Мазепы, немедленного введения на Правобережную и Левобережную Украину сильных русских гарнизонов под предлогом, что казацкое де войско не способно ни к наступлению, ни к обороне. О возвращении Правобережья на этот раз речи не было³⁵. Тем не менее о тайном сообщении Мазепы, что тот переходит к Карлу и предлагает то же ему, Сенявский не донес, чтобы не показалось, как говорил он позже, что хочет нарочно запятнать его репутацию³⁶. Таким образом, вся Речь Посполитая была наполнена слухами о скорой измене Мазепы, и уже с мая 1708 г. они регулярно по официальным каналам передавались в Россию³⁷. С декабря 1708 г. русская дипломатия стала оправдывать замедление в передаче Правобережья происками изменившего гетмана и обещала вернуть силой русского оружия потерянную Речью Посполитой Лифляндию «без интересу и рекомпенсы»³⁸. Кроме того, пытаясь подтолкнуть польскую дипломатию к более активному воздействию на Саксонию, уговаривали подождать, пока Август вновь не станет польским королем. Для нейтрализации же в Польше впечатления от восстания донского казачества, Украинцев по инструкции Головкина представлял Булавина конокрадом, который с сотней человек вышел из Запорожья под Полтавские городки угонять лошадей, но был разбит³⁹. Однако, как писал Украинцев, в Польше этому не верили, так как хорошо были осведомлены о событиях в России.

Летом 1708 г. обстановка стала крайне серьезной. Карл продолжал наступать в смоленском направлении, угрожая Москве. 14(25) июня 1708 г. он перешел Березину, 4(15) июля 1708 г. нанес поражение русским у Головина, 8(19) июля 1708 г. занял Могилев. На юге восставшие донцы осаждали Азов, в Башкирии продолжались волнения и оттуда просили турецкого султана прислать к ним «управителя»⁴⁰. Prestиж России в глазах сандомирян продолжал понижаться. Ввиду

³⁴ Одновременно Сенявский просил Лещинского «не принуждать его браться в объятия врагов родины и не заставлять его призывать на помощь казаков, на что он уполномочен Петром». Труды Императорского Русского военно-исторического общества, т. 1. СПб., 1909, стр. 295.

³⁵ ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 48, л. 1—5. Однако требовали доплаты за период 1704—1708 г. 4 млн 157 тыс. злотых, подкреплений и выплаты компенсаций Сенявскому за разоренные в соответствии с жолкевским планом его шкловские имения, в счете за которые он перечислил все, вплоть до трех пропавших уток. Там же, д. 18, л. 218, 263.

³⁶ Дашков — Головкину 27 октября (7 ноября) 1708 г. Там же, л. 551.

³⁷ Впервые сведения о намерении Мазепы выступить против царя и помочь польской оппозиции детроизировать Августа русский посол в Варшаве Г. Ф. Долгорукий передавал в Москву еще в 1702 г. В. Д. К о р о л ю к. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. 8, № 1. М., 1951, стр. 85.

³⁸ Головкин и Шафиров — Сенявскому, декабрь 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 4, л. 46.

³⁹ Дашков и Украинцев — Головкину 30 апреля (11 мая) 1708 г. Там же, № 18, л. 234.

⁴⁰ «Булавиное восстание 1707—1708 гг.». М., 1935, с. 416, 464. Посланец от донцов весной 1708 г. просил у крымского хана военной помощи и обещал поддержку в завоевании татарами Азова. Донесение неофициального агента в Польшу, весна — лето 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 14, л. 31.

напряженной ситуации русским резидентам предписывалось приложить все усилия для того, чтобы не допустить признания Сандомирской конфедерацией Лещинского и тем сохранить русско-польский союз. Если же окажется, что удержать сандомирян от перехода к Лещинскому будет невозможно, то следовало их предупредить, чтобы в условиях договора со Станиславом они оговорили нейтралитет Речи Посполитой в Северной войне и соблюдение условий Вечного мира 1686 г. с Россией. В таком случае русская сторона соглашалась признать короля, который будет поддержан всей шляхтой. Если сандомиряне поступят по-другому, то царь после окончания войны со Швецией, оставлял за собой право мщения⁴¹. Эту инструкцию Головкина следует принять как свидетельство кризиса русско-польского союза, вызванного летним шведским наступлением на Москву. Казалось, что военная сила Карла развалит его так же, как за два года до этого польско-саксонскую унию. Следует однако отметить, что этот кризис возникал не из возможного заключения сепаратного мира России со Швецией, а из разрешения России сандомирским конфедератам выйти из войны. И тем не менее, даже этот шаг русская дипломатия использовала как добавочное средство давления для сохранения русско-польского союза. Ведь Лещинский, как сателлит Швеции, не мог отказаться от состояния войны с Россией и добиться нейтралитета Речи Посполитой. Следовательно, сандомирская шляхта должна была оставаться против Лещинского, если не хотела быть втянутой в войну на востоке. Опасение Петра за целостность границ, установленных Вечным миром, вызывалось тем, что в России знали о программе Карла, предложенной станиславчиками, и помнили, что сравнительно недавно, в 1701 г., были окончены разговоры о территориальных уступках в пользу Речи Посполитой⁴². В середине августа 1708 г. о возможном польском нейтралитете было объявлено Денгофу, Сенявскому и Шанявскому, но предлагалось держать это в секрете. Официально с этим предложением русская дипломатия никогда не выступала.

К сентябрю 1708 г. на фронте произошли существенные изменения. Последовательным выполнением жолкевского стратегического плана русское командование вынудило Карла XII свернуть с московского направления. Можно считать, что стратегическая инициатива уже с этого месяца перешла к русским, хотя тактическая оставалась у шведов. Самый напряженный момент для России прошел. К этому времени Петр I был почти уверен в неспособности Крассау и Лещинского прорваться на Украину⁴³, и о согласии на нейтралитет Речи Посполитой в Северной войне со стороны России с осени 1708 г. речи уже не было. Однако как раз тогда русское правительство стало получать крайне тревожные донесения от своего резидента при коронном войске А. И. Дашкова о начавшихся переговорах сандомирских конфедератов с Лещинским. Из его сообщений можно было сделать вывод, что сандомиряне вот-вот склонятся перед Станиславом, и он увлечет их за собой на завоевание Украины. Это было последним доводом, повлиявшим на принятие решения о посылке вспомогательных частей русской армии на Вольнь и Галичину. От Петра и министров полетели письма, в которых содержалась программа мер по сохранению русско-польского союза. Петр «отказывался верить», что сандомиряне ведут переговоры с Лещинским, и указывал, что для Речи Посполитой будет невыгодно, если она, прекратив войну со Швецией, окажется втянутой в тяжелую войну с Россией⁴⁴.

⁴¹ Головкин — Украинцеву 16 (27) июля 1708 г. Там же, д. 16, л. 51.

⁴² В. Д. К о р о л ю к. Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны. УЗИС, т. 6, М., 1952, стр. 241.

⁴³ М. С у д и е н к о. Материалы для отечественной истории. Киев, 1856, стр. 101.

⁴⁴ Головкин — Огинскому 20 (30) января 1709 г. ЦГАДА, ф. 79, 1709, д. 3, л. 7.

Примасу предлагалось шире поддерживать идею польско-русского сотруничества в своих посланиях, подканцлеру и кюявскому епископу — активнее воздействовать на Августа, а Сенявского утешали надеждой, что русско-саксонские переговоры близятся к успешному завершению и что турки воевать не собираются. Денгофу секретно объявили, что основная ответственность за русско-польские отношения переносится с Сенявского на него. Коронному войску обещалось в случае необходимости позволить стать на зиму на Правобережной Украине, если там будет спокойно. Хорошим дополнительным средством к удержанию Сенявского оказалась идея литовского гетмана Г. Огинского вновь поманить его польской короной⁴⁵. Через Дашкова Сенявскому объявлялось, что царь «первое основание интересов общих полагает на нем, видя его верность союзу. Того ради... если бы Август не вышел, то его царское величество обещает корону ему и удерживать при потенции своей, и всякое удовольствие чинить по желанию его». Сенявский отвечал, «что дай боже, чтобы вышел Август... а если не выйдет, то я де помыслию». Видимо, Сенявский не исключал возможности стать польским королем и тогда же говорил Дашкову, что если до июня 1709 г. Август не появится в Польше, то следует поставить на нем крест: позже он вообще не будет нужен. По словам гетмана, об этом он писал ему самому в марте 1709 г.⁴⁶

И, наконец, пускался в ход самый сильный козырь: речь идет о посылке войск генерала Инфлянта и фельдмаршал-лейтенанта Г. Гольца, которые должны были «действовать оборонительно». Трехтысячный отряд Инфлянта уже в феврале — марте 1709 г. соединился с двигнувшимся ему навстречу из Тарнова коронным войском. Гольц же с 10-ю полками по указу Петра медлил с выходом, так как второй его задачей было не пропустить Карла через Днепр в Польшу в случае его отступления. На марше к Гольцу должны были присоединиться правобережные украинские полки — Корсунский, Чигиринский и Белоцерковский, но в Чигиринском полку, самом ближнем к Запорожской Сечи, кошевому атаману Косте Гордиенко удалось склонить часть запорожцев присоединиться к Мазепе. Основная масса казачества, в особенности 7 вновь организованных полков, осталась верна России. К Чигирину был направлен полк Волконского с намерением успокоить казаков добром, и серьезных последствий этот бунт не имел. У сандомирян все же возникли опасения, что Гольц послан только против гордиенковцев. Сам Гордиенко, не ориентируясь в польской ситуации, просил Лещинского о покровительстве для Украины и о соединении с Мазепой и Карлом⁴⁷.

Следовало воспрепятствовать неблагоприятному развитию событий на Запорожье. Зная о популярности старого соперника Мазепы С. Палия, Петр вызвал его 11(22) ноября 1708 г. из Томска и весной 1709 г. послал к Скоропадскому «употребить его в дело»⁴⁸, а Дашкову было дано задание разведать, какова будет реакция в Речи Посполитой, если Палий вновь появится на политической сцене. Сандомиряне, как и ожидалось, остались крайне недовольны, хотя Дашков и уверял, что Палий не будет самостоятельной политической силой на Правобережье, а останется в

⁴⁵ Огинский — Петру 4 февраля 1709 г. н. ст.: «Сенявскому надо обещать корону и деньги... а потом можно с ним иначе поступить». Там же, д. 14, л. 27.

⁴⁶ Дашков — Головкину 6 (17) мая 1709 г. Там же, д. 27, л. 151, 78.

⁴⁷ К. Гордиенко — С. Лещинскому 15 (26) марта 1709 г.; он же — запорожцам Ингула, Ингульда и других речек из Переволочны. Там же, л. 66—67. Запорожцы, несмотря на призывы Гордиенко, «отсиживались в речках», и на соединение с Карлом пришло только 6—7 тыс. человек. В. Е. Ш у т о й. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М., 1958, стр. 397.

⁴⁸ Скоропадский простодушно интересовался, в какое. М. С у д и е н к о. Материалы..., стр. 118, 125.

подчинении Скоропадского. Польская сторона отвечала, что «егда де от него не увидим себе шкody, яко прежде бывало, будем молчать, а ежели что покажется, чтоб через то нарушения какого не было интересам общим. Однако ж хорошо б де учинил царское величество, дабы ему никакой не давали воли»⁴⁹.

Послать Палия на Правобережную Украину, а тем более назначить его гетманом Украины вместо Мазепы, как рекомендовал Г. Ф. Долгорукий, было рискованно по отношению к польскому союзнику, и Петр 31 июля (11 августа) 1709 г. дал распоряжение пребывать Палию временно («до указа») в Каневе или вблизи него, т. е. на ничейной полосе вдоль Днепра и «быть спокойну, гультаев при себе не держать, и с поляки ссор не всчинать»⁵⁰. Около 3(14) сентября 1709 г. Палий был назначен охотничьим полковником в Фастове — уже на коронной земле, хотя и совсем рядом с русскими владениями на Правобережье. Но старый казак до конца жизни (январь 1710 г.) продолжал борьбу за освобождение своего народа⁵¹.

Оценивая в целом русскую позицию в польском вопросе в период 1703—1709 гг. по сравнению с начальным периодом Северной войны, можно сказать, что она осталась такой же последовательной и целенаправленной, как и в балтийском вопросе. Русская дипломатия, используя политическое, военное и финансовое воздействие, сделала максимум возможного, чтобы поддержать Сандомирскую конфедерацию, удержать союзника в войне и сохранить русско-польский союз.

Несколько слов следует сказать о политике Лещинского. В историографии много писалось о его враждебности России. Не отрицая этого, здесь хотелось бы подчеркнуть другую сторону дипломатии варшавских конфедератов. Несмотря на кажущееся укрепление Лещинского, он обладал властью только там, где стояли шведские гарнизоны. Ради укрепления своего ставленника, Карл задержался в Польше на 4 месяца перед русским походом и не взял с собой в Россию вспомогательные польские войска, хотя его официальной программой предусматривалось возвращение Смоленщины и Левобережной Украины. Выполняя волю шведского короля, станиславчики пытались пробудить в шляхте стремление к экспансии на восток, но феодалы Речи Посполитой не желали сражаться ни против Москвы, ни против Швеции, ни, тем более, участвовать в гражданской войне. Летом 1708 г. варшавские конфедераты заключили нечто вроде перемирия с сандомирцами, граница между сферами влияния проходила по р. Висла и Нарев⁵². Между теми и другими постоянно проходил свободный обмен посланцами. Самовластие Карла XII вызывало у варшавских конфедератов сопротивление — возникали антишведские течения⁵³. Во внутренней политике станиславчики стремились укрепить свои позиции с помощью переговоров и объединения с сандомирцами, но не путем их уничтожения. С этой точки зрения можно объяснить непонятную медлительность и пассивность ведения боевых действий Лещинским в Польше. В начале лета 1708 г. он стоял в Мальборке и решал вопрос — наступать или обороняться. И. Потоцкий предлагал выступить против Сенявского, Станислав же собирался подождать

⁴⁹ Дашков — Головкину 29 апреля (10 мая) 1709 г. ЦГАДА, ф. 79, 1709, д. 27, л. 132, 148, 167.

⁵⁰ Пиб, т. 9, стр. 327.

⁵¹ См. жалобы шляхты Овручского и Житомирского повятов Киевского воеводства на казаков в это время. ЦГАДА, ф. 79, 1709, д. 7. л. 25.

⁵² J. F e l d m a n. Polska w dobie..., s. 293.

⁵³ Об антишведских начинаниях станиславчиков см. E. H a s s i n g e r. Brandenburg — Preußen..., S. 190.

подкреплений из шведской Померании⁵⁴. Предположительно только к концу сентября Лещинский собирался идти в поход, да и то не далее Вольни, и ожидать реакции Мазепы и Сенявского. Он считал, что если Мазепа перейдет на его сторону, то Сенявский сам падет, и тогда можно будет идти на соединение с украинским гетманом. Вместо Лещинского на коронное войско к Бресту и Люблину первым пошел бобруйский староста (великий литовский гетман при Станиславе) Сапега. Но он тоже не собирался сражаться и предлагал прекратить боевые действия с обеих сторон «шока утведят себе государя»⁵⁵.

Побуждаемому Карлом Лещинскому приходилось хотя бы в манифестах призывать сандомирян сбросить «ярмо московского трактата» и вместе идти на восток. Как доказательство опасности со стороны Москвы Станислав использовал слухи о русских претензиях на польскую часть Украины и фальшивую русскую государственную печать, на которой были гербы Мстиславля, Витебска, Полоцка, Вольни и Подолья. Однако интересно, что шляхту соблазнял больше не захват Смоленска и Киева, а призыв «освободить отчизну» от войны и постоев польских жолнеров, выprovодив их за границы Речи Посполитой⁵⁶.

В очередном предложении через жену русского воеводы Я. С. Яблоновского (великого канцлера при Лещинском) шляхту соблазняли даже и тем, что не только польские, но и «иноземные войска» (т. е. шведы, ибо ни саксонцев, ни русских тогда не было в Польше) — «и вся война будут выпровожены за пределы страны»⁵⁷. В декабре 1708 г. от Станислава в лагере сандомирян появился зять Денгофа Чарторийский с заявлением, «что Станислав и прочия на вся позволяет, чего бы с сей стороны не похотели, токмо бы приходили до Станислава»⁵⁸. На войну с Россией сандомиряне никоим образом не могли согласиться, и поэтому станиславчики привлекли к переговорам французского посла Боняка. Однако и с ним сандомиряне продолжали переговоры только для оттяжки времени, отговариваясь, что соединиться с варшавскими конфедератами не могут без согласия царя и всех сословий Речи Посполитой, а также гарантий Карла. Лещинскому пришлось идти на дальнейшие уступки и обещать через Боняка, что он будет просить у Карла позволения не вступать в войну с Россией⁵⁹. Получить такое разрешение, конечно, было невозможно, и это хорошо все понимали. Только после измены Мазепы Станислав прибегнул к военному давлению. В то время, как Крассау разорвал имяния Сенявского, Лещинский соглашался предоставить ему великую булаву⁶⁰.

Чтобы объединить партии в Польше, Лещинскому, кроме сохранения имений и должностей за противниками, нужно было встать в независимые отношения со своим шведским сюзереном, а это явно было ему не под силу, хотя он и пытался сделать шаги в этом направлении. Таким образом объединение Речи Посполитой при Лещинском было невозможным. Если же говорить о шансах переманить на свою сторону коронного гетмана, то их было больше в конце 1708 г., после измены Мазепы. Сенявский тогда жаловался, что малопольские воеводства крайне разорены и он «вынужден показать измученной шляхте», что не отказывается «от универсаль-

⁵⁴ Дашков—Головкину 29 июля (9 августа) 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 18, л. 419.

⁵⁵ Там же, л. 428.

⁵⁶ Манифест Лещинского 11 августа 1708 г. н. ст. Там же, д. 43, л. 1.

⁵⁷ Дашков — Головкину 24 ноября (5 декабря) 1708 г. Там же, д. 18, л. 577.

⁵⁸ Там же, л. 585, 590.

⁵⁹ Пиб, т. 9, стр. 556.

⁶⁰ Дашков — Головкину 21 сентября (2 октября) 1708 г. ЦГАДА, ф. 79, 1708, д. 18, л. 530.

ного мира», и просил Петра позволить «тонушим ухватиться за это спасение»⁶¹. Позже весной 1709 г., когда русские вспомогательные войска находились на марше в Западную Украину, Лещинскому приходилось уже думать не об объединении партий, а о своем спасении — он вновь хватался за прусское посредничество, взывал к Сенявскому, чтобы тот хотя бы тайно помирился с ним и способствовал открытию переговоров между Швецией и Россией⁶², и непрерывно слал в Порту гонцов за помощью. В середине марта 1709 г. в Ярославле хелмский епископ, который вел раньше переговоры в Опаве с примасом, от имени Лещинского предлагал Дашкову уже «иметь друзьями» для Речи Посполитой и Карла и Петра, а «им, полякам, согласясь, быть в нейтралстве», и принять посредничество в мирных русско-шведских переговорах⁶³. Позже Дашкову прямо заявлялось, что варшавские конфедераты хотят иметь с царем мир⁶⁴. Таким образом попытки Лещинского наладить контакты с Россией, свидетельствуют о действительной неспособности и нежелании воевать с восточным соседом. Поэтому антируссизм варшавских конфедератов и их бескомпромиссную программу завоевания Смоленска и Киева следовало бы считать историографическим мифом. Они уже не хотели оказывать помощь гибнущей на Украине шведской армии. С весны 1709 г. в Польше считали дело Карла проигранным. Виднейшие станиславчики — Сапеги, Потоцкий, Шмигельский⁶⁵ —, по донесениям Дашкова, собирались покинуть Лещинского. Дезертировали даже шведы, которым не платили по восемь месяцев. Тыл Карла задолго до Полтавской битвы развалился.

Причины для непризнания Лещинского были и у сандомирян. Как указывалось, русское правительство получало от Дашкова с осени 1708 г. сведения о полном кризисе в лагере сандомирян. Дело однако, в том, что не будучи проницательным дипломатом, он быстро попал под влияние Сенявского и стал на все смотреть его глазами. Этот кризис, растянувшийся до весны 1709 г., следует связывать с кризисом коронного войска. После марша на соединение с русскими вспомогательными войсками в апреле — мае 1709 г. в коронном войске оставалось всего 4,5 тыс. человек⁶⁶, и, по признанию гетмана, оно уже не подчинялось ему⁶⁷.

Но второй (эмигрантский) центр сандомирян — Шембеки и Шанявский — ни осенью, ни позже не собирался сдаваться. Конфедератский маршалок летом 1708 г. просил подкреплений из России для поддержания сандомирской конфедерации и упрочения союза с Россией, а в декабре 1708 г. планировал в случае наступления Крассау и Лещинского идти от Львова к Кракову, и далее на Гданьское Поморье или в Мазовию⁶⁸. Примас писал Петру, что собирается вернуться в Польшу и, объявив бескорольеве, принять на себя обязанности главы государства⁶⁹.

⁶¹ Сенявский — Петру 15 декабря 1708 г. н. ст. Там же, д. 7, л. 108; 1709, д. 7, л. 8.

⁶² Коронный кухмистр Я. Тарло — люблинскому воеводе А. Тарло 20 мая 1709 г. н. ст. Там же, д. 18, л. 10.

⁶³ Дашков — Головкину 28 февраля (11 марта) 1709 г. Там же, д. 27, л. 46. Это полное повторение русских предложений, сделанных сандомирянам в кризисной обстановке лета 1708 г. Очевидно, Лещинский был хорошо осведомлен о делах русско-польского союза.

⁶⁴ Дашков отвечал епископу, что стороны сблизилась бы более, если бы польская сторона добилась от Карла вывода шведских войск из Польши. Там же, стр. 47.

⁶⁵ Интересно, что Дашков по просьбе Шмигельского обещал ему от имени русского правительства амнистию, если он выдаст Лещинского или наведет русские полки на шведов. Там же, л. 123, 134, 152, 190.

⁶⁶ Дашков — Головкину 28 июня (9 июля) 1709 г. Там же, л. 201.

⁶⁷ Сенявский — Головкину и Шафирову 14 апреля 1709 г. н. ст. Там же, д. 8, л. 51.

⁶⁸ Денгоф — Головкину и Шафирову 5 декабря 1708 г. н. ст. Там же, д. 5, л. 59; д. 18, л. 406.

⁶⁹ С. Шембек — Петру в феврале 1709. Там же, д. 3, л. 1—5.

Неудачу объединения Речи Посполитой Лещинским нельзя ставить полностью в зависимость от внешнеполитической обстановки (внешней помощи сандомирянам, исхода борьбы между Швецией и Россией, измены Мазепы и т. п.). Сандомирская конфедерация возникла в специфически польских условиях, и в них следует искать причины того, что она продержалась в 1708—1709 гг. Самым важным для сандомирян было сохранить свои имения, должности и привилегии. Их имения в основном располагались в воеводствах, контролируемых коронным войском, а большинство государственных должностей Лещинский перераспределил среди своих ставленников. Кроме того, сандомиряне стремились сохранить атрибуты независимой Речи Посполитой, и прежде всего, право вольной элекции, которое было погрязно Карлом. Иноземный гнет и аннексия шведами Курляндии, где они отменили сеймики, перенесли суды в Ригу и поставили своего вице-губернатора, вызвали естественное сопротивление. И только на третье место в ряду причин, которые помогли выстоять сандомирянам, следует поставить надежду на реставрацию Августа и русскую помощь. Нужно также отметить, что, несмотря на разложение, шляхетское общество (в отличие, например, от саксонского) не склонилось перед захватчиком и сохраняло свободу действий даже в тяжелой обстановке. Пять лет шведы оккупировали Польшу, но не смогли привести ее к покорности. Своеобразный «златовольностевый» патриотизм, а не «моллюскость» польского государства и политическая неразвитость славян, как пишут некоторые буржуазные немецкие историки ⁷⁰, придавал сандомирянам силу.

Несмотря на то что переговоры о признании Лещинского польским королем заняли весь 1708 г., польский союзник не только избавил Россию от полной изоляции, не только не позволил шведам создать прочную базу в Польше, но и достаточно прочно блокировал (с русской помощью) силы Станислава. Лучше всего об этом свидетельствует факт, что в марте 1709 г. польский король обращался к вождю венгерских повстанцев Ф. Ракоци с просьбой способствовать связям с Крымом и разрешить проход его хоругвям и полкам Крассау через Закарпатье на соединение с татарами ⁷¹. Таким образом, оккупационная политика Швеции в Польше вместо того, чтобы привести страну к объединению вокруг ее ставленника, привела к прямо противоположным результатам. Она вызвала открытое сопротивление и способствовала сохранению Сандомирской конфедерации.

⁷⁰ O. H a i n t z. König Karl XII..., S. 201.

⁷¹ Я. И. Ш т е р н б е р г. Освободительная война в Венгрии и русско-венгерские отношения в начале 18 в. Ужгород, 1955, стр. 236.

М. БОГДАНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В ЮГОСЛАВИИ 1945 — 1950 ГОДОВ

Задачи в области культурного строительства, вставшие перед народами Югославии в первые годы после окончания народно-освободительной войны и установления народно-демократической власти, были многочисленными и весьма разнообразными по своему характеру. Наряду с задачами, общими для всех стран, вступивших на путь социализма, имелись и такие проблемы, которые возникали в силу своеобразной обстановки в стране и специфики ее предыдущего исторического развития. Югославия принадлежала к числу самых отсталых (в социально-экономическом отношении) стран Европы. Это была в основном аграрная страна с низким уровнем развития производительных сил и крайне слабо развитой промышленностью. Достаточно красноречивы цифры, характеризующие социальный состав населения в Югославии тех лет: 76,8% самодеятельного населения составляло крестьянство, а всего лишь немногим более 10% — рабочий класс, на 1000 жителей приходилось всего лишь 24,4 рабочих места в промышленности¹. Экономическая отсталость, многовековое чужеземное порабощение, а также политика реакционных режимов в период между двумя мировыми войнами обусловили весьма низкую степень общего культурного развития страны. Накануне второй мировой войны около 50% детей школьного возраста не имело возможности учиться, а среди населения старше 10 лет насчитывалось 44,6% неграмотных. Средние школы посещало 1,4% населения, а высшие — лишь 0,1%².

Политика правящих кругов Югославии в межвоенный период не только не обеспечивала материальную базу, которая могла бы довести развитие культуры страны до уровня передовых капиталистических стран и в какой-то мере сравнить культурный уровень различных национальностей, проживающих на территории Югославии, но и была прямо направлена против развития национальных культур отдельных югославских народов. Македонский народ, например, был вовсе лишен права иметь школы, развивать литературу на своем языке, искусство и культуру. Весьма трудным было положение и других национальных меньшинств. Неравномерность культурного развития различных наций в довоенной Югославии была, пожалуй, еще более разительной, чем неравномерность их экономического развития: в то время как по всей стране в среднем насчитывалось — согласно переписи 1931 г. — 44,6% неграмотных, в

¹ S. K u k o l a č a. Analiza privrede Jugoslavije pred drugi svetski rat. Beograd, 1956, s. 24; «Lična i opšta potrošnja». Beograd, 1955, s. 155; «Deset godina nove Jugoslavije», Beograd, 1955.

² Вычислено на основании данных, опубликованных в кн.: «Statistički kalendar Jugoslavije». Beograd, 1964.

Словении их было 5,5, в Сербии — 46,1, в Хорватии — 31,5, в Черногории — 56,1 в Македонии — 76,5, в Боснии и Герцеговине — 70%³.

Таким образом, развитие социалистической культурной революции в Югославии из-за особых объективных условий, в которых оно началось (сравнительно низкий общий уровень капиталистической цивилизованности), должно было идти по линии одновременного решения двух рядов различных задач. Первый из них связан с ликвидацией унаследованной культурной отсталости: задачи, которые, вообще говоря, могло решить, но не решило буржуазное общество, в частности — проблемы всеобщей грамотности, создания научных и технических кадров, укрепления материальной базы культуры, создания сети разнообразных культурных учреждений и т. д. Ко второму ряду относятся те задачи, которые в своем полном объеме могут быть решены только в условиях строительства социализма: коренное изменение образовательной структуры общества, ликвидация неравенства культурных уровней разных слоев населения и различных национальностей, превращение марксистской идеологии в господствующую, а затем и в идеологию всего общества, ликвидация противоположности между физическим и умственным трудом и т. д. Решения этих различных по своему характеру задач объективно должны были слиться в Югославии (так же как и в других, сходных с ней по уровню досоциалистического развития странах) в едином процессе культурного строительства, в котором преодоление культурной отсталости и создание новой социалистической культуры тесно между собой переплетены на разных этапах и охватывают все области культурной жизни.

В Югославии еще в ходе народно-освободительной борьбы началась разработка основных принципов культурного развития в условиях социализма и были проведены некоторые мероприятия, относящиеся к области культурного строительства. На освобожденных территориях и в партизанских отрядах открывались партизанские школы и курсы ликбеза, создавались драматические кружки и даже художественные ансамбли, издавались газеты, брошюры и книги, делались даже попытки организации научной деятельности. Разумеется, работа эта могла вестись в ограниченных размерах и в основном была связана с потребностями политического воспитания и мобилизации масс на борьбу за освобождение страны и установление народной власти.

По-настоящему и в широких масштабах началась работа по развертыванию культурной революции лишь после освобождения страны. Среди многочисленных задач в этой области одной из важнейших было создание и укрепление материальной основы культуры. В собственность народа были переданы типографии, издательства, кинотеатры, многие книжные магазины и пр. Здесь впрочем, нужно иметь в виду, что само по себе небогатое наследство буржуазной Югославии было к тому же в значительной своей части разрушено во время войны. К числу этих потерь относятся многие музеи, театры, библиотеки, в том числе крупнейшая в стране народная библиотека в Белграде, фонды которой почти целиком погибли от пожара. Пострадали и школы — частью уничтоженные, частью оставшиеся без кабинетов, лабораторий, приборов. Из школ, существовавших до 1941 г., 14% было полностью разрушено, а 36% частично⁴. По подсчетам, произведенным после освобождения, общий материальный ущерб, нанесенный школам, составлял 1 млрд 475 млн довоенных динаров (начальные школы — 435 млн, средние около 658 млн,

³ S. M e d e n i c a. Privredni razvitak Crne Gore 1918—1941. Titograd, 1959, s. 32.

⁴ «Skolstvo u FNR Jugoslaviji 1945—1950». Beograd, 1952, s. 17.

университеты — 380 млн динаров)⁵. Особенно большие потери понесли отдельные области страны. Так, в Боснии и Герцеговине из 1043 начальных школ во время войны было сожжено 407 (39%), причем остальные тоже пострадали в большей или меньшей степени. К моменту освобождения лишь 139 школьных зданий (13%) было исправно и могло быть без ремонта использовано для обучения детей⁶. В Хорватии 516 начальных школ было разрушено полностью, а 1555 — частично, сожжено и разграблено более 2000 школьных библиотек⁷. В Черногории было полностью или частично разрушено 295 начальных и средних школ, в Македонии 458 начальных школ и 10 гимназий (а всего 20)⁸.

Значительный ущерб был причинен высшим учебным заведениям (разрушенные здания факультетов, лаборатории, библиотеки), академическим научным учреждениям (в частности, во время бомбардировки Белграда тяжело пострадало здание Сербской академии наук и искусств, погибли многие ценные фонды и рукописи), многим памятникам культуры.

Все эти потери, принесенные войной и оккупацией, создавали дополнительные трудности в развитии культуры в послевоенные годы. Однако, благодаря огромным усилиям народов Югославии, последствия военной разрухи были сравнительно быстро ликвидированы. В течение 1945—1947 гг. были не только в основном восстановлены разрушенные материальные средства культуры, но и созданы новые.

После окончания восстановительного периода, когда началось осуществление первого плана индустриализации и развития социалистической экономики (1947—1951), работа по развитию всех видов культурной деятельности и по переустройству культуры на новых началах развернулась в особенно широких масштабах.

Развитие просвещения

В области просвещения предстояло решить по меньшей мере три основные проблемы: во-первых, ликвидировать неграмотность среди старших поколений населения, что практически означало обучить элементарной грамотности около 3,5 млн человек; во-вторых, дать начальное образование всем детям школьного возраста и таким образом устранить прилив неграмотных из подрастающего поколения (практически это означало увеличить школьную сеть начального образования более чем вдвое); и, наконец, в-третьих, подготовить новые кадры специалистов среднего и высшего уровня, отсутствие которых ощущалось во всех сферах хозяйственной, административной и культурной жизни. Для этого необходимо было коренным образом изменить всю систему образования.

Сразу после освобождения страны от фашистской оккупации новая народная власть приступила к решению этих неотложных задач. В октябре 1945 г. было принято постановление об обязательном семилетнем начальном образовании. Конституция ФНРЮ 1946 г. гарантировала, всем гражданам право на образование без различия национальности, вероисповедания, социального происхождения и пола. Школа была отделена от церкви. В первом пятилетнем плане развития народного хозяйства, принятом в 1947 г., была разработана обширная программа мероприятий по развитию народного образования, в частности преду-

⁵ «Enciklopedija Jugoslavije», knj. 5. Zagreb, 1962, s. 85.

⁶ «Školstvo u FNR Jugoslaviji 1945—1950», s. 17.

⁷ «Savremena škola», Beograd, 1949, br. 6—7.

⁸ Ibid.

сма тривалось в течение последующих пяти лет полностью ликвидировать неграмотность и охватить всех детей семилетним начальным образованием, провести переустройство всей школьной сети. Три года спустя, в 1950 г., было вынесено решение о введении восьмилетнего обязательного начального образования. Вместе с тем были разработаны мероприятия по увеличению материальной базы образования и рядом постановлений определены принципы его финансирования. В эти годы финансирование образования велось через бюджеты в централизованном порядке. Из года в год постепенно росла сумма финансовых средств для обеспечения развития школьной сети, росла и доля этих средств в общей сумме национального дохода страны, что можно проследить по данным табл. 1.

Таблица 1

Год	Национальный доход	Средства на просвещение	Национальный доход на просвещение, %
	миллионы динаров в текущих ценах		
1938	46 814	996	2,1
1947	132 905	3 508	2,6
1948	191 900	6 462	3,3
1949	227 691	8 011	3,5
1950	247 870	11 480	4,6

Примечание. Источник: «Skolstvo u FNR Jugoslaviji 1945—1950», s. 24.

Абсолютное (т. е. рост общей суммы) и относительное (т. е. рост доли в национальном доходе) увеличение средств для нужд просвещения позволило в первые послевоенные годы значительно расширить материальную базу образования, открыть большое число новых школ, построить новые школьные здания, общежития для студентов и учащихся, оборудовать и переоборудовать учебные кабинеты и лаборатории, восстановить старые и создать новые школьные библиотеки и т. д. В течение первых пяти лет после войны капиталовложения на строительство и оборудование школ всех звеньев составляли сумму 6437 млн динаров, которая распределялась следующим образом: на строительство начальных общеобразовательных школ — 3409 млн динаров, на низшие и средние специальные школы — 1466 млн динаров, на высшие школы — 1462 млн динаров⁹. Темп роста школьной сети и числа учащихся в эти годы намного превысил довоенные темпы. Если, например, в течение 22 лет межвоенного периода в среднем ежегодно открывалось 156 новых начальных школ, то в течение первых послевоенных пяти лет ежегодный прирост составлял 704 начальные школы. Иначе говоря, если за 22 года в старой Югославии было открыто 3444 новые начальные школы, то за пять лет существования новой Югославии их было открыто 3520.

Общий рост школьной сети и числа учащихся в школах всех звеньев можно проследить по данным табл. 2.

Проблемы развития народного просвещения, стоявшие тогда перед народной властью, были настолько сложными, что решить их все и пол-

Таблица 2

Учебный год	Число учебных заведений	Число учащихся и студентов
1938/39	10 355	1 721 211
1947/48	13 879	2 163 194
1948/49	14 814	2 294 074
1949/50	15 532	2 306 184
1950/51	16 098	2 359 358

Примечание. Источник: «Enciklopedija Jugoslavije», knj. 5, s. 86.

⁹ «Skolstvo u FNR Jugoslaviji 1945—1950», s. 22.

ностью в намеченные сроки оказалось весьма трудным. Это относится и к борьбе с неграмотностью, и к развитию начального школьного образования, и к созданию необходимого числа кадров специалистов среднего и высшего уровня.

Борьба с неграмотностью старших поколений населения было уделено особое внимание. В это время эта проблема решалась в основном путем массовой организации курсов грамотности. Такие курсы создавались повсеместно в городах, деревнях, поселках. Ими охватывались ежегодно сотни тысяч людей, большая часть которых научилась по меньшей мере читать и писать (см. табл. 3).

Таблица 3

Год	Число слушателей курсов грамотности	Число обученных грамоте	Обученные грамоте из числа слушателей, %
1945 и 1946	464 341	319 203	68
1947	648 718	454 851	67
1948	682 724	535 321	78,4
1949	627 485	343 707	54,8
1950	402 467	271 555	65,5

Примечание. Источник: «Školstvo u FNR [Jugoslaviji 1945—1950], s. 252.

Таким образом, на курсах грамотности (не считая других видов обучения) в течение 4—5 лет было обучено более 1,9 млн людей. Тем не менее проблема еще далеко не была решена. По переписи населения, проведенной в 1948 г., в Югославии насчитывалось 3 162 980 неграмотных (из них 2 256 279 женщин). По переписи, которая проводилась пять лет спустя, в 1953 г., число неграмотных возросло до 3 404 429 (из них 2 506 475 женщин). Однако удельный вес неграмотных в общем количестве населения старше 10 лет резко упал по сравнению с довоенным периодом — с 46,6% в 1931 г. на 25,4% в 1948 и 1953 г.¹⁰

Абсолютное увеличение числа неграмотных произошло потому, что, с одной стороны, школьная сеть начального образования, несмотря на ее стремительный рост, не была в состоянии охватить всех детей и закрыть источник прилива неграмотных из подрастающих поколений. По статистическим данным 1948 г., общий контингент детей школьного возраста (7—14 лет) составлял 2 840 800 лиц. Из них 952 900 (33,9%) не были охвачены школой. В 1953 г. контингент детей школьного возраста составлял 2 422 100 лиц, а школу не посещало 699 800 детей (28,9%)¹¹. По сравнению с довоенным периодом, когда школу не посещало более 50% детей школьного возраста, был несомненно сделан крупный шаг вперед, но еще недостаточный для полной ликвидации неграмотности. С другой стороны, обучение на курсах грамотности в силу ряда обстоятельств велось в первые послевоенные годы на довольно низком уровне; многие слушатели, научившись кое-как читать и писать, дальнейшего образования не получали, а выученное на этих курсах быстро забывалось.

Однако, хотя проблема неграмотности и не была снята с повестки дня, в первые послевоенные годы было сделано очень многое в области народного просвещения. Это ясно показывают статистические данные о школах и учениках начального уровня (см. табл. 4).

¹⁰ «Statistički godišnjak SFRJ, 1963», s. 85.

¹¹ «Prijedlog sistema obrazovanja i odgoja u FNRJ». Beograd, 1957, s. 211.

Если в 1940/41 г. на 10 тыс. населения приходилось 5,7 начальных школ и 17 отделений, а на каждое отделение в среднем по 60 учеников, то в 1950/51 г. на 10 тыс. населения было 8 школ и 20 отделений (по 55 учеников на отделение). Иными словами, за этот сравнительно короткий отрезок времени общее число школ увеличилось на 48,5%, число отделений на 21,69, а число учеников на 25,9%.

Важный шаг вперед был сделан в эти годы и в развитии среднего и высшего образования. В довоенной Югославии существовало (в 1938/39 г.) 1070 профессиональных и общеобразовательных средних школ (из них 205 гимназий), в которых обучалось около 211 тыс. учащихся (из них

Таблица 4

Год	Число школ	Число отделений	Число учащихся
1940/41	9 054	26 482	1 492 827
1945/46	10 441	26 286	1 259 033
1950/51	13 445	38 224	1 878 379

Примечание. Источник: «Skolstvo u FNR Jugoslaviji 1945—1950», s. 49.

125 тыс. гимназистов). Тогда же в Югославии работало 3 университета и 3 высшие школы (всего 26 факультетов), в которых обучалось 16 978 студентов¹². Как уже говорилось, и средним и высшим учебным заведениям был нанесен большой ущерб во время войны. В течение первых двух лет в основном велась работа по восстановлению разрушенных школ и факультетов.

В первом пятилетнем плане была разработана большая программа развития деятельности по подготовке кадров специалистов среднего и высшего уровня. Планом предусматривалось увеличение числа квалифицированных рабочих от 350 тыс. в 1946 г. до 750 тыс. в 1951 г. Далее план предусматривал увеличение за тот же период числа кадров специалистов среднего уровня от 65 тыс. до 150 тыс. и кадров с высшим образованием 5 тыс. ежегодно¹³. Для выполнения этой программы необходимо было значительно расширить сеть учебных заведений среднего и высшего звена, особенно сеть средних профессиональных школ различных профилей.

Развитие школ среднего звена (включая и школы для образования квалифицированных рабочих) можно проследить до данным табл. 5. Как видно из данных, приведенных в табл. 5, число школ среднего звена увеличилось в 1950/51 г. по сравнению с 1938/39 г. на 60,6%, а число учащихся соответственно на 87,6%. Характерным является тот факт, что в течение первого послевоенного пятилетия происходит резкое увеличение числа средних школ, дающих профессиональное образование, и числа учащихся в них, в то время как число учащихся в средних школах общеобразовательного типа (гимназиях) значительно уменьшается (число школ для квалифицированных рабочих увеличилось почти в 1,5 раза, а число учащихся в них почти удвоилось по сравнению с довоенным периодом; число средних технических школ увеличилось в 2,5 раза, а учащихся в этих школах в 6 раз; одновременно число учащихся в гимназиях снизилось на 40%).

¹² Подсчитано на основании данных, взятых из книги: «Jugoslavija 1945—1964. Statistički pregled». Beograd, 1965, s. 291—294.

¹³ «Пятигодишњи план разvитка народне провeде Федеративне Народне Републике Југославије 1947—1951». Beograd, 1947, стр. 103.

Такое форсирование профессионального и изменение структуры среднего образования было тогда вполне закономерно и оправдано, так как в начальный период социалистического строительства необходимо было прежде всего организовать подготовку недостающих кадров специалистов для народного хозяйства и других сфер общественной деятельности. Расширение сети школ среднего уровня позволило в течение первой пятилетки значительно увеличить охват молодежи среднего школьного возраста этим видом образования. По подсчетам специалистов, из общего контингента молодежи в возрасте 15—18 лет средним образованием было охвачено в 1948 г. около 13%, а в 1951 г. уже 21,1%¹⁴.

Таблица 5

Вид школ	Число школ			Число учащихся		
	1938/39	1946/47	1950/51	1938/39	1946/47	1950/51
Школы для квалифцир. рабочих	770	773	1 120	69 875	55 596	120 334
Технические и другие специальные школы	53	125	243	10 689	10 931	65 940
Школы для образования преподавательских кадров	37	50	80	4 268	9 688	27 948
Средние художественные школы	5	26	42	603	1 462	5 220
Гимназии	206	195	234	125 098	49 928	76 330

Примечание. Источник: «Jugoslavija 1945 — 1964. Statistički pregled», s. 291 — 293.

В области высшего образования в первом послевоенном пятилетии также происходят серьезные сдвиги, как в отношении количественного роста, так и в смысле изменения его структуры. В существующих еще до войны университетах были открыты новые факультеты, так что их об-

Таблица 6

Год	Число школ	Общее число студентов	Число студентов дневных отделений
1938/39	26	16 978	16 978
1945/46	33	25 339	25 196
1947/48	48	48 692	43 618
1950/51	84	59 822	49 367

Примечание. Источник: «Jugoslavija 1945 — 1964. Statistički pregled», s. 299.

щее число возросло от 18 в 1939 г. до 50 в 1951 г. (увеличение в 2,5 раза)¹⁵. Кроме того, был открыт ряд новых вузов — Высшая экономическо-коммерческая школа, Государственный институт физической культуры, Высшая школа кинематографии, Высшая журналистско-дипломатическая школа, а также новые педагогические вузы и художественные академии. Таким образом общее число вузов и факультетов возрастает от 26 в 1939 г. до 84 в 1950/51 г.¹⁶ Увеличивается и число студентов (табл. 6).

¹⁴ «Prijedlog sistema obrazovanja i odgoja u FNRJ», s. 227.

¹⁵ «Jugoslavija 1945—1964. Statistički pregled», s. 299.

¹⁶ Там же, s. 299.

Характерной чертой структуры высшего образования довоенной Югославии было то, что самое большое число студентов училось на юридических факультетах — 33,8%, в то время как на технических факультетах училось всего 15% студентов¹⁷. Это было обусловлено многими факторами и в первую очередь особенностями экономического и социального развития страны. В течение первого послевоенного пятилетия, в связи с возникшими новыми потребностями, структура высшего, также как и структура среднего образования, претерпевает значительные изменения. В 1950/51 г. на юридических факультетах училось всего 6,8% общего числа студентов, а на технических факультетах около 23%. Распределение студентов по факультетам в 1938/39 г. и в 1950/51 г. показывает табл. 7.

Таблица 7

Факультеты	1938/39 год	1950/51 год
Сельскохозяйственные и лесоводческие	1 166	4 442
Ветеринарные	708	2 574
Технические	2 671	11 835
Экономические	986	6 459
Юридические	5 998	3 551
Медицинские	2 096	10 075
Философско-филологич., исторические	2 866	12 978

Таблица 8

Год	Число выпускников
1938/39	2473
1945/46	201
1946/47	1044
1947/48	1468
1948/49	2233
1949/50	3200
1950/51	4025

Примечание. Источник: «Školstvo FNR Jugoslavije 1945 — 1950», s. 194, 219.

Примечание. Источник: «Prijedlog sistema obrazovanja i odgoja u FNRJ», s. 247.

Иными словами, если общее число студентов на факультетах увеличилось в 3 раза, то на технических факультетах это увеличение было в 4,4 раза, на философско-филологическо-исторических факультетах в 4,5 раза, на экономических — в 6,6 раза.

Общий рост сети вузов и числа студентов, естественно, привел к увеличению числа выпускников. Однако между темпом роста числа студентов и роста числа выпускников в эти годы, как показывают статистические данные, наметилась серьезная диспропорция. В то время как общее число студентов возросло в 3 раза, число получивших дипломы об окончании вузов увеличилось в 1,42 раза¹⁸ (см. табл. 8).

Возникновение упомянутой диспропорции явилось следствием того, что довольно большое число студентов по различным причинам не было в состоянии завершить курс обучения в предусмотренные законом сроки. В эти годы из числа студентов, поступивших на первый курс, оканчивало учебу в положенный срок: в вузах с двухгодичным сроком обучения — 50%, в вузах с четырехлетним обучением — 10—15%, в вузах с пятилетним сроком обучения — всего лишь 3—5%¹⁹. Фактическое удлинение процесса обучения в высших учебных заведениях было, по-видимому, одной из причин того, что план подготовки кадров с высшим образованием, предусмотренный на период 1947—1951 гг., остался невыполненным: вместо 25 тыс. новых специалистов высшего уровня было подготовлено около 17 тыс. (т.е. около 72%). И тем не менее даже это представляло собой несомненный успех, ибо для подготовки такого же числа новых специалистов с высшим образованием, какое было подготовлено в пер-

¹⁷ «Prijedlog sistema obrazovanja i odgoja u FNRJ», s. 188.

¹⁸ Там же, s. 247.

¹⁹ Ibid., s. 248.

вом послевоенном пятилетии, в межвоенный период потребовалось почти целое десятилетие (с 1931 по 1939 г. вузы окончило около 19 тыс. человек).

О прогрессе, достигнутом в развитии образования всех звеньев в Югославии в период 1945—1951 гг., говорят данные о числе учащихся на каждую тысячу населения (табл. 9).

Таблица 9

Год	Учащиеся начальных школ	Учащиеся средних школ	Учащиеся вузов
1938/39	93,3	13,6	1,0
1950/51	114,8	19,2	4,5

Следовательно, общее число учащихся в школах всех трех ступеней в расчете на 1 тыс. человек населения возросло в 1950/51 г. по сравнению с довоенным 1938/39 г. от 111,2 до 138,5 человек, т.е. на 24,5%.

Однако этот весьма важный показатель роста образовательного уровня населения сам по себе еще не дает ответа на вопрос о том, как соотносился уровень развития системы просвещения с объективными потребностями общества на данном этапе.

Уже говорилось о том, что уровень развития народного образования в Югославии межвоенного периода намного отставал от реальных потребностей, даже если исходить из условий буржуазного общества. В рассматриваемый нами послевоенный период уровень развития системы просвещения значительно повысился. Но не следует забывать, что вместе с новым направлением социально-экономического развития общества увеличились и потребности, усложнились задачи в сфере образования, изменился их социальный характер. И если при анализе процессов в области народного образования в Югославии на первом этапе ее послевоенного развития принять во внимание все эти моменты, то приходится констатировать, что преобразующаяся и довольно быстро развивающаяся система просвещения все еще не была в состоянии удовлетворить возросшие потребности. Кроме того, она не смогла решить животрепещущую задачу ликвидации неграмотности и охвата всех детей начальным образованием, она также не обеспечивала ни выпуск того количества специалистов среднего и высшего уровня, которое требовалось тогда для народного хозяйства, для государственного аппарата и для других видов общественной деятельности. С 1947 по 1951 г. средние школы, дающие профессиональное образование, окончило 51 тыс. человек²⁰ (вместо предусмотренных первым пятилетним планом 65 тыс., т.е. на 21,6% меньше).

Статистические данные переписи населения, проведенной два года спустя после окончания срока первого пятилетнего плана (в 1953 г.), показали, что общее количество работающих специалистов, имеющих полное (общее или профессиональное) среднее и высшее образование, составляло тогда 293 тыс. человек²¹, т.е. 3,7% общего количества самодеятельного населения страны (7837 тыс. человек)²² и 15,5% всех занятых в том же году рабочих и служащих (1886 тыс. человек)²³. Не была осуществлена и программа подготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих. В 1953 г. их было 436 тыс.²⁴ (а по первому пятилетнему плану их уже в 1951 г. должно было быть 750 тыс.). Поэтому

²⁰ «Deset godina nove Jugoslavije», s. 191.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ «Jugoslavija 1945—1964. Statistički pregled», s. 58.

²⁴ «Statistički godišnjak FNRJ 1955», s. 114.

довольно большой процент рабочих мест занимали кадры ниже требуемой квалификационной подготовки, что весьма отрицательно сказывалось на росте производительности труда. По подсчетам специалистов, таких мест, не занятых кадрами соответствующей квалификации, было: для высококвалифицированных рабочих — 42,4%, для квалифицированных рабочих — 15,1, для служащих с высшим образованием — 42,3, для служащих со средней квалификацией — 23,1%²⁵.

Короче говоря, система образования, действовавшая на первом этапе послевоенного периода, при всем ее несомненном превосходстве по отношению к той системе, которая существовала в буржуазной Югославии, все еще не достигла такого уровня, чтобы полностью удовлетворить потребности, возникшие в ходе развертывания социалистического строительства. Предстояла большая работа по дальнейшему расширению, переустройству и совершенствованию этой системы на последующих этапах развития.

Развитие науки

Условия монархической Югославии межвоенного периода мало благоприятствовали развитию научно-исследовательской деятельности. В области общественных наук сильным тормозом являлась реакционная политика довоенных режимов, сурово преследовавших любые попытки внедрить в общественные науки прогрессивные идеи. Научно-исследовательская деятельность в области естественных и технических наук тоже стимулировалась весьма слабо. В экономически отсталой стране финансовые средства для развития науки были крайне ограничены. Господствующие буржуазные круги не проявляли особого интереса к стимулированию даже прикладных отраслей науки. Это происходило потому, что экономика довоенной Югославии, ее крупнейшие промышленные предприятия находились в руках или под контролем иностранных монополий, которые, естественно, мало заботились о том, чтобы на территории Югославии организовывать научные учреждения, призванные совершенствовать технику производства. Сами югославские капиталисты предпочитали покупать иностранные лицензии, чем развивать отечественную научно-исследовательскую деятельность в области технических и естественных наук. Характерной особенностью югославской науки межвоенного периода была ее значительная оторванность от общественной практики, ограниченность масштабов исследований, организационная раздробленность, слабая материальная база и малочисленность научных кадров.

Научная деятельность в довоенной Югославии развивалась в рамках трех академий наук — Сербской академии наук и искусств в Белграде, Югославянской академии наук и искусств в Загребе и Словенской академии наук и искусств в Любляне и высших учебных заведениях. Всего в Югославии в 1940 г. существовало 215 научно-исследовательских учреждений (из них 200 — при университетах)²⁶. Кроме того, в это время действовало 19 научных обществ и союзов²⁷. Вторая мировая война и оккупация Югославии практически на несколько лет прервали всякую научно-исследовательскую деятельность. Научным учреждениям, как уже упоминалось, был нанесен большой материальный ущерб.

После освобождения страны от фашизма были предприняты меры для широкого развития науки, реорганизации существовавших до войны научных учреждений и создания новых, с тем чтобы наука стала

²⁵ «Prijedlog sistema obrazovanja i odgoja u FNRJ», s. 200.

²⁶ «Naša stvarnost», 1957, br. 12, s. 622.

²⁷ «Deset godina nove Jugoslavije», s. 399.

одним из важнейших факторов в строительстве социалистического общества. В 1947—1948 гг. были приняты законы о деятельности всех трех академий наук и создан Академический совет для координации этой деятельности. При проведенной тогда реорганизации академий были открыты новые отделения и созданы новые институты. В Сербской академии наук было организовано шесть отделений (естественно-математическое, технических, медицинских, общественных наук, отделение литературы и языка, отделение изобразительного и музыкального искусства), в Югославянской академии наук и Словенской академии наук по пять отделений аналогичного типа. В то же время при Сербской академии было создано 25 научно-исследовательских институтов, при Югославской — 20 и при Словенской академии наук — 12²⁸. Кроме ведения научно-исследовательской работы в рамках своих институтов, перед академиями была поставлена задача оказывать всемерную помощь другим научным учреждениям и организовать работу по подготовке высококвалифицированных научных кадров.

Наряду с развертыванием и реорганизацией деятельности академий наук и их учреждений в первом послевоенном пятилетии широко велась работа по организации научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях, создавались многие институты и научные учреждения, непосредственно подчиненные министерствам и различным правительственным органам (комитетам и комиссиям). Об интенсивности работы по организации научной деятельности рассматриваемого периода свидетельствуют имеющиеся статистические данные о состоянии научных учреждений в 1953 г.²⁹. Тогда в Югославии работало 615 научных институтов и учреждений (почти в три раза больше чем до войны), которые распределялись по отраслям науки следующим образом: естественно-математические науки — 79 институтов, технические — 141 институт, сельскохозяйственные и лесные — 119, медицинские — 221, общественные — 55 институтов³⁰.

Во всех этих учреждениях было тогда занято на постоянной работе 1483 высококвалифицированных научных работников и 4715 человек технического и обслуживающего персонала³¹. Во всех трех академиях наук работало тогда 112 академиков и 93 члена-корреспондента.

Важную роль в развитии научной деятельности и популяризации науки сыграли в эти годы различные научные общества, число которых в 1951 г. увеличилось до 45 (т.е. в 2,5 раза больше чем до войны)³².

Реорганизация академий наук и расширение всей сети научных учреждений создали возможность для весьма интенсивного развития научной деятельности. Об этом свидетельствуют хотя бы такие факты: если, например, в межвоенный период Сербская академия наук и искусств ежегодно в среднем публиковала научных трудов в размере 280 печ. листов, то в послевоенные годы было опубликовано: в 1948 г. — 120 печ. листов, в 1949 — 267, в 1950 — 823, а в 1951 — 996 печ. листов³³. Югославянская академия наук и искусств опубликовала с 1947 по 1954 г. около 250 книг и объеме 4000 печ. листов³⁴. Кроме изданий большого числа научных трудов (монографий и сборников) научные организации Югославии издавали немалое количество различных научных и научно-по-

²⁸ Ibid., s. 402, 405, 408.

²⁹ Систематизированными данными за 1951 г. автор, к сожалению, не располагает.

³⁰ «Deset godina nove Jugoslavije», s. 399.

³¹ «Razvoj tehnike i privrede u Jugoslaviji 1945—1955». Beograd, 1955, s. 416.

³² «Deset godina nove Jugoslavije», s. 399.

³³ «Enciklopedija Jugoslavije», knj. 1, s. 41.

³⁴ «Deset godina nove Jugoslavije», s. 406.

пулярных журналов. В первые годы после освобождения страны от фашизма таких журналов издавалось 48, а в 1950 г. их число возросло до 175³⁵. Многое делалось в эти годы и для обеспечения научных работников необходимой специальной литературой. Для этого были возобновлены и расширены уже существующие специальные научные библиотеки и открыты многие новые. Научных и специальных библиотек в 1951 г. было в Югославии 633, и в их фондах находилось 5728 тыс. экз. книг³⁶.

Бурное развитие научной деятельности на первом этапе послевоенного развития Югославии имело, однако, и свои слабые стороны. Прежде всего следует отметить тот факт, что хотя в эти годы многое делалось для планомерного развития науки в целом и концентрации и координации научной деятельности, существующая до войны дробность научных учреждений не была преодолена. Создание многочисленных научных институтов при отсутствии достаточной материальной базы и достаточного количества квалифицированных научных работников приводило к распылению сил и средств. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на тот факт, что на каждый из 615 институтов имелось в эти годы в среднем менее 3 высококвалифицированных работников и менее 8 человек технического и другого персонала. Многие институты, особенно те, которые создавались при факультетах, фактически только носили название «институтов», не имея ни средств, ни необходимых кадров для организации научно-исследовательской деятельности в мало-мальски значительных масштабах. Многие институты не имели ни своих зданий, ни необходимых лабораторий, кабинетов, оборудования, библиотек. Вследствие этого немалое число вновь созданных институтов, просуществовав некоторое время, было вынуждено прекратить свою работу. Существующая раздробленность сети научных учреждений, распыленность средств и кадров являлись серьезным тормозом в организации фундаментальных и комплексных научных исследований. Кроме того, не было постоянной, систематической связи науки с производством. Многие хозяйственные организации, учитывая неподготовленность и малую масштабность исследовательской работы в стране, покупали лицензии за границей, а это в свою очередь дестимулировало работу отечественных научно-исследовательских институтов в области технических и прикладных наук. Остро вставали вопросы и о способах финансирования научно-исследовательских институтов. В области общественных наук оставалась нерешенной проблема подготовки марксистски образованных научных кадров, способных внести существенный вклад в развитие исторических, экономических, философских, искусствоведческих наук. Все эти проблемы приходилось решать в последующие годы.

Развитие различных видов массовой культурной деятельности

В процессе общих культурных преобразований огромную роль играют, как известно, различные средства массовой коммуникации. В Югославии в первые послевоенные годы, несмотря за многочисленные трудности, быстрыми темпами начинает развиваться издательская деятельность, библиотеки, музеи, печать и радиовещание, создается отечественная кинематография и увеличивается сеть кинотеатров, открываются новые профессиональные театры (драматические и оперные) и организуются многочисленные драматические кружки и художествен-

³⁵ Ibid., s. 399.

³⁶ «Jugoslavija 1945-1964: Statistički pregled», s. 330.

ные ансамбли, народные и рабочие университеты, клубы и дома культуры. Вся эта многообразная и многогранная деятельность была направлена на приобщение к культуре самых широких масс трудящихся, на преодоление культурной отсталости, на духовное формирование людей соответственно потребностям нового, развивающегося социалистического общества. Что касается материальной базы этих видов деятельности, то здесь следует указать на одну принципиально важную особенность.

В отличие от просвещения и науки, которые фактически финансируются целиком из общественных средств, финансирование многих других видов культурной деятельности (театр, кино, издательское дело, радиовещание, художественная самодеятельность и др.) осуществляется частично из общественных средств (дотации и др.), а частично из личных доходов населения, которое пользуется определенными культурными услугами и потребляет культурные блага. Такой двойкий характер финансирования этих видов культурной деятельности совершенно закономерен и неизбежен в течение всего периода строительства социализма во всех странах. Но именно вследствие неизбежности такого двойного финансирования здесь могут возникнуть и возникают многие противоречия, появляются проблемы, относительно которых все еще нельзя сказать, что они нашли свое окончательное теоретическое и наиболее целесообразное практическое решение.

Среди этих проблем одной из самых значительных является пропорциональность соотношения общественных финансовых средств и средств бюджета личного потребления населения применительно к разным видам культурной деятельности в период построения социализма вообще и на каждом этапе в частности. Принципиальным является вопрос о том, в каком направлении должна изменяться эта пропорция: в сторону постоянного увеличения доли общественных средств и относительного уменьшения доли средств, получаемых из личных бюджетов населения, или наоборот. Вопрос этот очень важен как в плане развития культурной деятельности, так и с чисто социальной точки зрения. Необходимо определить, насколько то или иное направление обеспечивает возможность наиболее широким слоям населения пользование культурными услугами и культурными благами, возможность постепенного выравнивания культурного уровня различных социальных слоев населения.

В Югославии в первые послевоенные годы эти пропорции складывались во многом стихийно. В дальнейшем, когда был сделан переход к плановому ведению хозяйства, элемент плановости был введен и в этой области. Общественные средства для нужд развития культуры в целом, в том числе и этой культурной деятельности, распределялись, как уже отмечалось, централизованно путем финансирования через бюджеты (союзные, республиканские, местные). В тогдашних трудных условиях средства, отпускаемые на развитие разных видов культурной деятельности, были довольно ограничены, их доля в национальном доходе — сравнительно невелика (по некоторым оценкам 0,5—0,7%). В общей сумме расходов на финансирование этой культурной деятельности общественные средства и средства из личных доходов были приблизительно одинаковые (пропорция 1 : 1)³⁷. В различных видах культурной деятельности пропорции между общественными средствами и средствами из личных доходов были весьма разные. В некоторых из них общественные средства покрывали более 90% расходов, в других — 4—5 и менее процентов. В целом средства, затраченные на развитие этих видов деятельности, намного превосходили подобные затраты в довоенной Югославии,

³⁷ См. газету «Odjek». Sarajevo, 1962, 1 oktobar, s. 4.

вследствие чего и темпы развития и результаты были несравненно больше, чем довоенные (см. табл. 10).

Как видно из табл. 10, число театров в 1951 г. увеличилось по сравнению с 1938 г. в 3 раза, число кинотеатров в 2,5 раза, число музеев почти в 2 раза, число радиостанций в 5 раз и радиоприемников более чем в 2 раза. Все эти средства, вместе с печатью, играют громадную роль в распространении культуры среди народных масс. Какой прогресс был достигнут в этом отношении, показывают следующие данные: число посетителей театров в 1951 г. достигло цифры 4 511 тыс. человек, что по срав-

Таблица 10

	1938 г.	1945 г.	1947 г.	1951 г.
Число профессиональных театров	24	42	53	73
Число кинотеатров	413	520	697	1 092
Число музеев	80	72	89	142
Число народных университетов			866	949
Общий тираж изданных книг		6 961 500	18 847 000	28 696 300
Число газет				357
Средний тираж газет				3 558 000
Число журналов				450
Средний тираж журналов				2 197 000
Число радиостанций	4	10	13	19
Число радиоприемников	155 113	180 000	198 000	357 222

Примечание. Источники: «Statistički godišnjak SFRJ», 1960, 1964, 1970; «Jugoslavija 1911—1964. Statistički pregled»; «Deset godina nove Jugoslavije».

нению с 1938 г. (1 411 тыс.) представляло увеличение в 3 раза. В таких же размерах увеличилось число посетителей кинотеатров (около 20 млн в 1938 г. и 63, 5 млн в 1951 г.). Намного увеличилось и число посетителей музеев (художественных и других): их было в 1945 г. около 300 тысяч, а в 1951 г. — 1964 тысячи, т. е. в 6 раз больше³⁸.

Огромную роль в распространении научных и политических знаний среди трудящихся масс сыграли тогда народные университеты. В 1951 г. в них было прочитано 17 064 лекции, на которых присутствовало 3 186 тыс. слушателей. В том же году в Югославии имелось 1600 народных библиотек, которые располагали фондом в 3300 тыс. книг³⁹.

Такое бурное развитие деятельности по распространению культуры, разумеется, не означало, что в это время были ликвидированы унаследованные различия в культурных уровнях как различных национальностей, населяющих Югославию, так и различных слоев населения. Эти различия уменьшились тогда еще недостаточно. Однако хорошее начало было положено.

* * *

Анализ развития культурной жизни в Югославии в первом послевоенном пятилетии показывает, что в этот период были достигнуты немалые успехи в области просвещения, науки, популяризации искусства и пр. Это был первый этап строительства культуры, этап весьма противоречивый, с многими трудными проблемами, которые при всех успехах и достижениях в это время не смогли быть разрешены. Однако основа для их решения была заложена именно в этот период.

³⁸ «Jugoslavija 1945—1964. Statistički pregled», s. 326—327.

³⁹ Ibid., s. 330.

ИЛИЯ КОНЕВ

К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-БАЛКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В современном литературоведении принято считать истиной, что на каждом этапе своей истории национальные литературы находятся во взаимодействии между собой. Исследования этих взаимодействий представляют исключительную важность для сравнительного изучения литератур. Ведь при этом выявляются важнейшие звенья, которые соединяют национальные литературы в процессе их формирования и развития.

Изучая болгаро-балканские литературные отношения, необходимо иметь в виду один хотя и вспомогательный, но весьма существенный фактор, повлиявший на их характер. Речь идет о русско-балканских литературных связях. Для разработки нашей темы они представляют двойной интерес. Во-первых, балканские народы были в значительной мере подготовлены к восприятию ряда произведений русской литературы опытом своего межнационального общения, культурным обменом в пределах своего региона и т. п. Во-вторых, общий интерес балканских народов к русской литературе, в свою очередь, способствовал углублению их взаимосвязей, что вполне естественно: общий интерес соседей к одному и тому же объекту может их сближать между собой. Отметим, что самой общей предпосылкой для эволюции межбалканских отношений является национально-освободительная борьба, которая с конца XVIII в. охватила значительную часть полуострова. Литературные контакты этого периода отмечены идеями Просвещения. В последующие эпохи эти контакты продолжают в русле романтизма и реализма, революционно-демократической идеологии и материалистической эстетики.

На примере болгаро-балканских литературных связей можно проследить многоступенчатый характер взаимодействий внутри всего данного региона. Система этих многообразных взаимодействий конструируется основными и второстепенными звеньями. К первым относятся болгаро-греческие, болгаро-румынские и болгаро-югославские отношения. Своё начало они берут в далеком прошлом и со второй половины XVIII в. развиваются на новом культурно-историческом фоне. Ко вторым надо отнести контакты болгарской возрожденческой литературы с албанской и турецкой литературами. К тому же ряд фактов, явлений и процессов выходит из границ этой системы, обнаруживая свою генетическую связь с литературами других регионов. Все это дает основание подчеркнуть, что единая система болгаро-балканских отношений не является зонально замкнутой единицей, а частью системы всеобщего литературного общения.

Причины такой взаимозависимости на Балканах разные. В одних случаях они состоят в том, что Россия, Франция или Италия были глу-

боку связаны с процессами национального возрождения на Балканском полуострове, с формированием новых балканских культур. В других случаях оказывается, что определенное произведение русской, французской или немецкой литературы, благодаря разнообразным обстоятельствам, почти одновременно получает популярность во многих балканских литературах, выполняет положительную роль в их развитии и становится фактором связей между ними. Мы рассмотрим ряд существенных моментов в русско-балканских литературных отношениях, которые сыграли особенно заметную роль в культурном развитии балканских стран.

Многостороннее развитие балканских народов эпохи их национально-освободительной борьбы глубоко связано с историей русской культуры и общественной мысли. Особенно яркими представляются нам социально-политическая, культурно-просветительская и литературно-эстетическая «линии» этой связи.

Широким и плодотворным является воздействие, которое Россия оказывает на формирование отдельных балканских национальных культур. Сильнее всего оно выявляется в южнославянских странах, но довольно значительны его результаты в Румынии, Греции, Албании. Даже и в тех случаях, когда это воздействие не затрагивает прямо всех балканских стран, на мой взгляд, оно сохраняет свой общий балканский смысл, в целом способствует коренным культурно-историческим преобразованиям на Балканах. Развиваясь в тесной связи с русской культурой, новые южнославянские культуры укрепляют свои национально-идеологические позиции и тем самым обогащают основу своих взаимодействий с неславянскими балканскими культурами, влияют на направление основных культурно-общественных процессов на Балканах того времени (формирование национальных задач просветительства, борьба против греческого фанариотского духовенства и западной католическо-протестантской пропаганды, сохранение православно-единства как существенная предпосылка единого культурно-национального развития соответствующих народов и т.д.). Итак, наш подход к исследованию болгаро-русских, русско-сербских, хорватско-русских или даже русско-южнославянских культурных взаимоотношений окажется односторонним, если не иметь в виду общепалканское значение тех коренных изменений, которые происходили под их воздействием.

Со второй половины XVIII в. и в первых десятилетиях XIX в. русско-балканские культурные отношения строятся с учетом общих моментов в истории русского и балканских народов, их сходных традиций. Писатели, публицисты и поэты — такие как С. Т. Аксаков, Н. М. Карамзин, А. Х. Востоков, А. Ф. Вельтман, Юрий Венелин, В. Г. Тешляков и другие — стоят у истоков русско-балканских культурных отношений этого периода. Вспомним здесь и о научных путешествиях по балканским странам, предпринятых после 20-х годов XIX в. Кешпеном, Венелиным, Бодянским, В. И. Григоровичем, Срезневским, Прейстом и другими. Их цель — познакомиться с культурой балканских народов, понять сущность новых явлений в их истории, исследовать и популяризировать эти сведения. Актуализация балканской проблематики, заинтересовавшей деятелей русской науки и культуры, сама по себе была благоприятным фактором культурного развития в балканских странах.

К середине XIX в. русско-балканские культурные отношения приобретают более широкий характер. Однако идейно-политические факторы, которые так или иначе их стимулируют, во многом разные, иногда противоположные. Интересы официальной политики России на Балканах переплетаются с действиями славянофильских комитетов и обществ,

которые активизируют деятельность, распространяя свое влияние во всех южнославянских странах. В. И. Кулешов в статье «Славянофильство как оно есть...», опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (1969, № 10), не без основания поднимает тему о «южнославянском аспекте» славянофильства. Впрочем, эта проблема выяснялась почти с самого возникновения науки о славянофильстве, и ей была посвящена обширная литература. (Перечислить все исследования здесь невозможно. Одна из лучших последних работ, которая освещает ее отдельные стороны, — книга С. А. Никитина «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в., М., 1970.)) Мы же вернулись к вопросу о «южнославянском аспекте» славянофильства главным образом для того, чтобы подчеркнуть его общеполитическое значение.

Поскольку славянофилы сыграли заметную роль в развитии русско-балканских культурных отношений, нужно, конечно, уделить должное внимание вопросу о конкретно-историческом содержании «южнославянского аспекта». Какова позиция славянофилов в процессе духовного общения русского и балканских народов до и после Крымской войны? Какими сторонами своей идеологии и практической деятельности они принимают участие в этом сложном и длительном, национально дифференцированном процессе? В каком смысле южнославянские народы «чтят славянофилов» и можно ли сказать, что все пункты славянофильской программы совпадают с целями национально-освободительного движения и культурного подъема в южнославянских странах?

Крымская война, очевидно, означала переход к новому этапу в русско-балканских отношениях. Раньше в них преобладало активное, приобретающее романтический оттенок начало «классического» славянофильства, открывавшего возникновение новых балканских культур не только для самого себя и русского народа, но в определенной степени и для других народов. Однако после войны картина усложняется. С одной стороны, дает о себе знать остро противоречивая позиция и тактика уже сильно подвергшихся влиянию официальных кругов славянофильских комитетов, а с другой — возрастающая роль русской свободолобивой и революционно-демократической общественной мысли.

Поддерживая новый стиль отношений с Балканами, славянофилы опираются на все, что может этому содействовать: на политическую силу России, племенные и религиозные связи между славянскими народами, идею о славянской общности, деятельность русских славяноведов, уже установленные традиции и т. д. Их стремления вполне соответствуют официальной программе Московского славянского комитета. Славянофильство приобретает права официального посредника России и русской культурной политики на Балканах. Отметим ряд положительных результатов его деятельности в некоторых странах изучаемого региона: укрепление материальной базы южнославянских культур, изучение и популяризация южнославянских литератур и языков, образование молодежи южнославянских стран, усилившееся внимание к национальному вопросу поработанных народов, возникновение новых школ, церквей, просветительских обществ, журналов и газет. Рассматривая более подробно позиции славянофилов, можно отметить разнообразие их взглядов, отличие Ивана Аксакова от Константина Леонтьева и т. д. — все это относится к «южнославянскому — балканскому аспекту» русского славянофильства.

Было бы ошибкой считать, что содействие славянофилов ограничилось оказанной ими материальной поддержкой новооткрытым школам, просветительским обществам и т. д. Одновременно с этим они выполняли и особую идеологическую миссию, которая в известных случаях совпа-

дала с национальными интересами южнославянских народов. Таков, например, смысл той поддержки, которую многие славянофилы оказывали борьбе против ассимиляторских тенденций, реально и весьма сильно грозивших тогда свободному развитию молодых южнославянских культур. В этом отношении надо особо оценить влияние славянофилов в Болгарии, где борьба против греческого фанариотского духовенства и западной католической пропаганды сохраняла свою актуальность и остроту вплоть до Освобождения. Славянофилы считали ее важным пунктом болгарского национального вопроса. Греческое фанариотское духовенство было нейтрализовано, и потерпела неудачу попытка западноевропейских сил с помощью распространения униатства помешать решению болгарского вопроса.

В числе южнославянских писателей и деятелей культуры, которым славянофилы оказывали материальную помощь, были Вук Караджич, Валтазар Богишич, Петр Петрович Негош, Иван Богоров, Найден Геров, Захари Княжески, Станко Враз и др. В Москве, Петербурге, Одессе, Николаеве сосредоточивалось большое количество южнославянских школьников и студентов. Они приезжали сюда, чтобы получить филологическое, искусствоведческое, медицинское, техническое или военное образование. Из их числа мы назовем имена тех, кому довелось сыграть значительную роль в развитии своих национальных культур и литератур: Живоин Жуевич, Светозар Маркович, Милан Миличевич, Валтазар Богишич, Васа Пелагич, Добри Чинтулов, Найден Геров, Райко Жинзифов, Любен Каравелов, Христо Ботев. Сообразуясь с историческими фактами и обстоятельствами, надо отметить, что некоторыми своими характерными особенностями русско-балканские культурные отношения до и после Крымской войны на протяжении более чем двух десятилетий обязаны активному участию русских славянофилов. Обстановка требовала от них напряженного внимания к двум крупным и весьма актуальным задачам: укреплению национальных основ южнославянских культур и усилению их взаимодействия с русской культурой.

Однако нельзя не упомянуть о том, что именно после Крымской войны, когда связи славянофилов с южнославянскими странами приобрели значение одной из основных нитей русско-балканских отношений, в болгарской, сербской и хорватской печати появляется весьма острая критика их идеологических позиций. Критике подвергаются прежде всего панславистическая мечта славянофилов, их религиозно-консервативные взгляды на историю. Этот факт характеризует идейно-философские позиции болгарской и в целом южнославянской общественной мысли.

К тому же у нас нет оснований говорить о существенном воздействии славянофилов-литераторов на южнославянские литературы как таковые. Славянофилы воспринимались на Балканах прежде всего как официальные лица, как «доброжелатели единоплеменным братьям», которым они либо помогали устроить свои дела, либо советовали относительно их дальнейших планов. Иван и Константин Аксаковы, Михаил Погодин, Константин Леонтьев, Егор Ковалевский, Владимир Ламанский, Нил Попов и другие сохраняют такую репутацию до самой русско-турецкой войны (1878—1879 гг.) и после нее. Даже и в тех случаях, когда некоторые из них (Нил Попов, Михаил Погодин, Виктор Григорович и др.) посвящают южнославянским народам свои произведения, южнославянские деятели в основном продолжают относиться к ним больше как к официальным руководителям Московского или Петербургского славянского комитетов, чем как к писателям того или другого литературного направления. На такой особой административно-организационной идеологической основе устанавливают и поддерживают с ними свои отноше-

ния Найден Геров, Захари Княжески, Сава Филаретов, Сава Косанович, Васа Пелагич, Тодор Минков, которые являются последовательными проводниками идей славянофильства среди южных славян. Следует добавить, что ни один из них не принимает активного участия в литературной жизни своего народа после Крымской войны, а это тоже имеет значение для полного понимания вопроса. Самые же видные и самые талантливые писатели этого периода — воспитанники русской прогрессивной мысли, деятели революционного направления, защитники материалистической эстетики.

Но не следует абсолютизировать высказанное нами в общей форме положение о невосприимчивости южнославянских литератур к художественно-эстетическим концепциям славянофильства. Сравнительный анализ художественных произведений русских и южнославянских поэтов о славянском единстве мог бы внести некоторые коррективы в данное положение. То же можно сказать и о творческой судьбе таких поэтов, как Райко Жинзифов, Константин Миладинов, Йован Сундечич и др., которые испытали на себе прямое воздействие русских славянофилов. Процесс и результаты этого воздействия могут представить немалый научный и психологический — в смысле их крайней противоречивости — интерес. Именно в творческом пути Райко Жинзифова и его трагической судьбе можно отметить как своеобразие этой стороны южнославянского восприятия славянофильства, так и психологический драматизм, с которым один из самых восторженных его апологетов осознает его идейно-психологическую беспомощность.

Впрочем, это самая общая постановка вопроса, которая только намечает его аспекты, вводит нас в литературную область русско-балканских отношений. В системе этих отношений основное значение имеют связи русской литературы с болгарской, румынской, югославскими (в Румынии и южнославянских странах нет ни одного большого писателя, который бы не находился в творческом общении с русской художественной литературой), и в меньшей степени с греческой литературами; а второстепенное — впервые установленные контакты с остальными балканскими литературами.

Воздействие русской литературы относится ко всем южнославянским литературам, несмотря на то что хорваты и словенцы принадлежали и принадлежат к католической церкви, а сербы и болгары — к православной. Я обращаю внимание на этот факт, потому что в науке выражено и обратное понимание вопроса. Так, например, в своей книге «Увод в южнославянский реализм» Боян Ничев, имея в виду те же обстоятельства, расчленяет южнославянский духовный регион на две зоны влияния. «Два крыла южнославянского духовного региона, — пишет он, — связаны и с различными внешними культурными влияниями... На западе, после того как перестает быть опасностью ассимиляция, немецкая культура продолжает влиять на западных и южных славян. Особое внимание заслуживает воздействие великой русской литературы, которая ранее всего начинает влиять на восточную часть славянского юга»¹. Отмечая эту позицию, я не стану ее объяснять — всем известно, что духовный регион — это понятие более широкое, чем географическое, и что в него входят компоненты разных культур, что взаимодействие с национальными факторами обуславливается многими законами общественного развития.

Важным фактором в истории русско-балканских литературных отношений является проникновение русской книги в южнославянские страны, в Грецию, в Румынию. Существует ряд свидетельств в пользу раннего

¹ Б. Ничев. Увод в южнославянский реализм. София, 1971, стр. 7.

распространения русской книги в балканских странах и ее общепросветительской и специфическо-литературной роли. Сначала русские книги проникают в монастырские церкви на территории Греции, Румынии², Сербии, Болгарии, а впоследствии их распространение приобретает более светский характер, отвечая требованиям литературного развития. Дубровчанин Игнат Градич, Стиепан Русич, Захарий Орфелин и Досифей Обрадович были первыми почитателями и распространителями русской книги в Сербии, Дубровнике и Хорватии. Еще в самом начале XIX в. деятели болгарской колонии в Одессе начинают регулярно посылать в Болгарию разнообразные по жанру и по своему содержанию произведения русской литературы. Одним словом, каждый презрежавший со славянского юга в Россию считал себя обязанным вернуться с русскими книгами, с произведениями русской литературы, которые были так нужны духовно возрождающимся балканским народам. Так поступали Васил Априлов, Петр Негош, Людевит Гай, Найден Геров, Вук Караджич и др. В середине XIX в. распространение русской книги и ее использование в оригинале приобретает характер основной формы русско-балканских литературных отношений; освоения русской творческой мысли.

В свою очередь, и в России начинают распространяться произведения балканских литератур, что является предпосылкой для установления новых русско-балканских литературных контактов. Каков характер этих произведений и кто ими интересовался? Многие из этих книг — старославянские или старорумынские, и они удовлетворяли прежде всего научные интересы русских славистов. Но не только это. Возвращаясь на родину, русские слависты привозили и немало новых произведений, писали на них рецензии и популяризировали их как достижение современных балканских литератур.

Изучая содержание и характер воздействия распространенных в балканских странах русских книг, разделим их на три группы. К первой группе относятся летописи, истории, письменники, грамматики, хрестоматии и словари. Ко второй — произведения Дмитрия Ростовского, Симеона Полоцкого и Стефана Яворского, Фонвизина, Державина, басни Крылова. В самую значительную группу входят художественные произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, статьи Белинского и Чернышевского (а также литературные газеты и журналы). Со всеми этими произведениями мы встречаемся не только тогда, когда изучаем развитие историографии, поэтических жанров, судьбу сентиментализма, романтизма и реализма в одной балканской литературе, но и когда исследуем взаимные связи между этими литературами. Несомненно, например, связь русского Просвещения со всеми присущими балканскому Просвещению жанрами и памятниками: ода, басня, письменники, хрестоматии, грамматики, словари для широкого общения между людьми и т. д.

Изучая историю связей русской и балканских литератур, мы сталкиваемся с разными по своему значению и интересу явлениями. Здесь, например, и факты, иллюстрирующие появление балканских мотивов и образов в творчестве Карамзина, Вельтмана и Пушкина, и первые публикации в русской печати о балканских литературах и преподавании этих литератур в Московском, Петербургском, Казанском и других университетах, и восприятие творчества русских классиков в балканских

² Сведения о ранних распространителях русской книги в Румынии см. в статье: В. Ч о б а н у. Краткий исторический обзор румынско-русских литературных связей до объединения румынских княжеств. В сб. «Румынско-русские литературные связи». М., 1964.

странах, их воздействие на формирование поэтических и беллетристических жанров, на романтизм и реализм в балканских литературах. Одному из этих явлений — но весьма обширному и значительному — нам хотелось бы уделить особое внимание.

Из всех русских писателей первой половины XIX в. наиболее широкую известность в балканских странах получил Пушкин. Материал, относящийся к этому разделу пушкинистики, исследован в рамках русско-болгарских, русско-румынских и русско-югославских литературных связей. Нет еще, однако, ни одной попытки обобщения общебалканского характера. Проблема «Пушкин и балканские литературы» имеет по крайней мере три важных аспекта: осведомленность русского поэта в вопросах истории балканских народов, балканский цикл его стихов и — восприятие Пушкина балканскими литературами.

Находясь в Бессарабии в начале 20-х годов, Пушкин открывает новую действительность, новый мир революционных волнений. «Вечер провел у прелестной гречанки, — отмечает он в своем дневнике 2 апреля 1821 г. — Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек, все отчаивались в успехе предприятия э т е р и и. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла»³. Пушкина привлекают свободолюбивые устремления и революционная борьба балканских народов, он знакомится с бытом болгар, сербов, албанцев, румын и греков, населявших Бессарабию и принимавших участие в освободительном движении против ига Османской империи. Некоторые сведения об этих народах он находил еще раньше в исторических сочинениях, например в многотомной истории России Карамзина, которую в 1818 г. читал «с жадностью и волнением». Но то было пока лишь книжное знакомство с предметом. В Кишиневе же и в Одессе русский поэт становится очевидцем восстания этеристов и его разгрома, поддерживает прямые связи с некоторыми из его руководителей и участников, открывает для себя и для русской литературы румынский фольклор, обогащает свои представления о новой румынской литературе. Наконец, его привлекает многонациональная пестрота жизни в Бессарабии, более того: она становится для него источником поэтического вдохновения.

Вернувшись в Россию, Пушкин не перестает интересоваться судьбой балканских народов. По поводу Адрианопольского мира (1829 г.), в результате которого Греция получила независимость, Пушкин написал взволнованные романтические стихи (набросок стихотворения «Опять увенчаны мы славой»):

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермоплы.
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги.

И в 30-е годы Пушкин поддерживает связи со своими друзьями из Одессы и Бессарабии, время от времени возвращается к сюжетам, связанным с балканской проблематикой. В 1834 г. написан рассказ «Кирджали», герой которого, «родом болгар», упоминается еще в пушкинских стихотворениях 20-годов. Известно, что Пушкин следил за историографической

³ А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1936, стр. 392.

литературой и выписывал даты и факты истории болгар и других балканских народов.

Одним из ярких свидетельств повышенного интереса Пушкина к Балканам являются его занятия сербским фольклором. Кроме отдельных сборников Вука Караджича, поэт читает и рецензирует мистификационное издание Проспера Мериме «La Guzla, ou choix Poésies Myrétiques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine» (Париж, 1827) и, по всей вероятности, опубликованные А. Х. Востоковым сербские народные песни («Северные цветы», 1825); у него в библиотеке имеется словарь Вука Караджича и словари Антона Марко. Можно допустить, что он также знал и книгу «Древние и нынешние Болгары», которая вызвала в русской печати острую дискуссию. В кругах, близких Пушкину, много говорилось о Венелине, а сам Пушкин заступает за него перед Мих. Погодиным. Отметим также следующий факт: весной 1829 г. по призыву новороссийского генерал-губернатора в Одессе в Варну отправляется Виктор Григорьевич Тепляков, вместе с которым Пушкин жил в свое время несколько месяцев в Кишиневе. Вскоре после приезда Тепляков начал публиковать в «Литературной газете» свои «Письма из Болгарии». Пушкин читал эти великолепные письма, а в 1836 г. в журнале «Современник» напечатал свой отзыв на сборник стихов Теплякова «Фракийские сонеты».

Итак, в течение многих лет Пушкин испытывал живой интерес к жизни и историческим судьбам балканских народов. Особенно важно то, что приведенные здесь факты имеют отношение к нескольким художественным произведениям, образующим в творчестве Пушкина балканский цикл. Сюда следует отнести ряд лирических стихотворений, некоторые из Песен западных славян (частично — пушкинские переводы из Мериме и частично оригинальное творчество русского поэта), рассказ «Кирджали». Приятно отметить, что с балканской (по преимуществу греческой) темой связаны пушкинские строки, исполненные высокого романтико-героического пафоса. Приведем особенно яркий пример — из стихотворения 1821 г:

Гречанка верная! Не плачь — он пал героем,
Свинец врага в его воззился грудь,
Не плачь — не ты ль сама ему пред первым боем
Назначила кровавый чести нуть?

Подробный анализ «балканского» цикла в творчестве Пушкина не является нашей целью. Однако нельзя не обратить внимания на некоторые связанные с ним черты русско-балканских литературных отношений. В русской художественной литературе до середины XIX в. он представляет собой ядро произведений на балканские сюжеты. Ни один из русских писателей до Пушкина не интересовался так глубоко жизнью балканских народов. Благодаря этому параллельно с историографическими и публицистическими исследованиями его произведения намечают новую традицию, которую затем продолжают другие классики русской литературы, а именно — начало эстетического восприятия балканских народов. При этом важное значение имеют такие особенности пушкинских произведений на балканские темы, как актуальность сюжета, прогрессивный взгляд автора на историю, свежее романтическое чувство, героический пафос. Эта общая настроенность дает о себе знать и в письмах Пушкина. Вот что пишет он В. Л. Давыдову в марте 1821 г., откликаясь на события в Греции и Молдавии: «Странная картина! Два великих народа, давно павших в презрительное ничтожество, в одно время восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира».

Трехлетнее пребывание Пушкина в Бессарабии бесспорно является предпосылкой его ранней известности в румынской литературе. Как устанавливают исследователи румынско-русских литературных связей прошлого века, первые румынские переводы его стихов напечатаны в 1837 г. одновременно с первыми информацией о жизни, деятельности и значении русского поэта.

В 1840 г. в Россию приехал Людевит Гай — идеолог иллиризма в Хорватии. Среди русских книг, которые он увез с собой на родину, находились и сочинения Пушкина. Этим и отмечается начало его активного восприятия хорватской литературой, хотя еще раньше был напечатан очерк о жизни и творчестве Пушкина.

Обстоятельно прослеживая место и значение Пушкина в хорватской литературе, хорватский ученый Йосип Бадалич приходит к следующему выводу: «Читали Пушкина больше всего и внимательнее всего именно в период иллиризма. Насколько мне удалось установить, пользуясь различными источниками, а также отмечая следы влияния Пушкина на отдельных иллирцев, его читали почти все наши деятели Возрождения. Таково восторженного и углубленного интереса к этому поэту наша хорватская литература позднее не отмечает»⁴.

В сербской литературе особенно напряженный интерес к Пушкину приходится тоже на 30-е годы прошлого века и связан с восприятием русского поэта в Хорватии, потому что главные хорватские журналы читались в Сербии, а сербские распространялись в Хорватии. Программа иллиризма, выступления Вука Караджича, Ивана Мажураича, Ивана Кукулевича-Сакцинского и других деятелей эпохи создают ряд благоприятных предпосылок для регулярных связей между сербской и хорватской литературами, одновременно и восприятие русской литературы во многом является общим фактом их истории. Кстати, первое литературное упоминание о Пушкине в Сербии появилось в 1825 г. в журнале «Летопис Матице Србске», в котором помещены и другие, более обстоятельные статьи. Самая же подробная и компетентная статья напечатана в 1837 г. в журнале «Сербски народни лист», в котором на год раньше опубликован сербский перевод «Полтавы». Постепенно число переводов увеличивается, а такие поэты, как Негош, Илич, Змай, глубже знакомятся с поэзией Пушкина, что отражается в их творчестве⁵.

Своеобразен путь проникновения Пушкина в болгарскую литературу⁶. Здесь определяющее значение имеет знакомство с творчеством Пушкина тех болгарских писателей, которые учились и воспитывались в России⁷. Они читали и изучали произведения русского поэта в оригинале, декламировали их на своих собраниях.

⁴ И. Бадалич. Русские писатели в Югославии. М., 1966, стр. 75.

⁵ Подробности см.: П. А. Лавров. Пушкин и славяне. Одесса, 1900; И. Ягич. Пушкин в сербско-хорватской литературе. В сб. А. С. Пушкин в южнославянских литературах. СПб., 1891, ОРЯС, АН, т. XX, № 2.

⁶ О болгарских переводах произведений Пушкина и его роли в развитии болгарской возрожденческой литературы см.: И. Шипманов. Наченки на руското влияние в българската книжнина. «Български преглед», 1899, кн. IX—X; Б. Пенев. Литературни влияния върху П. Р. Славейковата поезия. Периодическо списание, XVIII, 1907, кн. XVII; С. Русакиев. П. Р. Славейков и руската литература. София, 1956; Н. Диеков. Музикант в България. В кн. «Писатели и творби», София, 1958; В. Велчев. Въздействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература ст. XIX в. София, 1958; С. Бабев. Петко Славейков. Живот и творчество. 1827—1870. София, 1968.

⁷ Отдельные сербские и хорватские писатели тоже познакомились с творчеством Пушкина, будучи студентами в России или Австрии. В цит. статье Йосип Бадалич сообщает, например, что Д. Деметр читал Пушкина еще студентом в Вене.

Процесс восприятия Пушкина румынской и всеми южнославянскими литературами, по линии перевода, начинается с конца 30-х годов (после его смерти) и связывается прежде всего с формированием поэтических жанров в этих литературах. Он протекает в следующей хронологической последовательности: первые переводы произведений Пушкина на сербском языке печатаются в 1836 г. (а первые статьи о нем — в 1825 г.); на румынском — в 1837 г. (о нем тоже в 1837 г.); на хорватском — в 1842 г. (о нем — 1837 г.); на словенском — в 1842 г. (о нем — 1842 г.); на болгарском — в 1852 г. (о нем — 1848 г.)⁸. Читают, переводят и оценивают его одни из самых видных писателей балканских стран. Например: Костаки Негруци и Александр Донич — в румынской литературе; Станко Враз, Людевит Гай, Мирко Богович, Август Харамбашич и другие — в хорватской и словенской литературах; Йован Йованович Змай, Петр Петрович Негош, Йован Илич — в сербской литературе; Петко Славейков, Райко Жинзифов, Михаил Греков, Любен Каравелов и Христо Ботев — в болгарской. На румынский и болгарский языки переводится рассказ «Кирджали», а на сербский, хорватский и болгарский — «Капитанская дочка». На все эти языки переводятся и многие другие произведения.

Если учесть количество переведенных произведений Пушкина, содержание критических статей о нем и воздействие, оказанное русским поэтом на балканские литературы, то станет ясно, сколь велика была его популярность в балканских странах. Творчество Пушкина воспринимается в наиболее полном объеме хорватской литературой, что объясняется и расцветом в ней иллирийского движения; потом — сербской, болгарской, румынской, словенской и, по всей вероятности, албанской и греческой. Основные формы восприятия следующие: знакомство с Пушкиным посредством оригинальных изданий его сочинений, а также переводов — скорее свободных, чем точных; имитации и вольные переделки его стихов в тех случаях, когда их идея или сюжет используется для создания новых произведений; использование отдельных стихов в качестве эпиграфов к разным произведениям. Важной формой знакомства с Пушкиным являются и критические статьи о нем. Обычно в них сообщаются характерные обстоятельства из его жизни. Буквально все статьи подчеркивают то значение, которое Пушкин имеет в истории русской литературы; отмечается и близость его эстетического идеала балканским литературам. В этой связи уместно вспомнить слова хорватского поэта И. Трынского, который писал о Пушкине следующее:

Его родной и нашему созвучный голос
Сблизил нас с народом⁹.

Сравни с этими словами следующие стихи П. Славейкова:

Он не был брат мой,
По музе только мне знаком,
Но милее брата был он мне.

Поэты Румынии и южнославянских стран «встречаются» с Пушкиным в самом начале их творческого пути, что в ряде случаев совпадает с начальным этапом формирования поэтических жанров новых балканских литератур. И вполне естественно, что, воспринимая Пушкина, они обогащают свой опыт и художественную культуру, совершенствуют вкус к поэтическому, образному языку и с большей уверенностью отстаивают свой эсте-

⁸ Еще не систематизированы данные о переводах произведений Пушкина на греческий и албанский языки, но нет сомнения, что его творчество было известно греческим и албанским поэтам.

⁹ Цит. по упомянутой книге Й. Бадалича.

тические позиции. Не потому ли для Петко Славейкова Пушкин «милее брата», а И. Трынский оценивает «его родной голос» как «созвучный нашему», т. е. родному хорватскому голосу? Не потому ли Станко Враз, читая Пушкина, заявляет: «Вот так надо писать!»?

Во всем этом убеждает нас и отношение как к переведенным, так и к использованным произведениям Пушкина. Здесь возможны всякого рода переосмысления образов, созданных Пушкиным. Например, в румынской и болгарской «редакции» рассказ «Кирджали» воспринимается как героико-романтическое произведение; Каравелов печатает его в газете «Независимость» (орган революционно-демократического движения) с целью укрепить и ободрить национальное самосознание болгар. Значительная часть произведений Пушкина, известных южнославянским поэтам того времени, связана с колоритными и волевыми образами в их творчестве (Горски вјенец Негоша), с революционно-патриотической лирикой Славейкова, Ботева, Змая, Вряза и других, с их поисками новых поэтических форм. Именно в этом направлении развивались традиции Пушкина в румынской и южнославянских литературах.

Воспринимаемое в условиях национально-освободительного движения, творчество Пушкина оказывается созвучным романтическим и реалистическим тенденциям южнославянских литератур после 60-х годов XIX в. В этом заключается другая особенность его влияния. С пушкинской традицией, например, можно связать сатирические мотивы в стихах Ботева. В качестве эпиграфа к стихотворной сатире «Гергьовден» он берет стихи кишиневского периода Пушкина. Некоторые стихи русского поэта по своему настроению и основной мысли близки песням Ботева «Борба», «Делба», «До моего първо либе»:

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белесет гора,
Туда, где синее море края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!

Петко Славейков переводит Пушкина, Языкова, Тютчева, Лермонтова и в плане своих героико-романтических поэм отмечает: «В одной из поэм описание должно быть как описание степей в „Тарасе Бульбе“ Гоголя». В то же время он переводит седьмую главу «Мертвых душ», приобщаясь к новым истинам, высказанным русской литературой. Усваивая художественный опыт Пушкина и Гоголя, создатель новоболгарской поэзии более определенно ориентируется на актуально-патриотические сюжеты в истории своего народа, на острые социальные вопросы и контрастные социальные явления в его жизни.

Восприятие реалистических традиций русской литературы гоголевского направления сосуществует с пушкинской традицией, в частности с традицией Пушкина-романтика, что косвенно подтверждает уже общепринятую констатацию о параллельности развития романтизма и реализма в южнославянских литературах, а также и в румынской. В 1874 г. на румынской сцене идет спектакль «Ревизор», в своей статье «Французская и русская комедия» Михаил Эминеску делает акцент на критику и реалистическое изобличение социального уродства в комедии Гоголя¹⁰. Двадцатью годами раньше в болгарском журнале «Периодическо списание» был напечатан «Тарас Бульба» вместе с компетентной статьей Нешо Бончева о русской и западноевропейской классических литературах. Интерес к Гоголю в 60—70-х годах в Сербии, когда на сербском языке выходят «Мерт-

¹⁰ T. Nicalescu. Opera lui Gogoli în România. București, 1959.

вые души», «Ревизор» и «Тарас Бульба», ни в коей мере не отвлекает внимания от Пушкина.

В хорватской литературе в этом вопросе наблюдается нечто другое. В ней первые сведения о Гоголе появляются в тот же период и даже раньше, чем в других литературах, а именно: «Илирске народне новине» — 1838 г., «Даница илирска» — 1840 г., «Коло» — 1842 г. Переводы: «Тарас Бульба» выходит в 1855 г., «Мертвые души» — в 1865 г., «Ревизор» — в 1868—1869 гг. Однако воздействие на хорватскую литературу Гоголя по сравнению с его влиянием на другие литературы слабее. Тем не менее вряд ли можно согласиться с мнением Йосипа Бадалича, что «связь наших (хорватских. — *И. К.*) писателей с отживающим русским романтизмом имела печальные последствия. Она отсрочила, а пожалуй, и совсем обрекла на неуспех своевременное оплодотворение нашей литературной и общественно-политической мысли зрелыми плодами русского политического и литературного реализма»¹¹. Не имеется ли здесь в виду, что если бы Пушкин и русские романтики не переводились так много на хорватский язык, то связь хорватской литературы с яркими произведениями русского реализма была бы более своевременной и плодотворной? Вопрос этот весьма существен, и невозможно его решить только в свете литературных взаимоотношений. Это большой разговор не столько о влиянии Пушкина и русского романтизма в целом, сколько о многообразии перехода к новому этапу в истории балканских литератур и русско-балканских литературных взаимодействий.

Из всего сказанного в этой статье можно сделать некоторые выводы. Русская литература находится в творческом взаимодействии с большей частью балканских литератур на важнейших этапах их новой истории. Положительные последствия этого воздействия видны уже в первых произведениях балканских писателей периода Просвещения, а затем — в эволюции поэтических жанров. Проходя через сравнительно сходные этапы развития, румынские и южнославянские литературы вступают во взаимодействие одновременно как между собой, так и с русской литературой. И по этой причине русско-балканские литературные взаимодействия во многом переплетаются с болгаро-балканскими или общебалканскими. Выяснение одних требует подробных исследований других. Такая постановка проблемы зональных и межзональных литературных взаимодействий является; на мой взгляд, условием для всестороннего изучения межнационального литературного общения как основной закономерности мирового литературного процесса. Она дает возможность пролить дополнительный свет и на вопрос о национально-специфическом в литературном процессе, которое укрепляется и процветает в атмосфере творческого взаимодействия национальных литератур.

По своей идейно-эстетической природе влияние русской литературы коренным образом отличается от влияния других литератур в системе рассматриваемых нами отношений. Оно обогащает национальные традиции балканских литератур, приобретает значение одного из тех факторов, которые обуславливают формирование упомянутых литератур и активно помогают их дальнейшему развитию.

Русско-балканские литературные связи в эстетическом отношении представляют наиболее существенное звено в системе русско-балканских взаимодействий означенного периода. Они способствуют духовному сближению России с Балканами и Балкан с Россией.

¹¹ И. Бадалич. Там же, стр. 55.

В. МОЧАЛОВА

«ПОХОЖДЕНИЯ МАЦЕКА» ЯНУАРИУСА СОВИЗРАЛИУСА КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОВИЗЖАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVI век, называемый историками польской культуры «золотым», век значительных социальных, культурных и экономических изменений в стране, ознаменовался приходом в литературу группы писателей, сыгравших в ней заметную роль. Первые их шаги были связаны с серьезной и чрезвычайно важной для Польши того времени переводческой деятельностью. Ян из Кошичек, Бернат из Люблина, Леонард из Бончи и другие не только ввели в польскую литературу некоторые известнейшие произведения европейского средневековья, но и решительным образом повлияли на становление и развитие польского литературного языка.

К середине XVI в. начинает активно развиваться и оригинальное творчество этих авторов, представлявших демократическое, часто антишляхетское, оппозиционное по отношению к официальному направлению в польской литературе. В его русле были созданы сатирически-пародийные, бурлескно-буффонадные произведения, тогда же получившие суммарное название «совизжальская» литература (от Совизжал — калька имени героя пемецких народных книг Уленшпигеля). В настоящее время термин «совизжальская» принят в польском литературоведении как наиболее соответствующий понятию¹, и потому целесообразно пользоваться им в настоящей работе во избежание терминологических расхождений.

Дошедшие до нас стихотворные, драматургические и прозаические произведения совизжалов составляют одну из ярчайших страниц старопольской литературы. Тесно связанные с фольклорным творчеством, с народной юмористической традицией, демократические по своему идейному заряду и тематике, эти произведения интересны сейчас не только как исторические документы, каковыми их иногда считают, но и как художественные памятники бурной эпохи в развитии польской культуры.

Проза, пожалуй, менее представлена в творчестве совизжалов по сравнению с другими литературными видами: ярче всего совизжалы проявили себя в области драматургии и стихотворных жанров. Однако единственное крупное прозаическое произведение — «Похождения Мацека»², принадлежащее перу одного из наиболее одаренных совизжальских авторов — Януариуса Совизралиуса, представляет собой незаурядное явление польской прозы.

¹ S. G r z e s z c z u k. *Włazeńskie zwierciadło. Rzecz o humorystyce sowizralskiej*. Kraków, 1970.

² «Peregrynacja Maćkowa», 1 wyd. — Kraków, 1612; 2 wyd. — 1614; 3 wyd. — 1616, совместно с «Peregrynacja dziadowska». Здесь цитируется по изданию: «Polska komedia ryhałtowska», opr. K. Badecki, Lwów, 1931, s. 215—231.

Нарративные, повествовательные формы, стержнем которых являлись бы перипетии личности (но при этом не в апокрифическом плане), предполагают уже достаточную эмансипацию светского элемента. Это особенно важно для литератур, не имеющих традиций героического эпоса, к которым относится, в частности, и польская литература. Весь XVI век в этой связи отмечен в польской литературе пассивным восприятием прозаических художественных произведений европейского средневековья. Это обстоятельство уже учтено в польском литературоведении: «То, что прежде всего бросается в глаза историку нашего старого романа, — это его средневековость. За небольшим исключением это были переводы из сокровищницы популярной средневековой беллетристики... Это были переводы, в которых индивидуальность переводчика проявлялась лишь изредка, находя свое выражение в компиляторских вставках, интерполяциях или, в лучшем случае, в контаминациях, а не в свободной обработке унаследованного литературного материала»³.

На этом фоне «Похождения Мацека» сразу выделяются как единственный оригинальный польский шутовской роман. Именно так рассматривал его один из первых историков польской литературы П. Хмельевский: «Произведение... отечественное, без всяких чуждых налетов, влияний»⁴. Правда, уже А. Брюкнер высказывал сомнения в абсолютной оригинальности «Похождений». В целом это произведение было отмечено в польской критике на протяжении полутора последних веков немногочисленными и при этом крайне противоречивыми оценками. Для иллюстрации можно привести слова Юшинского: «Это самая вульгарная писанина на испорченном мазурском диалекте»⁵ — и Крашевского: «„Похождения“ построены на таком невероятном переворачивании всего вверх ногами, что едва можно различить какой-то облик вещей»⁶. Подобного рода оценки, безусловно, недостаточны. Необходимость анализа «Похождений» ощутил Ю. Кшижановский, который посвятил им отдельный очерк, написанный в Лондоне в 1929 г.⁷ Основной пафос этой работы составляет попытка поместить «Похождения» в общий контекст совизжальской литературы и, что еще более существенно для автора, стремление рассмотреть его в связи с подобного рода произведениями литератур европейских. Автор уделяет внимание и вопросу стиля «Похождений», прежде всего анализу бродячих мотивов в составе данного произведения.

По мнению Кшижановского, в совизжальскую литературу «Похождения Мацека» входят вполне органично (напомним при этом, что они являются единственным крупным прозаическим произведением у совизжалов). Об этом свидетельствует и характерное для совизжальских авторов название — «Peregrynacja», и имя автора — Januarius Sowizralius, и топографическая локализация походов героя — квадрат между Карпатами, Вислой, Дунайцем и Саной, типичный для совизжальских походов вообще, и лексика — стилизация мазурского диалекта.

Сам по себе конструктивный мотив — путешествие лентяя и «дурака», оканчивающееся возвращением домой, тоже характерен для совизжальских произведений: он присутствует, например, и в цикле драматических произведений с фигурой Альбертуса в центре, и в многочисленных диало-

³ J. Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*. Warszawa, 1962, s. 263.

⁴ P. Chmielowski. *Historia literatury polskiej*. Lwów, 1931.

⁵ H. Juszyński. *Dykcyonarz poetów polskich*. Kraków, 1820, s. 442.

⁶ J. I. Kraszewski. *Wędrówki literackie, fantastyczne i historyczne*. Wilno, 1839, s. 67.

⁷ J. Krzyżanowski. *Peregrynacja Maćkowa. Szkic z dziejów romansu staropolskiego*. In: «Paralele. Studia porównawcze z pogranicza literatury i folkloru», Warszawa, 1961.

гах о поездках Матиаса на войну, и в «Правдивой поездке Бартоша, одного мазура, в Литву». Подобная конструкция не принадлежит к совизжальским изобретениям, она характерна вообще для травестаий евангельской притчи о блудном сыне (Евангелие от Луки, гл. 15). Для разработки данного сюжета характерны, в числе прочих, следующие моменты: таинственность побега из дома, муки скитания, радость родителей по возвращении беглеца и последующая мораль. Внимательно изучая связь «Похождений Мацека» с произведениями аналогичного жанра в европейских литературах, Кшижановский убедительно развеивает миф о исключительно оригинальном происхождении этого небольшого романа. Наличие в «Похождениях» целого ряда мотивов, распространенных в немецких народных и полународных *Lügendichtungen*⁸, позволяет говорить об оригинальности этого произведения лишь в определенном смысле этого слова. Достоинства «Похождения Мацека», их ценность и значение для польской литературы, а также определенную оригинальность следует искать в свободном оперировании с заимствуемым материалом, в привнесении национального духа и колорита, в достижении мастерски изящного соответствия формы содержанию, о чем речь пойдет дальше.

Среди немецких комическо-фантастических «лживых историй», по мнению Кшижановского, «Похождения Мацека» наиболее близки анонимная «История и легенда о прекрасном и далеко странствующем рыцаре, господине Поликарпе...»⁹, пародирующая рыцарские романы и романы путешествий, и произведение Б. Крюгера «Действительные истории Ганса Клаверта»¹⁰, поскольку использованные в них в качестве элементов фабулы разного рода небылицы, нелепости и абсурд отчетливо перекликаются с аналогичными моментами в произведении Януариуса Совизралиуса.

Следует сказать несколько слов о структуре «Похождения». Они состоят из некоего количества анекдотических сюжетов, более или менее искусно вплетенных в общее целое и объединенных только личностью героя, который или участвует в них, или просто наблюдает. Подобная структура свойственна европейским шутовским, плутовским и приключенческим романам как средних веков, так и последующего периода вплоть до XVII в. включительно. Распространенные в европейском средневековье фábлы, шпрухи, фацеции, ехеmрlа нанизывались на общий стержень — личность героя — и начинали свое новое существование в виде романических синтезов.

Жанр фацеций был чрезвычайно популярен в Польше — и в средние века, и в век Ренессанса. Достаточно вспомнить анекдоты Корыбута Коширского и Стая Гонски (знаменитого Станчика), издания известной Бабиньской Республики, «Апофтегматы» и «Фрашки» Кохановского (бесспорно повлиявшие на творчество совизжалов) или «Фиглики» и «Зеркало» Рея, чтобы почувствовать, насколько культурная атмосфера того времени благоприятствовала развитию этого малого жанра. В частности, он стал одним из излюбленнейших жанров совизжальской литературы: плебейские авторы выдумывали, собирали и издавали стихотворные и прозаические фацеции, корреспондировавшие с их творчеством в других жанрах. Поэтому неудивительно, что и «Похождения Мацека» возникли как цепочка более или менее распространенных фацеций, объединенных единым героем.

⁸ Буквально: лживые истории. См. G. Müller-Fraureuth. Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen. Halle, 1881.

⁹ «History und Legend von dem treffenlichen und weiterfarnen Ritter, Herrn Polikarpen von Kirrlarissa genant der Finken Ritter». Strasburg, 1560.

¹⁰ См. G. Müller-Fraureuth. Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen. Halle, 1881, S. 68—69.

На примере «Похождений Мацека» можно проследить и одну очень существенную особенность совизжаловской идеологии, которая необходима для последующего анализа стилистики произведения. Дело в том, что творчество совизжалов часто рассматривают как тотальную пародию, как выворачивание наизнанку всех ценностей и порядков современного им общества. Это, безусловно, верно, но лишь наполовину, если тут вообще возможны количественные характеристики. Верно потому, что плебейские авторы подвергают насмешливой критике практически все, с чем сталкиваются в своем социальном бытии: сознательно снижают и заземляют господствующие в официальной культуре эталоны возвышенного, коверкают каноны; с позиций глубинного народного рассудка переоценивают общественное и государственное устройство; ученой книжной мудрости противопоставляют плебейский здравый смысл и т. п. Но все это как будто чисто негативная деятельность — и совизжаловских авторов, действительно, часто обвиняют в отсутствии позитивной программы, которая нигде в их творчестве не сформулирована. Более того, у совизжалов нет и положительного героя: его функцию, как это часто бывает в сатирическом и народном творчестве, выполняет смех. Однако позитивную программу совизжалов все-таки можно понять из контекста всего их творчества — и она станет второй половиной правды, — программа эта сказочно-утопичная.

Не принимая установленного миропорядка, отвергая его институты, совизжалы в противовес ему выдвигают свою модель мира, совершенного общества, хотя и юмористически окрашенную. Справедливое социальное устройство видят они лишь в стране «молочных рек и кисельных берегов», т. е. понимают очень материально: сытое, материально благоустроенное и безбедное существование. Впервые эта картина «ячменного мира» появляется на страницах «Похождений Мацека».

Итак, обе характерные для совизжаловского творчества тенденции — пародирующая и утопическая — синтезируются, а скорее, перекрещиваются в произведении Совизралиуса. Даже сюжетообразующие нелепицы, построенные на одном и том же приеме, функционально различны: или служат пародированию реальных отношений, или создают фантастическую, нереальную картину.

Так, например, в эпизоде с доктором, который лечит Мацека, явно пародируется и рецептурность, и система лечения, и сама фигура лекаря, который наряду с аптекарем, купцом и злой бабой был популярнейшим персонажем анекдотов, ярмарочных диалогов и фарсов. Методы его лечения более чем сомнительны: он дает Мацеку и кусок пасхальной радости в скорлупке, и состав из хрена, редиски, лука и сыворотки, и зубы кабана, зажаренные в масле старой мотыги, и т. п.

Пародийно окрашен и использованный в «Похождениях» старый мотив, уходящий корнями в античность, о соре клеща с соловьем и последующей войне бабочек и шершени. Подобными «войнами» (мышей и лягушек и т. д.) богата средневековая рекреационная литература, в них как бы дается смеховой дублет серьезных и разорительных войн, которых немало было в жизни средневековой Европы.

Совсем иной характер носят фрагменты, изображающие путешествие Мацека по «ячменному миру». История с волком, из которой Мацек хитроумно выпутался, прямо напоминает нам и аналогичное происшествие с Гансом Клавертом, и похождения барона Мюнхаузена. Мюнхаузен мог, взяв лису за хвост, вывернуть ее наизнанку, а Мацек, сидя в бочке, на которой разместился волк и опустил в отверстие для пробки хвост, хватая волка за этот хвост, заставляя, таким образом, обезумевшего от страха зверя везти себя по лесу.

Стада колбас, гуляющие по полям, жареные птенцы в гнезде — все это призвано создать утопически прекрасную картину мира, картину обретенного рая. Кстати, для того чтобы добраться до этого рая, Мацеку пришлось пройти «чистилище» — переплыть через море экскрементов, и это очень примечательный мотив, который отмечает Кшижановский и в немецкой и в английской мещанской литературе.

Переходя к анализу художественных средств, приемов и языка произведения, следует постоянно иметь в виду эту двойственность совизжальского сознания, основанную на сочетании несочетаемого — пародии с утопией.

Прежде всего нас будет интересовать соотношение чисто формальных категорий с категориями содержания в произведении. Начнем с образа героя. Мацек как личность, персонаж — вовсе не хитроумный Ласарильо из Торреса, который умеет всех обвести вокруг пальца, обмануть и перехитрить. «Похождения» — отнюдь не плутовской роман, плутня в нем не является сюжетообразующей, она, как в случае с волком, скорее случайна. Мацек никого не водит за нос, никого не обманывает, он не лукавец, а Иванушка-дурачок, фигура шутовская, распространенная в карнавальном мире. Шут всегда вне законов и категорий — и на карнавале, и при дворе; Мацек — тоже, как бродяга, странник, и это положение вне общества, вне социальной кондиции сразу создает нужный угол зрения — шутовской. Формальное соответствие этому достигается при помощи безобидного приема — стилизации мазурского диалекта. Сатирическая литература, высмеивающая «слепых мазуров», создала достаточную почву для возникновения у старопольского читателя немедленной ассоциации: раз Мацек мазур, значит он и простофиля, и дурак. Этот же прием использовался совизжалами неоднократно, в частности в упомянутом уже произведении «Правдивая поездка Бартоша, одного мазура, в Литву». Стилизация мазурского диалекта, однако, функционально неоднородна — помимо характеристики главного героя она создает и дополнительный комический эффект на лексическом уровне.

Попробуем рассмотреть некоторые специфические особенности совизжальской поэтики именно на уровне языка и тропов произведения. Станислав Гжещук в своем труде о совизжальской ономастике называет ее «поэтикой мира навыворот», «поэтикой ставшего реальным абсурда»¹¹.

«Похождения» монологичны по форме, они представляют собой рассказ от первого лица — от лица героя Мацека, в восприятии и описаниях которого мир предстает перевернутым с ног на голову, не адекватным реальности. Поэтическое выражение подобного мировосприятия встречается у Франсуа Вийона, о близости к которому совизжальских авторов иногда говорится в польской критике:

От жажды умираю над ручьем.
 Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
 Куда бы ни пошел, везде мой дом,
 Чужбина мне — страна моя родная.
 Я знаю все, я ничего не знаю.
 Мне из людей всего понятней тот,
 Кто лебедицу вороном зовет.
 Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
 Нагой, как червь, пышной я всех господ.
 Я всеми признан, изгнан отовсюду...

Перевод И. Эрэнбурга

¹¹ S. Grzeszczuk. Nazewnictwo sowizrzalskie. Zeszyty Naukowe UJ, 124. Prace Historyczno-Literackie, z. 9, Kraków, 1966, s. 21.

Пафос этого стихотворения очень близок духу и атмосфере «Похождений», его можно было бы поставить эпиграфом к ним. В художественной ткани произведения, как и у Вийона, часто употребляется алогизм как стилистический прием, т. е. умышленное нарушение логических связей с целью подчеркнуть внутреннее комическое противоречие данного положения.

Так, например, уже на второй день путешествия Мадек встречает четырех попутчиков: слепого, хромого, глухого и голого, — и между ними происходит следующий разговор: «A wtym rzekł do mnie głuchy...: Panie, coś tu szeleści po tej chrześlinie niedaleko nas, a słychałem, że tu na tej puszczy są zbojcy. Potym rzekł ślepy: Panie mój, i mnie sie cośi mignęło przed oczyma. Alić nagi pocznie mówić: A niestocież, by nas nie odarto. Wtym chromy krzyknął: Uciekajmy — i tak, porwawszy sie wszyscy, uciekli ode mnie...»¹² Как видно по этому отрывку, возникающий контраст спокойного, очень простого и неприукрашенного повествования с нереальностью, абсурдом, алогизмами является источником дополнительного комического эффекта.

Примером комического алогизма может послужить и описание еще одного приключения Мацека, создающее чисто фантастический, «волшебный» эффект: «...Udałem się wplaw przez wysoką górę, którą ledwie przeplynałem, bo fala pocięła była powstawac, która mię nie pomału utłukła po borowych syskach».

Подобные алогизмы можно встретить почти на каждой странице «Похождений», некоторые из них довольно поэтичны, как, например, королевский замок, построенный из белых, черных, красных и синих облаков, и др. Нам важно здесь отметить, что алогизм как стилистический прием отображает подразумеваемую алогичность, нереальность действительных соотношений в мире. В русском фольклоре примером такого алогизма могут служить конструкции вроде «Ехала деревня мимо мужика...».

Несколько иной, хотя и близкий алогизму прием, — оксиморон, очень характерен для совизраляского творчества. Он заключается в соединении контрастных, противоречащих друг другу слов, фраз, целых выражений и оборотов в одно целое. Так, например, конкретизируя «красоту» своего попутчика, Мадек достигает обратного эффекта, фактически давая описание его уродства: «piękny jak wciornascy djabli; twarz miał prawie ślachecka, gładka, jak broskwiniowa kostka... osy każde osobno, brwi jak dwie garści zgzebi, nos jako wołowy róg, wąs jak kobyli ogon, broda sie mu też juz syrała, aze mu wisiała na dół jak torba...» Оксиморон в «Похождениях» встречается чрезвычайно часто, становясь одной из ведущих стилистических особенностей: «Bom był uziąbł uciekając, az kosula była na mnie mokra»; «toć mi tam dusno byo, aze żab zębu nie dolatował»; «trafiła sie nam piękna równina, z góry na górę, zechmy mało syje nie połamali» и т. п. Такое соединение противоречивых понятий в одно свойственно определенной логике обратности, господствующей на карнавале, где конструировалась модель мира наизнанку, мира наоборот, что отмечает в своем исследовании европейской народной смеховой культуры М. М. Бахтин¹³. Интересно, что П. Г. Богатырев говорит об этом приеме в связи с русскими балаганскими действиями, раешниками, и приводит достаточное количество примеров, позволяющих сделать вывод об определенной общности некоторых элементов поэтики народного бурлескно-буффонадного творчества вообще.

Очень наглядно выступает оксиморон в количественных характеристиках, даваемых Мацеком самым различным предметам и явлениям. Так, в первый же день путешествия «idąc tedy barzo chutko, usedech tego dnia

¹² Здесь и далее цитируется по изданию: «Polska Komedia Rybałowska», opr. K. Badecki, Lwów, 1931.

¹³ М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965.

mao nie poutory mile, jazem sie zmordowau». Временные характеристики тоже смещаются: «noc zachodziła, ledwie byo do wieczora zseść godzin». Пан староста, встреченный Мацеком, был «młodziesiaki, nie miał nic na gębie, choć już miał lat do osmdziesiąt», а привратник у замка «maż siwy i wielki, na piędz od ziemie, a broda na łokieć». После приема у короля гости проснулись «barzo rano, półgodziny przed południem». Количество определяется Мацеком иногда и совсем неожиданно, и механизм комики заложен именно в этой неожиданности: дохлый волк, например, растянулся на дороге «jako półtora niesczęścia». Встречается и полное неразличение количеств (в данном случае — временного отрезка), своеобразное безразличие к точности и определенности этого мира, выдающее сомнение в его разумном устройстве: «było do wieczora godzina, abo ośm».

Однако количественное равновесие и соответствие все же соблюдено однажды, как своеобразная пропорция страданий и вознаграждения — идея чрезвычайно приятная для совизжалов, иногда в глубине души «похваляющихся крестом мук своих». Речь идет о соотношении длительности скитаний незадачливого Мацека (7 дней — сакральное число) и продолжительности отдыха по возвращении — «целую неделю спал на печи»: Он спит на теплой печке — т. е. занимается самым приятным и завидным делом на свете в системе совизжаловских ценностей — не год, и не 300 дней, и не 77 недель, а ровно столько по времени, сколько ему пришлось «страдать». Это и честно и справедливо, и всякому видно, что совизжалам «чужого не надо», они лояльны по отношению к жизни, судьбе и обществу, и хотя лишь справедливости, которую, увы, не всегда находят.

Встречается в «Похождениях» и прием, стилистически связанный с оксимороном — метатеза. Метатезу можно считать частным случаем оксиморона, они и выступают часто вместе. Метатеза основана на соединении в одном слове таких слогов, которые, во-первых, несовместимы, а во-вторых, принципиально изменяют первоначальное значение исходного слова. Этим приемом достигается эффект комизма и одновременно с этим иллюстрируется народная, совизжаловская этимология общеупотребительных, но «высоких» слов. Разумеется, при этом происходит снижение, профанация лексики высокого стиля, очень характерные для народной смеховой, ярмарочной, балаганной, карнавальная стилистики. Вот наиболее яркие примеры из «Пождений Мацека»: «ran blujmister», «jakisi półgrabia», «z panem blujgrabie», «mój tez towarzysz ukazał drzyst od rzcipospolitej».

Можно отметить в тексте и целый ряд так называемых народных метатез, типа русских «канцерялия», «леригиозный» и т. п. Это как бы оговорки героя, проистекающие из его неотесанности и необразованности и призванные усилить комизм его речи. Это употребление слова «dowtor» вместо «doktor» (ср. в диалоге «Солтыс с Клириком» — «panie koktorze»), «mendycyna» вместо «medycyna», «mendacja» вместо «dokumentacja». Прием этот распространен во многих совизжаловских произведениях (ср., например, «tkogu» вместо «ktory» в «Правдивой поездке Бартоша») и не только в прозаических (во фразках, например, «kwiczelnik» вместо «czytelnik» и др.).

П. Г. Богатырев отмечает метатезу и у чешских народных кукольников («štípi dřívát» — дровить рубя)¹⁴, что еще раз свидетельствует об общности некоторых приемов в разных литературах.

Для различных форм народной смеховой культуры очень характерны гротескные преувеличения, гиперболы. Эта особенность помогает создать комически деформированную картину мира, тотально противопоставлен-

¹⁴ П. Г. Б о г а т ы р е в. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 461.

ную картину реальной; эта особенность, говоря словами М. М. Бахтина, свидетельствует о наличии особой эстетической концепции бытия в низовой, народной культуре.

Вот несколько примеров: в первую ночь своего путешествия Мацек просыпается от того, что «ano mię pluskwy kąsają i wsy z onego kozucha objadły mi boki, ledwiem zyw został»; у отца героя был топор, настолько большой, что «tu go trzej chłopi nie mogli w karcmie złamać»; король на приеме, улыбаясь «wysyczył ząbki, jako gdańskie organy na kości!».

При этом надо отметить, что гиперболы встречаются значительно чаще, чем литоты. Психологически это очень понятно в творческом методе совизжалов: события их реальной жизни мелки и незначительны, и при деформации в художественном произведении нуждаются скорее в преувеличении, чем в преуменьшении.

Язык «Похождений» не только разговорен, близок к простонародной речи, но нередко включает в себя чисто площадные выражения, ругательства и божбу, которые, по мнению М. М. Бахтина, непременно присутствовали в карнавальном лексиконе и были унаследованы плебейской смеховой литературой. Норм словесного этикета, пристойности для автора «Приключений» как бы вовсе не существует. Стремясь к эмоциональной, экспрессивной выразительности речи героя, он не останавливается перед употреблением таких, например, выражений, как: «осу w dupie miał», «psewoziłem sie psez gówniane morze, aze na usrany świat» и т. п. В этих же целях в произведении часто встречается и эвфемизированное проклятие (дьявол выступает под именем Walanty)¹⁵: «bogdaj ją Walanty popadł», «dajże go Walantemu», «jakoby ją Walanty trząśł» и т. п.

Случаи пародийно-бурлескного словоупотребления тоже нередки в «Похождениях». Иногда, например, простейшие, низменно-бытовые действия описываются возвышенным стилем, причем комизм подобного словоупотребления достигается путем прибавления латинских облагораживающих окончаний к соответствующим польским словам. Таким образом, одновременно пародируется и школьная латынь недоучки-клирика: «Wziąwszy w ręce widłatus, to ja z obory ten gnojatus na wozatus».

Как уже видно из этого краткого анализа некоторых приемов, используемых Януариусом Совизралиусом при написании «Похождений Мацека», комизм — основной пафос этого произведения. Смеховое начало подчиняет себе, включает в себя все остальные составляющие, как в плане языковом, стилистическом, так и в плане сюжетном и идейном. «Похождения» призваны прежде всего рассмешить читателя, позабавить его. Смех как организующее начало вообще присущ произведениям, основанным на внеофициальном, карнавальном мироощущении. Очевиден часто утопический характер этого смеха, однако, вслед за Бахтиным, следует отметить и его универсальность. На примере «Похождений Мацека», может быть, это видно яснее, чем в некоторых других произведениях совизжаловской литературы, где «смех, присущий народной культуре средневековья и Ренессанса, просачивается уже тонкой струйкой»¹⁶. Здесь же не только окружающее и окружающие суть объекты художественной деформации и осмеяния, но и сам герой «Похождений», незадачливый и придурковатый Мацек — фигура смехотворная, включенная в смеховой круг, а не исключенная из него. Стороннего наблюдателя, сохраняющего дистанцию по отношению к происходящему и серьезность, в произведении нет.

¹⁵ Эта форма произошла от титула сатаны — «Jonker Volland» (ср. с Воландом в «Мастере и Маргарите» у М. А. Булгакова).

¹⁶ M. R a w i Ń s k i. Słowo o Jakubie Szeli Brunona Jasieńskiego wobec folkloru. «Pamiętnik Literacki», LXII, 1971, z. 1, s. 81—118.

Создавая картину причудливо деформированного мира, мира наизнанку, наоборот, Совизжалиус одновременно и пародирует мир реальный, его пиршества и войны, его чины и должности, его пропорции и порядки — и все это находит отражение и на языковом уровне произведения. Все смещается, сдвигаются формы и размеры, переворачивается логика событий, их последовательность и причинно-следственные связи.

Рассматривая язык произведения, употребляемые автором стилистические приемы, мы уже достаточно четко можем себе представить хотя бы общую направленность поэтики совизжалльской литературы, перекликающейся и с поэтикой русских «вертепных действ» и с карнавальным миром европейского средневековья.

Нам важно было указать на сложность художественной ткани «Похождений», произвести анализ некоторых наиболее распространенных стилистических приемов и особенностей, свойственных в той или иной степени всей совизжалльской литературе вообще, и наметить некоторые линии связи формы произведения с его содержанием. Оправданность выбора именно этого произведения заключается в том, что, на наш взгляд, «Приключения Мадека» могут рассматриваться как одно из наиболее совершенных и цельных в художественном отношении произведений во всем комплексе совизжалльской литературы.

Т. Н. МОЛОШНАЯ

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ АППОЗИТИВНОГО ТИПА В РУССКОМ, БОЛГАРСКОМ, ПОЛЬСКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются словосочетания, состоящие из двух существительных, соединенных с помощью так называемой аппозитивной синтаксической связи, и сложные слова, состоящие из основ двух существительных без соединительной морфемы¹.

Аппозицией обычно называют подчинительную связь, осуществляющуюся путем согласования определяемого и определяющего существительных в падеже и числе (*девушка-партизанка, завод-автомат, осетин-извозчик, река Москва, император Наполеон* и др.).

От словосочетаний аппозитивного типа следует отличать сочетания двух существительных со связью именного примыкания, где нет согласования ни в числе, ни в падеже (точнее, такое согласование не обязательно). Имеются в виду словосочетания с именами собственными — названиями газет, журналов, научных и литературных произведений, организаций, предприятий, станций, пароходов и вообще со всякими собственно названиями, пишущимися обычно (но не обязательно) в кавычках. Определяющее существительное в них остается в форме именительного падежа независимо от падежной формы определяемого; число определяющего также не зависит от числа определяемого. Например: *Он работает на фабрике «Красный Октябрь»*; *Мы описываем связь «аппозиция»*². Именное примыкание имеет место также в сочетаниях существительного с так называемым кратным именительным, т. е. с двумя или более существительными в именительном падеже (*система человек-машина, партия Петросьян-Спасский*), а также в сочетаниях существительного с именительным падежом количественного числительного (*цифра пять, дом 14, обувь-70*)³.

¹ Источниками материала послужили толковые словари и грамматики соответствующих языков, отдельные специальные исследования и иногда — сведения, полученные от информантов-лингвистов:

² Правда, в современном просторечье намечается тенденция не склонять имя собственное и в аппозитивных словосочетаниях, например, *Он переплыл реку Волга*. Однако это пока отклонение от литературной нормы. См. об этом: Л. Б. Жукович. Лексико-грамматические особенности словосочетаний с собственным именем. Труды Иркутского гос. ун-та, т. 65, вып. 4, 1969, стр. 129—144; А. В. Суперавская. Склонение собственных имен в современном русском языке. В кн. Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 131—142.

Что касается таких случаев, как *Москва-река*, где имя собственное иногда (в просторечье) не склоняется, и *Угрюм-река* и др., где оно никогда не склоняется, о них речь будет идти отдельно ниже.

³ См. Н. А. Янко-Трипцкая. Кратный именительный в функции определения. В сб. Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, стр. 174—185; е е ж е. «Проблема номер один» (числительное в роли несогласованного определения). В сб. Развитие грамматики и лексики современного русского литературного язы-

При анализе двухкомпонентных субстантивных образований сразу же возникает вопрос об отличии словосочетания от сложного слова. Что такое *бал-маскарад*, *диван-кровать*, *жар-птица*, *Москва-река*, *альфа-лучи*, *фабрика-кухня*, *курсант-отличник*, *марксизм-ленинизм*, *кофе-мокко*, *хлеб-соль* и др.? Словосочетание или сложное слово, состоящее из основ двух существительных без соединительной морфемы? Этому вопросу посвящена достаточно большая литература, в которой высказываются далеко не одинаковые мнения ⁴.

Представляется, что предлагаемый нередко признак идиоматичности, как определяющий сложное слово, в отличие от признака неидиоматичности, как определяющего словосочетание, не может быть признан критерием для их разграничения, потому что не только сложные слова, но и словосочетания могут быть идиоматичными, например, *железная дорога*, *зеленый змей*. То же относится к признаку смысловой цельности, который, конечно, присущ сложному слову в гораздо большей степени, чем словосочетанию, однако он выступает в слове не сам по себе, а как следствие цельнооформленности слова ⁵. Цельнооформленность и является основным критерием разграничения слова и словосочетания. В сложном слове оба его компонента оформлены единожды (*длиннобород-ый* — *длиннобород-ые*), а в словосочетании имеется самостоятельное грамматическое оформление для

ка. М., 1964, стр. 304—310; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966; стр. 95—123; Ю. И. Костенко. Образование названий с числовым определителем в русском языке. В сб. Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1970.

⁴ См., например, И. Г. Галенко. О некоторых особенностях составных слов. «Вопросы русского языкознания», кн. 4, Львов, 1960; А. И. Мельникова. Однословные приложения и переход сочетаний с приложением в сложные слова. «Русский язык в школе», 1959, № 1; М. И. Привалова. Сложные слова или словосочетания? Ученые записки Ленинградского ун-та, № 243, серия филолог. наук, вып. 42, 1958; Т. А. Бертагаев. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний. «Русский язык в школе», 1957, № 1; М. Г. Ованова. Необособленные приложения в современном русском языке. «Русский язык в школе», 1957, № 2; С. С. Вартапетова. О грамматической форме устойчивых сочетаний, построенных по типу сочетаний с приложением, в современном русском языке. Азербайджанский пед. ин-т языков. Научная конференция профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской работы за 1965 г. Материалы... Баку, 1966; е е же. Устойчивые словосочетания аппозитивного типа в современном русском языке. Автореферат канд. дис. М., 1968; Н. Я. Сердобинцев. К вопросу о приложениях в современном русском языке. Сб. Очерки по русскому языку и стилистике, Саратов, 1967; В. М. Глухих. Заметки о сложных составных существительных. «Русский язык в школе», 1969, № 6; Ю. Балтова. За границата между сложна дума и словосъчетание. «Български език», год. XXI, кв. 2—3, 1974; А. И. Молотков. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? «Вопросы языкознания», 1960, № 6; Е. И. Мельников. Несклоняемые прилагательные в русском языке. «Slavia», roč. 23, seš. 4, Praha, 1954; К. Костов. Zur Entstehung und Anwendung einer substantivischen Fügung in den balkanslavischen Sprachen. «Die Welt der Slaven», 1968, Jahrgang XIII, Heft 2; R. Sinielnikoff. Ze studiów nad językiem J. Tuwima. Rozdział II. Zestawienia rzeczownikowe. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968.

⁵ Этот критерий разграничения сложного слова и словосочетания, а также сам термин цельнооформленность предложен А. И. Смирницким. См. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). В сб. Вопросы теории и истории языка, М., 1952, стр. 197; е го же. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 33—35; А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова. Образования типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, II, М., 1952. С тех пор этот критерий повсеместно принят. См., например, О. С. Ахманова. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. Труды института языкознания АН СССР, IV, 1954, стр. 51—73; С. Д. Ашурова. Об отношении цельно оформленности к порядку компонентов в наименованиях типа «плац-палатка», «изба-читальня». Ученые записки Московского пед. ин-та, № 423. М., 1971, стр. 62—66; Л. А. Шедяховская. Структурно-морфологические типы сложных существительных в современном русском языке. Ученые записки Алма-Атинского пед. ин-та иностранных языков, т. II, вып. 2. Алма-Ата, 1957, стр. 6.

каждого компонента (*длинн-ая бород-а — длинн-ые бород-ы*). В нашем случае словосочетаний с аппозитивной связью и сложных слов, состоящих из основ двух существительных, цельнооформленность в русском языке выражается в неизменяемости по падежам и числам 1-го компонента анализируемого образования (*Любуюсь жар-птицей* и *Вижу жар-птицу*), а отсутствие цельнооформленности, или раздельнооформленность — в изменении по падежам и числам 1-го компонента (*Открылась фабрика-кухня* и *Обедаем на фабрике-кухне*).

Поскольку польское и чешское существительные обладают теми же грамматическими категориями, что и русское, раздельнооформленность аппозитивных словосочетаний и цельнооформленность сложных слов выражаются в польском и чешском языках так же, как в русском. В болгарском же языке категория падежа существительного практически разрушена и имеется категория определенности/неопределенности, выражаемая членными и нечленными формами, поэтому раздельнооформленность словосочетаний и цельнооформленность сложных слов выражается иначе, чем в русском, польском и чешском языках. Аппозитивные словосочетания характеризуются согласованием компонентов в числе (*вагон-хладилник* и *вагоны-хладилници*) и наличием членной формы только у 1-го компонента (*вагонът-хладилник* и *вагоните-хладилници*). Сложные же слова характеризуются отсутствием форм числа и определенности у 1-го компонента (*генерал-полковник* и *генерал-полковници*, *генерал-полковникът*). Имеются также словообразовательные признаки цельнооформленности и раздельнооформленности. Например, при образовании соотносительных существительных женского рода в сложных словах суффикс прибавляется ко 2-му компоненту (*помощник-аптекарь* и *помощник-аптекарка*); в словосочетаниях же суффикс женского рода прибавляется к 1-му компоненту или к обоим (*писатель-историк* и *писателька-историк* или *писателька-историчка*)⁶.

Обычно различают фонетическую, морфологическую и синтаксическую цельнооформленности. Фонетическая цельнооформленность трактуется как отсутствие равномерного ударения на каждом компоненте, т. е. наличие лишь одного ударения или одного обобщающего и второго второстепенного ударения, а также отсутствие паузы между компонентами (*ковбиль-трава*). Однако, как известно, имеются несомненные сложные слова с двумя равномерными ударениями (*англо-русский*, *пláщ-палáтка*). Следовательно, акцентуация не является достаточным основанием для признания того или иного образования словосочетанием или сложным словом. Синтаксическая цельнооформленность понимается как невозможность изменения порядка компонентов, например, в сложных словах *водовоз* или *жар-птица*. Действительно, в отличие от них во многих словосочетаниях возможна перестановка компонентов, например, *зеленый дуб* и *дуб зеленый*, *сотрудник-энтузиаст* и *энтузиаст-сотрудник*. Однако это справедливо далеко не для всех словосочетаний. В идиоматических словосочетаниях типа *зеленый змий* и в неидиоматических словосочетаниях типа *журнал «Нева»*, *сержант Петров* перестановка компонентов в высшей степени затруднительна. Поэтому представляется, что синтаксическая цельнооформленность не позволяет точно разграничивать словосочетания и сложные слова. Морфологическая же цельнооформленность/раздельнооформленность — постоянный и достаточный критерий.

Что касается орфографических признаков — написание с дефисом или без него, то они не могут приниматься в расчет уже потому, что орфография

⁶ См. Е. А. Захаревич. Признаки на неделимост на думите от типа *помощник-аптекарь*. «Български език», год. XVII, кн. 4, 1967, стр. 352.

в данном случае крайне непоследовательна во всех славянских языках.

Итак, в качестве основного признака классификации двухкомпонентных образований, являющихся либо сложными словами, либо словосочетаниями, мы принимаем морфологическую цельноформленность/раздельноформленность, или неизменяемость/изменяемость 1-го компонента по падежам и числам (или числам и определенности — в болгарском языке). Этот признак может принимать три значения: а) 1-й компонент склоняется, б) 1-й компонент не склоняется, в) 1-й компонент иногда склоняется, иногда не склоняется. Соответственно анализируемые образования классифицируются на: 1) аппозитивные словосочетания, 2) сложные слова, 3) образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами.

1. Аппозитивные словосочетания

Среди аппозитивных словосочетаний есть синтаксически свободные (русск. *мальчик-поводырь*, *жена-крошка*, *слесарь Вася*; болг. *учител-пенсионер*, *дядь великан*, *дядо Йордан*; польск. *król-bohater*, *miasto-gigant*, *ksiądz Piotr*; чешск. *pták orel*, *člověk perla*, *krejčí Novák*), устойчивые (русск. *самолет-истребитель*, *изба-читальня*, *река Москва*; болг. *параход-влекач*, *кафе-сладкарница*, *град София*; польск. *lingwista-fonolog*, *ziemia matka*, *Adam Mickiewicz*; чешск. *soudruh předseda*, *město Praha*) и фразеологически связанные (русск. *скатерть-самобранка*, *дед-мороз*; болг. *паун-пиле*, *очи черешу*; польск. *baba jaga*; чешск. *ptáček-zpěvák*). Семантические и логические отношения между их компонентами бывают разными: определяющий компонент может обозначать уточнение (русск. *языковед-славист*, болг. *изтребител-бомбардировач*, польск. *artysta-malarz*), характеристику (русск. *конец-толстосум*, болг. *дьявол-девојка*, польск. *matka-potwór*, чешск. *nestyda hlup*), сравнение (русск. *улица-змея*, болг. *вешди-пнявици*, польск. *ptot-staruszek*) и др. Все различия такого рода не имеют прямого отношения к грамматической природе исследуемых образований и потому в дальнейшем во внимание не принимаются.

Анализ собранного материала показывает, что типичным для аппозитивных словосочетаний является расположение определяемого компонента на 1-ом месте. В сравнительно редких случаях наблюдается инверсия — определяемый компонент стоит на 2-ом месте (русск. *гусь-помещик*, *бродяга-ветер*, *злодейка-жена*; болг. *вълшебница пролет*, *планина човек*, *дьявол девојка*; польск. *matka-natura*, *rodzicielka-chemia*; чешск. *dobrák člověk*, *chudák muž*).

Иногда порядок компонентов как будто произвольный, и некоторые исследователи пишут, что в ряде аппозитивных словосочетаний компоненты могут меняться местами без изменения смысла словосочетания в целом (русск. *школа-магазин* и *магазин-школа*, болг. *турчин-разбойник* и *разбойник-турчин*, польск. *sąsiad-mężczyzna* и *mężczyzna-sąsiad*). Представляется, что это не так. В подобных случаях в качестве определяемого воспринимается существительное, стоящее на 1-ом месте. При изменении порядка компонентов несколько меняется и значение всего словосочетания. Так, *школа-магазин* — это школа, которая является магазином, но которая могла быть также интернатом, семилеткой и пр. (ср. *школа-интернат*, *школа-семилетка*), в то время как *магазин-школа* — это магазин, который является школой, но который также мог быть так называемым автоматом (ср. *магазин-автомат*).

В словосочетаниях, состоящих из нарицательного и собственного или двух собственных имен существительных, определяемым также является первый по порядку компонент (ср. русск. *слесарь Вася* и *Вася-слесарь*, *река Волга* и *Волга-река*; болг. *роб Езоп* и *Езоп роб*, *град Плевен* и *Плевен-*

град; польск. *miasto Kraków* и *Kraków-miasto*; чешск. *město Praha* и *Praha-město*, *krejčí Novák* и *Novák krejčí*). В *слесарь Вася* имя собственное служит определением к существительному нарицательному, конкретизирует его (*слесарь Вася* в отличие от *слесарь Федя* и др.); в *Вася-слесарь* нарицательное существительное определяет имя *Вася* (здесь сообщается, что Вася является слесарем, а не плотником, например). Во втором случае, т. е. при положении имени собственного на первом месте, происходит более тесное объединение компонентов словосочетания: 1-й компонент получает более сильное, обобщающее ударение, а 2-й ослабленное. Такие словосочетания сближаются со сложными словами, а иногда и переходят в сложные слова⁷.

От аппозитивных словосочетаний, основанных, как указывалось, на подчинительной связи, следует отличать сочетания из двух существительных с устойчивым порядком равноправных компонентов, соединенных сочинительной связью. Такие сочетания обычно называют парными. Среди них выделяются суммирующие сочетания (русск. *хлеб-соль*, *отец-мать*, *гуси-лебеди*, *вейсманнизм-морганнизм*; болг. *марксизъм-ленинизъм*; польск. *reka-noga*, *dziadek-babka*, *góra-dół*; чешск. *ruka noha*, *hory doły*, *marxismus-leninismus*); антонимичные сочетания (русск. *купля-продажа*, *друг-враг*; чешск. *hlava nehlava*, *bláto nebláto*, *pán nepřán*); синонимичные, или тавтологические сочетания (русск. *друзья-товарищи*, *путь-дорога*, *вор-разбойник*; болг. *овчарче-чобанче*, *вир-вода*; польск. *krąg-kolo*, *szablamięcz*, *śmieszek-wesołek*), а также так называемые рифмовки (полностью или частично бессмысленные сочетания: русск. *кишки-мишки*, *шурь-мурь*, *фигли-мигли*; польск. *esy-floresy*, *trele-morele*; чешск. *kliky háky*, *láry fáry*). Относительно последних следует сказать, что это особые образования, требующие отдельного рассмотрения.

В русском языке имеются словосочетания, в которых 2-ой компонент не изменяем и выражен словом иноязычного происхождения (*стиль модерн*, *брюки гольф*, *юбка клеш*, *чулки капрон*, *цвет хаки*, *язык хауса*, *народ эрзя*, *капуста кольраби*, *часы пик*, *каюта люкс*, *кофе мокко*, *пальто реглан* и др.). Представляется, что такие слова иноязычного происхождения являются в современном русском языке существительными⁸, а их сочетания с другими существительными — словосочетаниями со связью именного примыкания типа *журнал «Нева»*, *связь «аппозиция»*, в которых нет согласования компонентов в падеже и числе. 2-ой, неизменяемый, компонент можно рассматривать как название, а его неизменяемость позволяет предполагать, что согласования с первым компонентом нет.

Несклоняемость существительного, вообще говоря, не препятствует ему входить в разные типы словосочетаний (*зимнее пальто* — атрибутивное словосочетание, *прискакал кенгуру* — предикативное словосочетание)⁹. Поэтому возможно и другое толкование словосочетаний, в которых 2-ой компонент не изменяем и выражен словом иноязычного происхождения. Можно предположить, что они являются аппозитивными словосочетаниями.

⁷ Этот случай подробно разбирает Фр. Копечный. См. Фр. К о р е џ н у. *Základy české skladby*. Praha, 1962, s. 194-195.

⁸ См., например, А. И. М о л о т к о в. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? «Вопросы языкознания», 1960, № 6, стр. 69. Некоторые лингвисты относят эти слова, либо часть их, к прилагательным. См. Е. Т. М е л ь н и к о в. Несклоняемые прилагательные в русском языке. «Slavia», роč. 23, seš. 4, Praha, 1954, s. 562—567; И. П. М у ч н и к. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденция развития в современном русском литературном языке. В сб. Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, стр. 180.

⁹ См., например, о согласовании в роде и числе с несклоняемым существительным статью: Е. С. С к о б л и к о в а. Роль грамматических и смысловых факторов в оформлении подчиненного слова при согласовании в роде и числе. Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1967, вып. 52.

ми с согласованием компонентов в падеже и числе, хотя по причине несклоняемости 2-го компонента это согласование не выражается положительными флексиями.

Второму толкованию противоречит тот факт, что некоторые из слов иноязычного происхождения, выступающие в качестве 2-ых компонентов словосочетаний типа *стиль модерн, брюки клеш, капуста кольраби, народ эрзя* и др., употребляясь вне этих словосочетаний, склоняются (*клеш, капрон, люкс, реглан* и др.). Вообще значительная часть рассматриваемых слов иноязычного происхождения по своему фонетическому облику отличается от несомненных несклоняемых существительных (последние обычно оканчиваются на гласную фонему, например, *пальто, кофе, кенгуру*; на согласную оканчиваются только некоторые существительные, обозначающие лиц женского пола, например, *мадам, Элен*). Среди рассматриваемых же иноязычных по происхождению слов довольно много оканчивающихся на согласную (*реглан, апаш, капрон, клеш, беж, пик, модерн* и др.). В русском языке слова с таким фонетическим обликом обычно склоняются. Поэтому можно предположить, что их неизменяемость в составе данных словосочетаний вызвана исключительно синтаксическими условиями функционирования, именно употреблением в качестве определяющего компонента в словосочетаниях со связью именного примыкания, где они должны оставаться в форме именительного падежа единственного числа независимо от падежа и числа определяемого компонента.

В русском языке имеются словосочетания со связью именного примыкания, в которых оба компонента не изменяемы (*кофе мокко, пальто беж*). Согласно принципу цельнооформленности, если 1-ый компонент не изменяется, то мы имеем сложное слово. Существительные *кофе* и *пальто*, однако, не склоняются вообще, а не только в составе данных словосочетаний. Следовательно, они являются самостоятельно оформленными (нулевой флексией) существительными, а не основами существительных. То же относится к 1-ым компонентам аппозитивных словосочетаний, выраженным вообще несклоняемыми существительными, например, *кафе: кафе-столовая, кафе-закусочная, кафе-кондитерская* и пр. Ср. с 1-ым компонентом сложного слова, например, *томат-пюре*, который в составе данного образования не изменяется, но, выступая как самостоятельное слово, принадлежит к числу склоняемых существительных.

В отличие от русского языка, в болгарском очень мало словосочетаний со связью именного примыкания, в которых 2-ым компонентом является существительное иноязычного происхождения, например, *кафе-меланж*. Русским словосочетаниям *цвет беж, стиль модерн* и др. соответствуют болгарские атрибутивные словосочетания существительного и прилагательного *бежов цвят, модерен стил*.

В польском языке (в профессиональных говорах и в просторечье, особенно в варшавском арг) употребляется очень небольшое количество словосочетаний со 2-ым компонентом — несклоняемым словом иноязычного происхождения, например, *sukienka beige* (или *beż*), *drzewo mango, barwa indygo, kolor fraise, as pik, włosy blond, dziewczyna fest*¹⁰. Для литературного языка такие словосочетания не характерны. Вместо них обычно встречаются атрибутивные словосочетания со склоняемым прилагательным типа *sukienka beżowa, as treflowy*. Некоторые несклоняемые слова могут стоять также и перед определяемым существительным (*blond włosy, fest baba*). В русском языке несклоняемое слово этого типа никогда не предшествует определяемому существительному (**беж туфли* или **мокко кофе*

¹⁰ См. А. Si e c z k o w s k i. *Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich*. Wrocław, 1957, s. 21—22.

невозможно). Это основная причина отнесения данных слов в русском языке к существительным. Поскольку в польском языке, в отличие от русского, позиция прилагательного после существительного вполне нормальна, постпозиция слов типа *beż, indygo* и др. не может служить доказательством того, что они не принадлежат к прилагательным. В то же время этот синтаксический признак не может считаться указанием того, что они не принадлежат к существительным, так как польскому языку известны словосочетания из двух существительных. Отсюда можно заключить, что в польском языке несклоняемые заимствованные слова колеблются между существительными и прилагательными, образуя то словосочетания, состоящие из двух существительных, соединенных связью именного примыкания (*barwa indygo* — подобно русск. *туфли беж*), то атрибутивные словосочетания, состоящие из прилагательного и существительного (*blond włosy* — подобно чешск. *blond vlasy*)¹¹.

В чешском языке нет субстантивных словосочетаний, в которых 2-ым компонентом является несклоняемое заимствованное существительное. Небольшое количество несклоняемых слов в чешском языке (в основном, в профессиональных говорах и в просторечье) скорее всего должно быть признано прилагательными. На это указывает их синтаксическое функционирование — они всегда занимают позицию только перед определяемым существительным (*fajn ženská, blond vlasy, béž šaty, nobl dáma, elektrik svetrík* и др.)¹². К некоторым из этих несклоняемых слов существуют парные склоняемые прилагательные (*fajnový, béžový*). Отсутствие субстантивных словосочетаний с именным примыканием, в которых 2-ой компонент выражен существительным иноязычного происхождения, отличает чешский язык от русского и польского.

Аппозитивные словосочетания принадлежат к разным лексическим слоям и употребляются в разных стилях речи. Ср., например, народно-поэтические русск. *сапоги-скороходы, конек-горбунок, девица-красавица*, болг. *вежди-пиявици, очи-череши*, польск. *ziemta-matka*, чешск. *pták-ohnivák*; научно-терминологические русск. *язык-источник, самолет-амфибия*, болг. *писател-историк, самолет-изтребител*, польск. *balon-sonda*; обиходно-номенклатурные русск. *сахар-рафинад, шапка-ушанка*, болг. *вагон-цистерна*, польск. *zegar-stoper, czarka-radiowka*; газетно-публицистические русск. *мать-героиня, буржуа-монархист*, болг. *бригадир-новатор, герой-патриот*, польск. *poeta-bohater, miasto-gigant*; нейтрально-литературные русск. *старуха-библиотекарь, женщина-врач*, болг. *поет-партизан, сестра-посетителька*, польск. *czlowiek-lis, fryzjer-katolik*, чешск. *nebozka matka, pes roběhlik* и др.

Синтаксически свободные аппозитивные словосочетания нейтрально-литературного стиля весьма продуктивны в современном русском языке. Устойчивые терминологические (технические и научные) и номенклатурные сочетания также принадлежат к активно растущей группе лексики. Как свидетельствуют грамматики, словари и некоторые специальные исследования¹³, в болгарском, польском и чешском языках аппозитивные словосочетания всех видов менее частотны, чем в русском. Но для современного состояния этих языков характерно увеличение численности аппозитивных словосочетаний, в особенности терминологических и газетно-публицистических, не без известного влияния русского языка.

¹¹ Некоторые грамматисты называют такие слова субстантивно-адвербиальными формами. См., например, A. S i e c z k o w s k i. Ibid., s. 21—22

¹² См. A. S i e c z k o w s k i. Ibid.

¹³ См., например, N. N i l s o n. Un type d'expression métaphorique dans la poésie moderne russe. «Scando-Slavica», t. 3. Copenhagen, 1957, p. 88; Ю. Б а л т о в а. Там же, стр. 203; R. S i n i e l n i k o f f. Ibid., s. 91.

2. Сложные слова

Сложные слова, как и аппозитивные словосочетания, характеризуются разной степенью устойчивости и идиоматичности (ср. русск. *царь-колокол*, *жар-птица*, *ковыл-трава*, *рай-дерево*, *Ильмень-озеро*, *Китай-город*; болг. *бисер-сълзи*, *чемшир-порти*, *самур-калпак*, *мермер-дувар* и русск. *вакуум-насос*, *блок-механизм*, *шеф-повар*, *бал-маскарад*, *горе-критик*, *чудо-ребенок*, *Тула-уголь*; болг. *помощник-командир*, *министър-председател*, *кандидат-учител*, *стажант-лекар*, *съдия-изпълнител*, *секретар-бирник* и др.). Семантические и логические отношения между их компонентами бывают разными, например, род — вид (русск. *меч-рыба*, *ковыл-трава* и др.), характеристика и сравнение (русск. *свет-батюшка*, *огонь-девка*; болг. *отбор-юнаци*, *бисер-зъби* и др.).

В сложных словах, в отличие от аппозитивных словосочетаний, определяемый компонент расположен на 2-ом месте. Исключение представляют, пожалуй, только такие сложные слова, 1-ый компонент которых является основой имени собственного, например, *Угрюм-река*, *Ильмень-озеро*, *Горюн-камень*, *Грузия-фильм*. Здесь нарицательное существительное выступает в роли определения к имени собственному (ср. сказанное о словосочетании *Вася-слесарь*). В таких сложных словах обобщающее ударение падает на основу имени собственного (*Угрю́м-река*, *Горю́н-камень*); в сложных же словах с определяемым компонентом на 2-ом месте обобщающее ударение обычно привязано ко 2-ому месту (*жа́р-пти́ца*, *бло́к-схе́ма*, *генерал-ди́ректор*). Впрочем, вопрос об обобщающем и второстепенном ударениях и об их месте в сложном слове нельзя пока считать исчерпывающе изученным и ясным.

В польском языке сложных слов аппозитивного типа очень мало, например, *Herod-baba*. В отличие от русского и болгарского, польский язык не имеет сложных слов даже фольклорного происхождения, таких как русск. *жар-птица*, болг. *бисер-сълзи*.

То же характерно и для чешского языка.

С точки зрения принадлежности к лексическим разрядам и стилям речи, сложные слова являются научными и техническими терминами (русск. *блок-схема*, *крекинг-процесс*, *килограмм-сила*); номенклатурными названиями (русск. *плащ-палатка*, *крем-сода*, *штаб-квартира*, *капитан-исправник*; болг. *министър-председател*, *заместник-председател*, *съдия-изпълнител* и др.); словами народно-поэтической стихии (русск. *царь-пушка*, *жар-птица*; болг. *бисер-зъби*, *чемшир-порти*, *мермер-плоча* и др.); эмоционально окрашенными разговорно-просторечными словами (русск. *ухо-парень*, *козырь-девка*, *бой-баба*). Слова терминологического и номенклатурного характера, особенно составленные из заимствованных основ и являющиеся часто переводами или кальками иноязычных терминов, продуктивны в современном русском языке, особенно в последнее время. Остальные группы сложных слов данного типа, кроме слов с 1-ым компонентом *горе-* и *чудо-*, немногочисленны и почти не пополняются. Некоторые из слов фольклорного происхождения вообще фактически перестали быть живыми словами русского языка [*рай-дерево*, *без-(биз)-дерево*].

3. Образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами

Такие образования характерны только для русского языка, например, *Москва-река*, *член-корреспондент*, *матч-ревани*, *вагон-ресторан*, *вагон-рефрижератор*, *салон-вагон*, *диван-кровать*, *кресло-кровать*, *шкаф-секретер*, *платье-костюм* и др.

Колебание в склонении 1-го компонента может быть связано с различиями стилей речи. Норма русского литературного языка требует, чтобы

склонялись оба компонента (*Он был членом-корреспондентом Немецкой академии искусств; Мы катались по Москве-реке*)¹⁴. В просторечье же и в профессиональных говорах 1-ый компонент часто не склоняется (*Я сижу на диван-кроватьи; Купите отделку к платье-костюму*).

В случае, когда 1-ый компонент склоняется, он воспринимается как определяемый, и данное образование смыкается с аппозитивными словосочетаниями. Когда же 1-ый компонент не склоняется, он оказывается определяющим, и все образование уподобляется сложному слову.

Замечено, что в связи с колебаниями в склонении 1-го компонента субстантивных образований типа *диван-кровать*, *матч-реванш*, носители русского языка избегают употреблять их в косвенных падежах. В случае же настоятельной необходимости в косвенном падеже они нередко разрывают сочетание, заменяя его одним из компонентов. Например, вместо *кресло-кровать* в форме творительного падежа может быть сказано *этим креслом* или *креслом*, которое называется *кресло-кровать*, и пр.

Возможно другое объяснение колебания в склонении 1-го компонента. Можно считать, что данное колебание — не переход словосочетания в сложное слово, а проявление вариантности словосочетания. Согласно такому толкованию, *член-корреспондент*, *матч-реванш*, *диван-кровать* и др. существуют в двух вариантах — в полном и сокращенном. Сокращение флексии в косвенных падежах аппозитивных словосочетаний является результатом общей тенденции русского языка сокращать флексии в многокомпонентных образованиях (например, в склонении сложного числительного — *пятьсот шестьдесят три*, в склонении имен и отчеств — *Иван Иванович* и др.), вызванным стремлением сохранить в последних ритмическую структуру. В случае, если 1-ый компонент оканчивается на согласную, прибавление гласной флексии в косвенных падежах меняет ритмическую структуру, так как в середине образования добавляется еще один слог: *Иван Иванович* — *Ивана Ивановича*; если же 1-ый компонент оканчивается на гласную, сокращения обычно не происходит, ибо тогда в косвенных падежах ритмическая структура не меняется: *Вера Ивановна* — *Веры Ивановны*.

Можно сказать, что несмотря на указанное противодействие литературной нормы, тенденция развития русского языка — увеличение числа субстантивных образований с колебаниями в склонении 1-го компонента, а также увеличение числа сложных слов, возникающих из таких образований.

Таким образом, на основе изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Двухкомпонентные субстантивные образования в русском, болгарском, польском и чешском языках делятся на сочинительные сочетания, словосочетания со связью именного примыкания, аппозитивные словосочетания и сложные слова, состоящие из основ двух существительных без соединительной морфемы. Различаются словосочетания и сложные слова по признаку цельнооформленности/раздельнооформленности. В русском языке имеются также образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами.

2. Аппозитивные и другие рассмотренные здесь словосочетания и сложные слова характерны преимущественно для русского языка. В других языках они сравнительно мало распространены, но в последнее время число их увеличивается¹⁵.

¹⁴ См. С. И. О ж е г о в. Склоняется ли Москва-река? В сб. Вопросы культуры речи, вып. I. М., 1955, стр. 222—224.

¹⁵ Приношу благодарность А. А. Зализняку за критические замечания и советы, способствовавшие улучшению статьи.

О ФОНЕТИЧЕСКОЙ И ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ УДАРЕНИЯ В СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Авторы существующих работ об ударении в литературном сербскохорватском языке считают ударение и длительность гласных (и соответственно слогов) просодическими признаками, «которые обычно устанавливаются через сравнение сегментных элементов в последовательности»¹. При этом длительность и качество ударного гласного признаются дистинктивными.

Ударение в сербскохорватском, тоническом, языке может быть, таким образом, долгим и кратким, нисходящим и восходящим; оно не может стоять на последнем слоге слова, срединный слог может иметь одно из двух восходящих ударений, любое ударение возможно на первом слоге слова; долгие безударные слоги бывают только после ударных. Одно фонологическое (акцентное) слово имеет только один ударный слог.

Авторы последовательно различают ударные и безударные гласные. Ударность является конфигуративным признаком, устанавливаемым синтагматическим сопоставлением, а в языках с тоническим ударением (и количественными различиями) парадигматические различия подкрепляют дистинктивность ударения.

1.2. Приведем наиболее существенные из имеющихся интерпретаций сербскохорватского ударения: а) ударение в сербскохорватском определяется мелодической кривой с восходящей и/или нисходящей частью²; б) ударение характеризует «выходящее за пределы слога» или «внутри-слоговое» движение тона; ударение совпадает с маркированным повышением тона, при отсутствии такового падает на первый гласный³; в) ударный гласный отличается от окружающих гласных большей интенсивностью в сочетании с более высоким тоном, который может распространяться и на следующий гласный⁴; г) ударный гласный имеет длительность, в полтора раза превышающую длительность соответствующего безударного гласного, и отличается повышением частоты основного тона, которое может распространяться на два гласных; долгота и ударность могут иметь ограниченное (не сигнификативное) влияние на качество гласного; интенсивность в известной мере соответствует частоте основного тона⁵; д) акцент опреде-

¹ I. Lehiste. *Suprasegmentals*, p. 2.

² L. Masing. *Die Hauptformen der serbisch-chroatischen Akzente*. «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg», VIII série, t. XXIII, № 5, 1876.

³ R. Jakobson. *Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie*. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», IV, 1931, S. 164—182.

⁴ А. Белић. *Савремени српскохрватски књижевни језик*, I. Београд, 1971, стр. 92—93.

⁵ P. Ivić, I. Lehiste. *Accent in Serbo-Croatian*. «Michigan Slavic Materials», 4, 1963; и ж е. *Prilozi ispitivanju fonetske i fonološke prirode akcenata u savremenom*

ляется кривой, имеющей более высокую частоту между двумя слогами (геср.— на слоговой границе); гласный в первом (или единственном) заударном слоге характеризуется избыточной долготой по сравнению с соответствующими гласными того же фонологического качества ⁶.

2.1. П. Ивич и И. Лехисте произвели спектрографический анализ гласных в словах по следующим параметрам: 1) длительность гласного в сотых долях секунды, 2) частота основного тона в герцах и контур кривой частоты с учетом уровня частоты в начале и в конце звучания гласного и места максимального повышения частоты основного тона, 3) интенсивность в децибеллах (и контур кривой интенсивности), 4) качество гласного в отношении формантной структуры. В результате выявлены признаки, отличающие ударные гласные от остальных: а) большая длительность, б) резкое повышение частоты основного тона и интенсивности, в) качество гласного (хотя не ярко и не всегда последовательно выраженное). Однако при обработке результатов анализа недостаточное внимание было обращено на отклонения, которые как раз ярче всего указывают на сферу действия закономерности. Так, в примере *deklāsīran* (краткий предупредательный гласный, ударный с кратким восходящим, долгий заударный, краткий заударный) краткий ударный гласный не превосходит по длительности кратких безударных, тогда как первый заударный долгий гласный мог бы быть по длительности долгим ударным. Что же делает его заударным? Место максимального повышения частоты (см. табл. 1)

Таблица 1*

∪—∪	1 гласный	2 гласный	3 гласный	4 гласный
Частота основного тона	(а) 203	229	247	165
	(б) 208	241	250	165
	(в) 202	228	186	140
Длительность максимальной частоты	(а) 8,8	9,4	15,4	9,0
	(б) 4,8	7,6	1,4	1,0

* См. «Зборник за филологију и лингвистику», VI, стр. 44.

2.2. На основании всех фактов, содержащихся в работе П. Ивича и И. Лехисте, можно прийти к выводу, что у заударных гласных максимум частоты основного тона достигается на протяжении первых 20% длительности гласного, тогда как у предупредательных и ударных — по истечении 25% длительности.

2.3. Если за гласным с максимумом частоты основного тона, приходящимся на период после 25% его длительности, следует гласный с максимальным повышением в течение первых 20% длительности, то первый из них автоматически получает признаки «ударности», т. е. повышенную среднюю частоту, большую длительность и интенсивность.

3.1. Это обстоятельство приводит нас к необходимости делить гласные не на ударные и безударные, а на [+ тоновые], включающие ударные и предупредательные, и [— тоновые], включающие заударные.

3.2. В связи с этим возникает потребность в иной интерпретации тезиса П. Ивича о том, что «термин акцент... означает ось, вокруг которой орга-

srpskohrvatskom književnom jeziku. «Зборник за филологију и лингвистику», VI. Нови Сад, 1963, стр. 34—74; VII, 1965, стр. 75—117; X, 1967, стр. 55—94; XII, 1969, стр. 115—166.

⁶ P. Ivić. Prozodijski sistem savremenog srpskohrvatskog standardnog jezika. «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz», Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, s. 135—144.

низуется высота тона, а не характеристику одного вокалического сегмента или слога»⁷.

Действительно, слоговая граница проходит через область относительно более высокой частоты, однако это обусловлено в данном месте акцентного слова исключительно сокращением расстояния между максимумом частот основного тона соседних гласных. Вслед за рядом гласных, имеющих максимум после 25% длительности, идет ряд гласных с максимумом в пределах первых 20% длительности. Благодаря особенностям человеческой памяти («эховая память»⁸), оба ряда гласных воспринимаются (почти) одновременно, что необходимо для правильного декодирования информации. Очевидна значимость смены одних гласных другими, объясняющая конфигуративные особенности, называемые словесным ударением.

Второй ряд гласных характеризуется относительно очень ранним максимумом частоты основного тона, который может и отсутствовать, тогда основная частота уже с самого начала гласного падает. По этой причине заударные, или [— тоновые] гласные не могут быть носителями различительных просодических признаков. Только предупредительный тоновый гласный, имеющий несколько сдвинутый (после 25%) максимум частоты, может быть носителем конфигуративных, «весомых» признаков, возникших от «столкновения» [+ тонового] и [— тонового] ряда гласных. Признаки эти следующие:

а) более высокая средняя основная частота, объясняемая общим повышением частоты между максимумом (последнего) [+ тонового] и (первого) [— тонового] гласного;

б) большая длительность (в 1,3 раза), чем при той же фонологической долготе в иных условиях (термин «фонологический» употреблен здесь в значении «различительный»);

в) более высокий средний уровень интенсивности.

Эти характеристики выполняют кульминативную функцию в слове, имеют релятивную значимость и могут быть установлены сравнением сегментных единиц. Частота и интенсивность, благодаря междуслоговой зависимости их средних значений, способствуют общей связанности акцентного слова. Интенсивность, кроме того, имеет делимитативную функцию определения границ акцентного слова. При этом начало слова сигнализируется более высокой средней интенсивностью [+ тонового] гласного. Вслед за последним в ряду [+ тоновых] гласных интенсивность падает в [— тоновых] гласных. Случаи очень высокой интенсивности какого-либо [— тонового] гласного в слове не имеют самостоятельного значения, будучи всего лишь компонентом мелодической структуры целого высказывания, которому принадлежит данное акцентное слово. Интенсивность в этих случаях согласуется с частотой основного тона.

4.1. Признак [+ тоновый] и, соответственно, максимум после 25%, с одной стороны, и [— тоновый] и максимум — до 20% продолжительности звучания гласного, с другой стороны, устанавливаются при анализе (или парадигматическом сопоставлении) точно так же, как, скажем, признаки [+ огубленность] или [— огубленность] в языке с гармонией гласных. Следовательно, необходимо и трактовать эти признаки по одним и тем же критериям⁹. То, что внутри всякого акцентного слова после первого

⁷ P. Ivić. Ibid., s. 136.

⁸ U. Neisser. Cognitive psychology. New York, 1966, p. 199—206.

⁹ Если И. Лехисте считает возможным рассматривать признак [+ огубленность] — [— огубленность] безотносительно к соседним гласным, то точно так же следует интерпретировать и характеристику, касающуюся места максимума частоты основного тона, на что, однако, И. Лехисте не обращает внимания. См: I. Lehiste. Ibid., p. 2.

[— тонового] гласного все гласные — [— тоновые], а перед последним [+ тоновым] — все [+ тоновые], так же естественно, как, скажем, ассимиляция, палатализация или гармония гласных.

4.2. Последний [+ тоновый] гласный, испытывающий на себе результат смены [+ тонового] и [— тонового] ряда гласных, в сербскохорватском языке отличается тем, что имеет либо признак [+ восходящий], т. е. максимум частоты наступает у него после 50% длительности, либо [—восходящий], т. е. максимум частоты приходится на период от 25% до 50% длительности, притом в пределах своей большей долготы (избыточной) он бывает либо [+ долгий], либо [— долгий] ([+ долгий] в 1,5 раза превышает по длительности [— долгий]).

Если такой [+ тоновый] гласный в то же время является первым в слове, то его признаки [+ восходящий] или [— восходящий], так же как и [+ долгий] или [— долгий], оказываются дистинктивными, т. е. они могут быть единственными различителями слов. Если же этот [+ тоновый] гласный не первый в акцентном слове, то оппозиция [+ восходящий] — [— восходящий] нейтрализуется, гласный автоматически [+ восходящий]. Если этот [+ тоновый] гласный единственный в слове, то он автоматически [— восходящий]. Все [+ тоновые] гласные перед последним [+ тоновым] автоматически нейтрализуют оба признака и выступают как [— долгие] [— восходящие].

В остальных случаях различие по долготе дистинктивно, если оно служит единственным различителем разных слов.

4.3. Приводимая ниже классификация ориентирована в основном на место максимума частоты основного тона и делит признаки, так или иначе относившиеся до сих пор к просодическим, на две группы:

I. Признаки, приписываемые вокальному сегменту независимо от окружающих его сегментов: а) [+ тоновый] — гласный с максимумом частоты основного тона после 25%, [— тоновый] — с максимумом, приходящимся на первые 20% звучания; б) [+ восходящий] — это [+ тоновый] гласный с максимумом после 50% длительности, [— восходящий] — с максимумом между 25% и 50% длительности, в) [+ долгий] гласный в 1,5 раза длиннее соответствующего [— долгого] («соответствующий» означает, что последний [+ тоновый] сравнивается с последним [+ тоновым], [— тоновый] — с [— тоновым]). Признак же [+ восходящий] и [— восходящий] является функцией признака [+ тоновый], он релевантен только для одного гласного в акцентном слове; гласные, предшествующие ему в слове, — [+ тоновые], следующие за ним — [— тоновые].

Гласный со всеми его релевантными признаками первой группы (а, б и в, причем б имплицитует а) автоматически является носителем признаков второй группы.

II. Релятивные признаки, устанавливаемые по отношению к вокальному сегменту путем сравнения с окружающими его сегментами в последовательности: а) бóльшая средняя частота основного тона, б) бóльшая длительность (по сравнению с такой же различительной долготой при других условиях), в) бóльшая средняя интенсивность (чем у последующих гласных в акцентном слове).

4.4. Факт зависимости между частотой основного тона соседних гласных, трактуемый здесь как явление вторичное, обусловленное местом максимума частоты основного тона в разных гласных, подтверждается новейшим экспериментальным исследованием П. Редера¹⁰. Редер применил к записанным строгим минимальным парам прием так называемой направлен-

¹⁰ P. R e d e r. Gezielte Destruktion und gezielte Konstruktion. «Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968», München, 1968.

ной деструкции, а затем конструкции с целью подтвердить различительную значимость акцентных параметров. Речь шла о 1) компрессии естественной интенсивности сигнала при неизменной частоте, б) монотонизировании частоты сигнала на вокодеере при неизменной интенсивности, в) компрессии интенсивности сигнала и монотонизировании частоты.

При этом только деструкция типа а) почти не отражалась на восприятии звука. Экспериментально созданные слова, в которых путем компрессии была получена различная частота первого и второго гласного, воспринимались в прямой зависимости от соотношения уровня частоты первого (акцентированного) и следующего гласного (Редер не обращал внимания на место максимума частоты основного тона и вообще не ставил проблемы соотносительного «веса» параметров при определении места ударения).

4.5. Вокалические признаки [+ тоновый] — [— тоновый], [+ долгий] — [— долгий], [+ восходящий] — [— восходящий] могут меняться в слове только в немногих случаях при словоизменении внутри парадигмы (при этом общее число признаков — 2 — определяет тип, который можно назвать основным), или при наращении [+ тонового] гласного в начале слова перед исконно [+ тоновым] [— восходящим], который в этом случае утрачивает свои характерные показатели интенсивности, долготы, а также и частоты в связи с передвижением места максимума частоты к началу гласного и становится в результате [— тоновым]. (По всей вероятности, предел восприятия варьирования места максимума составляет около 20% длительности гласного.)

Эксперименты над сложными существительными показали, что они не противоречат вышеизложенному. Подтверждением сказанного может служить также и то, что энклитики всегда [— тоновые], а проклитики [+ тоновые].

5.1. Как объяснить связь проклитика + слово с нисходящим ударением (по нашей терминологии — слово с первым [+ тоновым] [— восходящим] [+ долгим] или [— долгим] гласным; вообще такой гласный в системе возможен только как первый гласный слова)?

П. Ивич приходит к выводу, что «в пределах акцентного слова может быть морфологическая граница особого типа: такая, за которой следует нормальная просодическая структура слова, но перед которой возможны только неакцентированные слог»¹¹. Граница акцентного слова не совпадает поэтому с морфологической границей в случае проклитик, тогда как об энклитиках мы не можем этого сказать, поскольку они образуют в акцентном отношении одно целое с предшествующим словом и потому отвечают грамматическому критерию непроницаемости и неотделимости (слово может быть распространено лишь за счет других энклитик в определенной последовательности).

Предложные проклитики отделимы от следующего слова ('na — lijepo — more', 'u — veliku — kuću'), однако для отрицания характерна неотторжимость или ограниченная отторжимость, как и для энклитик.

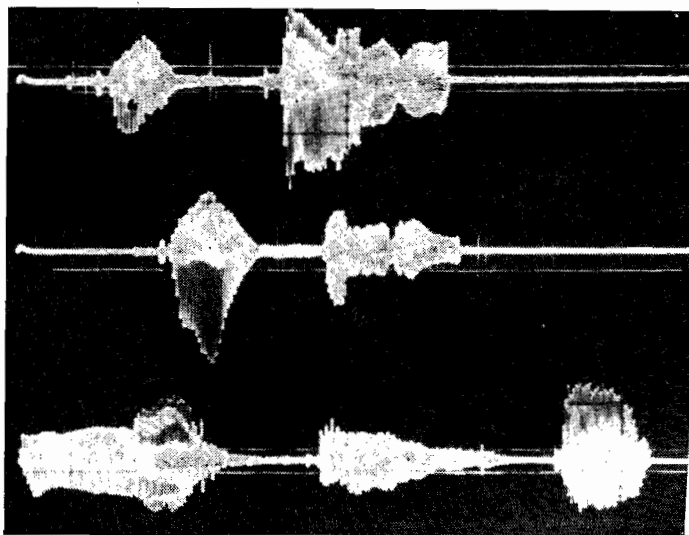
Предложные проклитики неотторжимы от следующего слова только в случае, если они образуют с ним наречное сочетание. В акцентном отношении это проявляется тогда, когда проклитика (иногда даже по аналогии) перетягивает на себя ударение. Следовательно, и в данном случае акцентный и грамматический критерий совпадают.

5.2. Рассмотрим подробнее примеры, где проклитика отделима от следующего слова.

Осциллограф, примененный для измерения речевого сигнала, показывает, что интенсивность (наблюдаемая как амплитуда), делимитативный показа-

¹¹ См: «Зборник за филологију и лингвистику», X, стр. 83:

тель акцентного слова, связывает проклитику со следующим словом там, где они и по иным критериям неразделимы. В остальных случаях при наличии проклитики слово составляет особую, отдельную акцентную единицу, начало которой сигнализируется возрастающей, относительно более высокой интенсивностью.

Предлагаемая фотография показывает изолированные примеры, выделенные из связного произнесенного текста (ударность показана курсивом):

1. *po soli*, 2. *posoli*, 3. *ne uzda*.

Проклитика *ne*, которая обычно образует одно целое со следующим словом, совершенно иначе соотносится с этим словом, чем предложная проклитика. Отношение между /ne/ и /uzda/ больше похоже на отношение /po/ и /soli/, чем /po/ и /soli/.

Проклитика всегда содержит [+тоновый] гласный. Она составляет самостоятельное акцентное слово, тогда как акцентное целое за ним — следующее акцентное слово.

Ивнич приводит из новоштокавских областей (с современной литературной акцентуацией) и такой пример, как '*otac i mati*', где '*i mati*' является одним словом в акцентном морфологическом (из-за нерасторжимости) и смысловом отношении. Очевидно, что этот пример параллелен примеру '*na brzinu*', который я отметила в Лознице: '*Spremi se na brzinu*', но '*Pa-zite na brzinu!*'¹².

Если в случае '*i mati*' (с ударением на существительном) никто не станет сомневаться, что здесь представлено два слова, то мы не должны сомневаться в этом и в примерах типа '*na brzinu*' или '*na more*', '*u kuću*'.

Если согласиться с тем, что в сербскохорватской вокалической и акцентной системе место максимума частоты основного тона является релевантным признаком и что взаимные отношения максимумов частоты представляют собой основной фактор, регулирующий суперсегментные явления, то мы получим более полную систему, поскольку и некоторые отклонения от нее можно объяснить описанными особенностями тоновых параметров.

¹² Ср. В. М. N i k o l i ć. *Osnovi mlade novoštokavske akcentuacije*. Beograd, 1970, s. 37.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ¹

Рецензуемые книги изданы Общественным комитетом болгаро-советской дружбы в новой тематической серии «Летопись дружбы».

Том 1, посвященный 25-й годовщине социалистической революции в Болгарии, называется «Социалистическая революция в Болгарии и дружба с Советским Союзом». Примечателен состав редколлегии сборника: в нее входят историки, в том числе военные, экономисты, литературоведы. И так же широко и разнообразно содержание книги, в которой наряду с историческими статьями много литературоведческих и экономических работ, хотя последние представлены в меньшей степени. Но это разнообразие только усиливает впечатление цельности сборника, главная мысль которого — показ места и значения болгаро-советской дружбы в прошлом, настоящем и будущем болгарского народа — получает таким образом аргументацию на основании данных нескольких видов научного знания.

Статьи носят преимущественно исследовательский характер, большинство из них базируется на архивном и специальном материале, многие источники впервые вводятся в научный оборот. Ценность издания, однако, состоит в том, что оно доступно и для массового читателя и, несомненно, сыграет свою роль в политико-массовой работе болгарских коммунистов.

Том 1 открывается статьей Ц. Драгойчевой «Великая и нерушимая болгаро-советская дружба». Ц. Драгойчева, так много сделавшая для превращения движения за болгаро-советскую дружбу в массовое, всенародное, пишет: «Экономическое, политическое и культурное сближение между Болгарией и Советским Со-

юзом является объективной необходимостью, корни которой лежат в самой природе социализма и коммунизма. Обе наши страны имеют одинаковую социально-экономическую основу при однотипности нашего государственного строя и общности интересов и задач. Нас осеняет одно и то же знамя — знамя социализма и коммунизма, под ним идут и впредь будут идти рука об руку два наших братских народа. Все это создает и объективные предпосылки единства и всестороннего сотрудничества между двумя нашими странами, предпосылки нерушимой болгаро-советской дружбы» (стр. 22). Эти слова могли бы служить своеобразным эпиграфом ко всему сборнику. Две другие статьи вводной части — «Деятельность Общества советско-болгарской дружбы» и «Чудеса советско-болгарской дружбы» — принадлежат Герою Советского Союза М. Чечневой, заместителю председателя Центрального правления Общества советско-болгарской дружбы, и генералу А. Гундорову, бывшему председателю Всеславянского комитета.

Первая часть 1-го тома посвящена советско-болгарской дружбе, ее формам и проявлениям в период назревания социалистической революции в Болгарии вплоть до победы восстания 9 сентября 1944 г. Здесь собраны только исторические работы, отражающие отдельные аспекты темы. В статьях М. Дыхана — «Болгарские политэмигранты в социалистическом строительстве СССР (1925—1928 гг.)», Н. Станевой — «Некоторые мысли и факты о первых болгаро-советских обществах (1934—1939)», Н. Горненского — «БКП в борьбе против антикоммунизма болгарских правительств (от мюнхенских дней сентября 1938 г. до 9 сентября 1944 г.)», Л. Валева — «Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и болгарская общественность» на основе большого документального материала рассматривается конкретная историческая проблематика, в результате чего значительно расширяется наше представление о теме. Несколько иной характер носит статья В. Хаджиниколова «Революционный процесс в Болгарии и вторая родина Георгия Димитрова». Ав-

¹ «Летопис на дружбата». Т. 1. Социалистическата революция в България и дружбата със Съветския Съюз. София, 1969, 596 стр.; т. 2, В. И. Ленин и историческият път на България. София, 1970, 558 стр.; Към «Летопис на дружбата»: Светът за дружбата със Съветския Съюз. Материали от Международната среща на съветската общественост с дейци на чуждестранните дружества за дружба със СССР. София, 1970, 434 стр.

тор ее, поставив перед собой три основных вопроса: что приобрел Г. Димитров, получив после победы на Лейпцигском процессе советское гражданство; что дал Г. Димитров болгарскому революционному движению благодаря тому, что Советский Союз стал его второй родиной; какое значение для развития марксистско-ленинской теории имело многолетнее пребывание Г. Димитрова в СССР, делает интересную попытку философски осмыслить одно из важнейших десятилетий в жизни Г. М. Димитрова, по-своему, нестандартно подойти к известным, в основном, фактам. Статьи Г. Чернявского «Революционное движение в Болгарии в 1925—1929 гг. и советская печать» и А. Шнитмана «Газета „Правда“ о революционной борьбе болгарского народа в 1941—1944 гг.» стоят ближе к жанру исторической библиографии, удачно дополняя первый раздел сборника.

Второй раздел сборника хронологически охватывает период с победы восстания 9 сентября 1944 г. до наших дней. Его проблематика хорошо отображена в названии: «По примеру Советского Союза и с его помощью по пути строительства социализма». Открывает раздел статья историка А. Накова «Болгаро-советская дружба в годы Отечественной войны болгарского народа (1944—1945)», а закрывает — работа экономиста Гр. Попсакова «Сближение экономики НР Болгарии и Советского Союза». Разумеется, все вопросы советско-болгарской дружбы и сотрудничества столь значительного периода и не могли быть полностью отражены в трех других статьях этого раздела, но авторы каждой из них вносят свой вклад в раскрытие общей темы. Характерно, что, несмотря на различие творческого метода каждого из авторов, все они едины в оценке болгаро-советской дружбы как мощного политического фактора в борьбе за построение социализма и коммунизма (см. К. Петров «Технический прогресс в болгарской экономике и решающая помощь Советского Союза», Цв. Желязова «Новый этап в развитии болгаро-советской дружбы»). Особенно подробно останавливается на этом вопросе Д. Пещаный в статье «Движение за болгаро-советскую дружбу и создание политических условий для массового кооперирования болгарских крестьян. 1948—1950 гг.». Разрабатывая и конкретизируя тезис Т. Живкова о том, что благодаря политике БКП болгаро-советская дружба стала важным фактором и движущей силой общественно-политического и культурного развития Болгарии, Д. Пещаный на опыте изучения массового кооперирования болгарского крестьянства констатирует: «Болгарский пример позволяет сделать вывод о том, что постоянная забота коммунистической партии о всестороннем развитии этого движения дает огромные политические результаты

и преимущества, облегчающие решение многих задач социалистического строительства в деревне. В странах, где этот благоприятный фактор не используется оптимально, где он не превращается во внутривнутриполитическую силу для решения конкретных задач социалистического строительства, там гораздо больше трудностей и осложнений, чем в НРБ» (стр. 311).

Третий раздел тома посвящен вопросам влияния болгаро-советской дружбы на литературу и культуру обеих стран: «Советская литература и развитие социалистического реализма в болгарской литературе» В. Колевского, «Тема болгаро-советской дружбы в болгарской и советской поэзии» С. Русакиева, «Новый советский исторический роман и историческая проза в Болгарии до 9 сентября 1944 г.» К. Топчиевой. Названия этих статей говорят о том, какие важные проблемы поднимаются в них. Вопросы болгаро-советских культурных связей рассматриваются в этом разделе и на примере отдельных советских республик, в частности Украины (П. Сохань «Страницы из истории украинско-болгарских культурных связей. 1944—1948 гг.») и Молдавии (А. Мадиевский. «Культурные связи Молдавской ССР с НР Болгарией»). Полезным и интересным является, на наш взгляд, приложенный к статье П. Соханя подробный перечень произведений украинских писателей, переведенных на болгарский язык и вышедших в Болгарии в 1949—1968 гг., и произведений болгарских писателей, изданных в те же годы в переводе на украинский язык.

В третьем разделе помещена также статья Хр. Дудевского «Образ В. И. Ленина в болгарской художественной литературе», служащая своеобразным мостом между 1- и 2-м томами «Летописи дружбы».

Том 2 — «В. И. Ленин и исторический путь Болгарии» — посвящен 100-летию со дня рождения великого вождя революции. Это издание также многопланово по представленному в нем материалу, по привлечению в качестве авторов специалистов различного профиля. Составители 2-го тома стремились прежде всего донести до читателя мысль о жизненности и неугасимости ленинских идей, об их преобразующей роли в современном мире. Закономерно поэтому первое место во 2-м томе занимает проблематика, связанная с претворением ленинских идей в практике социалистического строительства Болгарии, с актуальностью их звучания сегодня, с тем новым, что вносят в развитие марксистско-ленинского учения болгарские коммунисты. Этот раздел сборника весьма объемный и многоплановый. Среди его авторов — философы, экономисты, историки, юристы, инженеры, и это позволяет читателю получить представление о том, как были при-

менены в конкретных условиях Народной Республики Болгарии идеи В. И. Ленина о развитии науки и техническом прогрессе (Н. Наплатанов), теория производительности труда (А. Алексиев), ленинские мысли по вопросам индустриализации (М. Димитров), развития большой химии (М. Герасимов), внешнеторговым отношениям (Гр. Пописаков), государства и права (Б. Спасов). Ряд статей этого раздела носит преимущественно теоретический характер, авторы их стремятся осмыслить всю глубину той или иной стороны ленинского наследия с позиций современного знания. К ним относятся философская работа акад. Т. Павлова «Ленинская диалектика как наиболее общий метод и высшая математика социалистической революции», опирающаяся на большой современный материал. Это также статьи акад. Ж. Натана «В. И. Ленин и развитие марксистской экономической мысли в Болгарии» и Л. Б. Валева «Ленинские принципы социалистического строительства и их осуществление в Народной Республике Болгарии». Это, наконец, статья В. Хаджиниколова «Ленинское учение об основах социализма и его применение в Болгарии», в которой автор поднимает интересный вопрос о разнообразии толкования в литературе понятия основы социализма и этапов его построения.

Но глубокое овладение ленинизмом и построение социализма в Болгарии было бы невозможно без длительного периода революционной борьбы болгарского народа против капитализма и фашизма, без большевизации Болгарской коммунистической партии. Историческому прошлому, в котором коренятся настоящие успехи НРБ, отведена вторая часть тома. В разделе восемь статей и в центре каждой из них — В. И. Ленин, его идеи, их преломление в революционной борьбе болгарского народа. Две статьи посвящены деятелям БКП — основателю партии Д. Благоеву (А. Шнитман. «Влияние ленинизма на восприятие Д. Благоевым Великой Октябрьской социалистической революции») и соратнику В. И. Ленина Роману Аврамову (А. Веков). Последняя биографична, о Р. Аврамове до последнего времени вообще было мало что известно, в первой же ставится вопрос о постепенном преодолении Д. Благоевым отрицательных сторон тесноты и повороте его к ленинизму. Эту важную тему продолжают А. Аврамов — применительно к Болгарской коммунистической партии в целом (в статье «Об этапах и значении овладения БКП ленинизмом») и на опыте болгарского молодежного революционного движения — И. Александров. Влияние ленинских идей на развитие революционной борьбы болгарского народа в период непосредственно после Октябрьской революции исследует М. Бирман («Ленинский Декрет о мире

и партия тесных социалистов. Конец 1917 — начало 1919 г.»), в годы второй мировой войны Н. Горненский («Ленинские положения о революционной борьбе и партизанском движении в Болгарии в 1941—1944 гг.»). Об отношении к революционным преобразованиям в России со стороны Болгарского земледельческого народного союза пишет Д. Ташев. В его статье приводится интересный фактический материал. В этом же разделе помещена статья Р. Каймакчиевой «Болгарская прогрессивная медицинская общественность и ленинские идеи в области здравоохранения и медицины в период до 9 сентября 1944 г.»

Последняя часть тома озаглавлена «В. И. Ленин и болгарское художественное творчество». Этот раздел сравнительно невелик, но авторы помещенных в нем статей касаются очень важных вопросов: влияния идей Ленина и Октябрьской революции на развитие социалистического реализма в болгарском искусстве (М. Цончева), образ В. И. Ленина в творчестве болгарских художников (В. Иванова) и писателей (И. Цонев). Заключает раздел и весь том статья В. Велчева «Издания единомышленников Ленина в Западной Европе и болгарская литература (1905—1911)», в которой на основе новых архивных материалов прослеживаются связи между революционной русской социалистической эмиграцией в Европе после первой русской революции и болгарской литературой.

Каждый из сборников характеризуется единством замысла и воплощения, большой целеустремленностью авторских коллективов, что не всегда удается в такого рода изданиях. Очевидно, и в данном случае болгаро-советская дружба сыграла свою положительную роль, объединив воедино советских и болгарских авторов.

В 1970 г. Общественный комитет болгаро-советской дружбы как приложение к «Летописи дружбы» издал материалы международной встречи советской общественности с активистами зарубежных обществ дружбы с СССР, состоявшейся в Москве в дни празднования 100-летнего юбилея В. И. Ленина. В ней приняли участие представители ассоциаций и союзов друзей СССР 70 стран мира. Том вышел под названием «Народы мира о дружбе с Советским Союзом». В нем опубликованы приветствие председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного участникам встречи, доклад председателя Союза советских обществ дружбы и культурных связей с заграницей Н. В. Поповой «Преобразующая и жизнеутверждающая сила ленинских идей в развитии человеческого общества, в укреплении мира и дружбы между народами», прочитанный на пленарном заседании, доклады, произнесенные в рабочих комиссиях, выступления участников встречи. В том вошли также основ-

ные документы, принятые в результате встречи, в том числе «Обращение участников встречи к обществам, институтам и ассоциациям дружбы и культурных связей с Советским Союзом, к друзьям Советского Союза за границей».

Три книги, о которых шла речь в нашем кратком обзоре, прекрасное свидетельство того, как много делает Общеза-

родный комитет болгаро-советской дружбы во главе с Ц. Драгойчевой для развития и укрепления болгаро-советской дружбы, для пропаганды идей ленинизма в Болгарии, для воспитания болгарского народа в духе пролетарского интернационализма.

Р. Гришина

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

Изучение истории польско-советских отношений широко развернулось в народной Польше¹.

Очень трудно в настоящем обзоре перечислить все достижения польских историков, так как многосторонняя проблема польско-советских отношений имеет для Польши существенное значение и вся польская историография новейшего времени в какой-то степени связана с этой проблемой. Здесь мы ограничимся только сферой межгосударственных отношений и работами, имеющими узловое значение.

Вначале изучением проблем польско-советских отношений в народной Польше занимались в Отделе исторических исследований Польско-советского института, который существовал в 1952—1957 гг., и частично на возникших тогда же университетских кафедрах истории народов СССР. Для разработки этой темы в Польской академии наук был специально создан Институт истории польско-советских отношений. Этот институт располагает двумя журналами: научным, периодическим «Из истории польско-советских отношений. Исследования и материалы» (к настоящему времени вышло уже восемь номеров) и ежеквартальным журналом «Информационный бюллетень».

Проблемы польско-советских отношений исследуются также в Военно-историческом институте в аспекте польско-советского братства по оружию; в Польском институте международных отношений — в аспекте политических взаимоотношений; в Институте истории польского и международного рабочего движения Высшей школы общественных наук — в аспекте международного рабочего движения — и в Отделе новейшей истории Института истории ПАН.

История польско-советских отношений не получила еще синтетического обобщения².

Существуют, правда, статьи, посвященные некоторым чертам такого подхода, но узкие рамки этих статей приводят к тому, что сам предмет исследования трактуется в них очень поверхностно³. В качестве предварительных усилий, направленных к обобщению, можно рассматривать попытки периодизации истории польско-советских отношений. Первым опытом в этом отношении можно считать статью В. Дашкевича, В. Т. Ковальского и С. Лопатюка⁴.

Более значительными являются результаты в области аналитических исследований. Для проведения таких исследований большое значение имеют шесть томов «Документов и материалов по истории польско-советских отношений», охватывающих 1917—1938 гг. Это совместное издание Института истории польско-советских отношений ПАН и Института славяноведения и балканистики АН СССР⁵. На основе библиографии работ по интересующей нас проблеме нетрудно сориентироваться, что это издание, содержащее несколько тысяч документов, в большинстве своем ставших доступными впервые, явилось определенным переломом в исследованиях.

При исследованиях польско-советских отношений имеют значение и другие издания, в которых опубликованы документы Версальской конференции 1919 г.⁶, протоколы Совета государственной обороны, действовавшего в кульминационный

² T. Cieślak. Synteza pilnie poszukiwana. «Życie Literackie», 1965, № 45, s. 1—2.

³ См. J. Jurkiewicz. Niektóre problemy stosunków polsko-radzieckich w okresie międzywojennym 1918—1939. Z dziejów..., t. 2, 1966.

⁴ Z dziejów..., t. 6, 1970.

⁵ «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich». Warszawa, t. 1—6; «Stosunki polsko-radzieckie 1917—1945». Warszawa, 1967.

⁶ «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu. Dokumenty i materiały», t. 1—3. Warszawa, 1965—1968.

¹ Проблему историографии польско-советских отношений кратко изложил М. Тянты в статье «Historia ZSRR i stosunków polsko-radzieckich XIX i XX w. w historiografii Polski Ludowej». «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały» (далее — Z dziejów...), t. 5, 1969.

период польско-советской войны 1920 г.⁷, а также справочник по архивным материалам, отображающим влияние Октябрьской революции на события в Польше в 1919—1921 гг.⁸. Много документов о польско-советских отношениях в межвоенный период было опубликовано на страницах издания «Из истории польско-советских отношений»⁹, но подробная их характеристика выходит за рамки настоящей статьи. Иногда публикации материалов по проблеме польско-советских отношений встречаются на страницах других периодических изданий¹⁰.

Для изучения периода второй мировой войны принципиальное значение имеет подготовленный Институтом истории международных отношений сборник документов «Польский вопрос в международных отношениях периода второй мировой войны». Польско-советское братство по оружию нашло отражение в подборке источниковедческих материалов «Орга-

низация и боевые действия народного Войска Польского. 1943—1945»¹¹.

Менее доступны материалы о послевоенных польско-советских отношениях. При изучении этого периода следует прибегать к официальным публикациям. Ценным дополнением служат также периодическое издание «Сборник документов»¹².

Работы по польско-советским отношениям, созданные за последнюю четверть века, существенно отличаются друг от друга. Наиболее обстоятельно и широко изучены события 1917—1919 гг.¹³. Среди многих поднятых проблем большого внимания заслуживает вопрос международного значения Октябрьской революции и ее влияния на завоевание Польшей независимости. Много внимания этой теме уделил Г. Яблоньский¹⁴. Параллельно эту проблему исследовала Н. Гонсэровская¹⁵, а немного позже — Т. Цесляк¹⁶.

¹¹ «Organizacja i działanie bojowe Ludowego Wojska Polskiego 1943—1945», t. 1, Warszawa, 1958; t. 2, cz. 1, 1962.

¹² С 1945 г. издавался под редакцией Е. Маковского, позже — Польского института международных отношений.

¹³ Общую характеристику литературы, изданной к 50-летию Октябрьской революции см: Е. В а с и л с к и. Historycy polscy wobec 50-lecia Rewolucji Październikowej. Z dziejów..., t. 4, 1965.

¹⁴ Н. Я б л о н ь с к и. Odzyskanie niepodległości Polski w 1918 r. «Nowe Drogi», № 1, 1958; е г о ж е. Rewolucja Październikowa a odbudowa Państwa Polskiego w 1918 r. «Z pola walki», 1958, № 1; е г о ж е. Powstanie II Rzeczypospolitej w 1918 r. na tle dziejów Europy. «Kwartalnik Historyczny», 1958, № 4; е г о ж е. Znaczenie Rewolucji Październikowej dla kształtowania się bytu narodowo-państwowego i stosunków społecznych w Polsce. W: «Rewolucja Październikowa a Polska». Warszawa, 1967; е г о ж е. Rewolucja Październikowa a sprawa niepodległości Polski. Warszawa, 1967; е г о ж е. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a Polska. Warszawa, 1967 (вместе с А. Кручковским).

¹⁵ Н. Г а с и о р о в с к а. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a wyzwolenie i zjednoczenie Polski. Zesz. Nauk. Uniwersytetu Łódzkiego, ser. 1, zesz. 11, 1958.

¹⁶ Т. Ц е с л ь а к. Geneza sojuszu polsko-radzieckiego. Z dziejów..., t. 2, 1966; е г о ж е. Udział Polaków w Rewolucji Październikowej. W: «Rewolucja Październikowa a Polska». Warszawa, 1967; е г о ж е. Polacy a Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa. Warszawa, 1967; е г о ж е. Wielka Socjalistyczna Rewolucja Październikowa a sprawa niepodległości Polski. Warszawa, 1967; а также через призму биографическую в его статье Ленин а sprawa niepodległości Polski. Z dziejów..., t. 7, 1970.

⁷ Z dziejów..., t. 1, 1965, s. 136—317.

⁸ «Informator o materiałach w archiwach PRL. Rewolucja Październikowa i jej wpływ na sprawy polskie w latach 1917—1921». Warszawa, 1967.

⁹ R. W e r f e l. Sladami leninowskiego dekretu (Niektóre materiały do dziejów Komisariatu do Spraw Polskich 1917—1918). Z dziejów..., t. 7, 1970; A. D e r u g a. Nieznane dokumenty do dziejów polityki wschodniej Polski 1918—1919. Ibid., t. 6, 1970; W. G o s t y Ń s k a. Materiały archiwalne o tajnych rokowaniach polsko-radzieckich w Baranowiczach i Białowieży w 1919 r. Ibid., t. 4, 1969; St. W r o Ń s k i. Współdziałanie rządu polskiego z emigracyjnymi organizacjami antyradzieckimi w l. 1918—1938. Ibid., t. 3, 1968; K. S i e r o s k a. Centralna Sekcja Polska Wszechzwiązkowego Zjednoczenia Piszarzy Proletariackich (w 1929 r.). Ibid., t. 7, 1971; S. Ł o p a t n i u k. Misja Wiktora Koppa w Warszawie w 1923 r. Ibid., 1971; е г о ж е. Przed Locarnem. Ibid., t. 6, 1970; е г о ж е. Nieznane dokumenty archiwalne z polsko-radzieckich rokowań o pakt o nieagresji (1927—1932). Ibid., t. 5, 1970; е г о ж е. Protokół moskiewski z 9 lutego 1929 r. Ibid., t. 4, 1969; K. P y t l a r c z y k. Polsko-radziecka współpraca kulturalna w pierwszych latach Polski Ludowej. Ibid., t. 8, 1971.

¹⁰ M. L e c z y k. Zasady polityki polskiej wobec Rosji Radzieckiej w świetle memoriału MSZ z 1922 r. «Zeszyty Naukowe WAP», ser. historyczna, № 20. Warszawa, 1969; A. G a r l i c k i. Memoriał W. Świętosławskiego o sytuacji nauki w Związku Radzieckim. «Przegląd Historyczny», 1960, zesz. 3; A. W i e r z b i c k i. Pięćtygodniowa wycieczka do ZSRR, wspomnienia. «Najnowsze dzieje Polski 1914—1939», t. 14, 1969.

Необходимо также отметить книгу Ю. Ковальского «Великая Октябрьская социалистическая революция и освобождение Польши». Совершенно очевидно, что невозможно перечислить все работы по этой проблеме¹⁷. Вместе с тем, не следует забывать некоторые другие работы, в которых рассматривается деятельность советской дипломатии, направленная на аннулирование договоров о разделах Польши¹⁸.

Важной проблемой является вопрос об участии поляков в Октябрьской революции и гражданской войне в России. Этому вопросу посвящены воспоминания С. Будзыньского, А. Яворского, В. Ястшембского, С. Пестковского, Э. Семиля и Я. Северской, опубликованные в нескольких сборниках¹⁹. Эти воспоминания показывают отношение поляков к событиям, происходившим тогда в России.

Детальному и многостороннему исследованию судеб поляков в России посвящены две монографии — «Поляки в революции 1917 г.» (Варшава, 1967) и «Польские левые группировки в России в 1918—1920 гг.» (Варшава, 1971), написанные В. Найдус. Этим вопросом занимались

также З. Лукавский, Г. Занд, А. Коханьский²⁰. Последний является главным редактором ценного научного справочника, биографического словаря, содержащего свыше семи тысяч имен («Книга поляков — участников Октябрьской революции»).

Более подробно и основательно изучены польские организации и военные формирования, принимавшие участие в Октябрьской революции и гражданской войне. Л. Гросфельд, А. Заторский и М. Вжосек посвятили им монографии и многочисленные статьи²¹.

Продолжением этих исследований являются работы К. Кавецкой и А. Слия о польской школе и периодической печати в СССР, К. Серонкой и М. Степень о деятельности польской эмиграции в СССР в области культуры и литературы в межвоенный период²². Политика Регентского совета и польско-советские отношения в 1918 г. разработаны пока еще фрагментарно²³. Довольно много сделано в последние годы в области изучения предпосылок польско-советской войны 1920 г.

²⁰ A. K o c h a ń s k i. Polacy w dyplomacji radzieckiej. «Sprawy Międzynarodowe», № 10, 1967; Z. Ł u k a w s k i. Polityka polskich organizacji w Rosji w sprawie powrotu uchodźców do kraju. «Kwartalnik Historyczny», 1967, № 3; H. Z a n d. Przyczynek do udziału Polaków w organizowaniu i utrwalaniu władzy radzieckiej. «Materiały i studia WSNs», t. 4, 1963.

²¹ L. G r o s f e l d. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. Warszawa, 1957; M. W r z o s e k. Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917—1918. Warszawa, 1969; A. Z a t o r s k i. Lewica wojskowa w Rosji. Warszawa, 1971; e g o ж е. Dzieje pułku biełgorodzkiego. Warszawa, 1960.

²² A. S l i s z. Prasa polska w Rosji 1915—1919. Warszawa, 1968; e g o ж е. Polska prasa komunistyczna w ZSRR w latach 1917—1927. «Kwartalnik Prasoznawczy», 1958, zesz. 1—2; e g o ж е. Polska prasa rewolucyjna na Ukrainie i Białorusi w latach 1917—1923. Z dziejów..., t. 3, 1968; K. K a w e c k a. Z dziejów szkolnictwa polskiego w Związku Radzieckim, 1917—1923. Z dziejów..., t. 7, 1970; K. S i e r o c k a. Z dziejów czasopiśmiennictwa polskiego w ZSRR 1929—1937. Warszawa, 1963; e e ж е. Polonia radziecka 1917—1939; e e ж е. Z działalności kulturalnej i literackiej. Warszawa, 1968; e e ж е. Literackie dzieje polonii radzieckiej a wspomnienia, listy, opracowania. Z dziejów..., t. 7, 1970; M. S t ę p i e ń. Zagadnienia literackie w publicystyce Polonii radzieckiej 1918—1939. Wrocław, 1968.

²³ L. Z y b l i k i e w i c z. Lenin wobec pokoju brzeskiego. «Zeszyty Historyczne Uniwersytetu Jagiellońskiego», 1967, № 20.

¹⁷ Более подробный обзор работ по данной проблеме см.: L. B a z y ł o w. Problem Rewolucji Październikowej w historiografii polskiej po 1944 r. «Najnowsze dzieje Polski. Studia i materiały z okresu 1914—1939», t. 12, 1967; H. Ł o w m i a ń s k i. Historiografia polska o Rewolucji Październikowej. «Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza». Historia, zesz. 9, 1967; M. Z a k r z e w s k a - D u b a s o w a. Lenin w historiografii Polski Ludowej 1958—1968. Z dziejów..., t. 7, 1970.

¹⁸ H. B a t o w s k i. Dyplomatyczna geneza unieważnienia rozbiorów przez Rosję. «Życie Słowińskie», 1948, № 10; e g o ж е. Nota radziecka do Niemiec z 3 września 1918 r. «Sprawy Międzynarodowe», zesz. 9, 1958; e g o ж е. Międzynarodowe znaczenie publikacji tajnych traktatów przez Rosję Radziecką w 1917 r. «Prace Historyczne Uniwersytetu Jagiellońskiego», zesz. 20, 1967; J. W i l d e r. Wpływ rosyjskiej Rewolucji Październikowej na stanowisko zachodnich aliantów wobec sprawy polskiej. «Kwartalnik Historyczny», 1957, № 6.

¹⁹ «Polacy w Rosji wobec Rewolucji Październikowej. Wybór dokumentów». Oprac. W. Pomykało. Warszawa, 1957; «Wspomnienia Polaków, uczestników Rewolucji Październikowej». Red. Cz. Gawron. Gdynia, 1957; «Wspomnienia Polaków o rewolucji Październikowej». Warszawa, 1957; «Wspomnienia o udziale Polaków w Rewolucji Październikowej i wojnie domowej w Rosji 1917—1921». Warszawa, 1967.

Можно назвать книгу А. Дерюги «Восточная политика Польши в отношении Литвы, Белоруссии и Украины», характеризующую период, когда с отводом немецких войск Ober-Ost Польша оказалась в непосредственном контакте с государствами, ищущими решения своего будущего на пути социальной революции. Монография А. Дерюги и другие работы²⁴ раскрывают многие аспекты внешней политики Польши и ее экспансионистские устремления на восток. Советско-польские переговоры той поры изложены Ю. Серадзким в книге «Беловежа и Микашевичи» (Варшава, 1959). Полемизуя с ним, этого вопроса касалась В. Гостыньская²⁵.

В книге П. Лоссовского рассматриваются польско-литовские отношения 1918—1920 гг. В статьях других историков освещаются весьма существенные детали, связанные с проблемой восточной границы Польши, политики Пилсудского, союза буржуазной Польши с петлюровскими националистами²⁶. Ряд вопросов этой

²⁴ W. B a l s e r a k. Koncepcje integracyjne w polskiej polityce zagranicznej (1918—1939). «Dzieje Najnowsze», 1970, zesz. 1; S. M i k u l i c z. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.

²⁵ W. G o s t y Ń s k a. Rola Juliana Marchlewskiego w tajnych rokowaniach polsko-radzieckich. «Z pola walki», 1966, № 4; е е ж е. Tajne rokowania polsko-radzieckie w Mikaszewiczach. «Z pola walki», 1967, № 4.

²⁶ W. G o s t y Ń s k a. Polityka polska wobec Litwy i Białorusi (październik 1918 — styczeń 1919). Z dziejów..., t. 1, 1965; J. K u k u ł k a. Niektóre aspekty międzynarodowe polityki Piłsudskiego wobec ziem litewsko-białoruskich. «Studia z dziejów powszechnych WSNS», t. 2, 1962; A. D e r u g a. Inicjatywa Lenina w sprawie uregulowania stosunków z Polską na przełomie lat 1918—1919. «Dzieje Najnowsze», 1970, № 2; е р о ж е. Leninowska polityka zagraniczna a geneza Litewsko-Białoruskiej Republiki Radzieckiej. Z dziejów..., t. 7, 1970; J. O c h m a Ń s k i. Kulisy wyprawy wileńskiej Piłsudskiego. Z dziejów..., t. 3, 1968; H. J a b ł o Ń s k i. Z dziejów genezy sojuszu Piłsudski-Petlura. «Zeszyty Naukowe WAP», Seria historyczna, 1961, № 5; A. D e r u g a. Początek rokowań o sojusz między Piłsudskim a Petlura. Z dziejów..., t. 6, 1970; T. J ę d r u s z c z a k. Stanowisko Polski i mocarstwa Ententy w sprawie polskiej granicy wschodniej. «Sprawy Międzynarodowe», 1959, № 6; L. G r o s f e l d. Piłsudski-Sawinkow. «Studia historyczne». Księga jubileuszowa z okazji 70 rocznicy urodzin prof. dr. St. Arnolda. Warszawa, 1965; A. J u z w e n k o. Sprawa uznania rządu Kołczaka w polskiej polityce zagranicznej

temy затрагивается в работах Е. Красуского, Ю. Кукулки и Р. Бержанки — о внешней политике Польши; Г. Яблоньского — о внутренних проблемах; М. Лечка и А. Лейнванда — о польских политических организациях²⁷.

Польско-советские отношения в 1920 г. в научном плане получили освещение в первой части 4-го тома «Истории Польши», написанной Т. Ендрущакom. В статье М. Гринберг эта проблема рассматривается очень узко²⁸. История польско-советской войны и мирных переговоров в Риге кратко излагается в работах Лейнванда, Кукулки, Красуского, Лоссовского и других, но в нашей историографии остается пока еще аналитически не разработанной.

В 1971 г. появилась монография Е. Куманецкого «После Рижского договора», в которой рассматриваются польско-советские отношения в 1921—1923 гг. Куманецкий наряду с изучением отношений между Польшей и СССР занялся также вопросом международных конференций, состоявшихся в 1922 г. Конференция в Генуе уже раньше освещалась С. Микуlichem в серии статей и в книге «От Генуи до Рапалло» (Варшава, 1965). О конференции по разоружению, которая состоялась в Москве при участии СССР, Польши и балтийских государств, писал Я. Юркевич²⁹.

В рамках польско-советских отношений польско-украинскими отношениями занимались многие авторы. Наиболее обстоятельно этот вопрос был изложен Э. Закс в трех больших статьях³⁰. Поль-

w l. 1918—1920. «Studia z dziejów powszechnych WSNS», t. 4, 1963; A. L e i n w a n d. Polska a Denikin. «Zeszyty Naukowe WAP», 1964, № 10, seria historyczna, № 11.

²⁷ J. K r a s u s k i. Stosunki polsko-niemieckie 1919—1925. Poznań, 1963; J. K u k u ł k a. Polska a Francja. Warszawa, 1971; R. B i e r z a n e k. Państwo polskie w politycznych koncepcjach mocarstw zachodnich 1917—1919. Warszawa, 1964; H. J a b ł o Ń s k i. Narodziny II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1962; M. L e c z y k. Komitet Narodowy Polski a Ententa i Stany Zjednoczone. Warszawa, 1966; A. L e i n w a n d. PPS wobec wojny polsko-radzieckiej 1919—1920. Warszawa, 1964.

²⁸ M. G r i n b e r g. Z zagadnień wojny polsko-radzieckiej. W: «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce w latach 1914—1923». Warszawa, 1960.

²⁹ J. J u r k i e w i c z. Moskiewska konferencja rozbrojeniowa w grudniu 1922 r. Z dziejów..., t. 1, 1963.

³⁰ Э. З а к с. Radziecka Rosja i Ukraina wobec sprawy państwowej przynależności Galicji Wschodniej (1920—1923). Z dziejów..., t. 6, 1970; е е ж е. Galicja Wschodnia w polskiej polityce zagranicznej (1921—1923). Z dziejów..., t. 8, 1971;

ско-литовские и польско-балтийские отношения в этот период затрагивались историками с точки зрения их влияния на польско-советские отношения ³¹.

Польско-советские отношения в 1924—1926 гг. освещались в книге В. Бальцера «Внешняя политика Польши в период Локарно» (Варшава, 1967). Значительный интерес представляют статьи С. Лопатнюка по политическим и экономическим вопросам польско-советских отношений ³².

Большое внимание уделено проблеме разоружения. Так называемый протокол Литвинова, подписанный в 1929 г., был проанализирован С. Лопатнюком в статье «Польско-советские переговоры по вопросу заключения пакта о ненападении 1925—1932 гг.» ³³.

Позиция польской и советской стороны при обсуждении проблемы разоружения в Лиге Наций и в ходе дипломатических встреч польских и советских представителей в Женеве и Лондоне была исследована В. Миховичем ³⁴. Польско-советскому пакту 1932 г. о ненападении посвятит две статьи С. Забелло ³⁵. Этот пакт и дальней-

ее же. *Sprawa Galicji Wschodniej w Lidze Narodów...* «Najnowsze dzieje Polski 1914—1939», т. 12, 1969; см. также сборник документов «Rola nafty w kształtowaniu stosunku państw zachodnich do sprawy Galicji Wschodniej 1918—1919». Warszawa, 1958 и статьи Z. Z a k s. *Walka dyplomatyczna o naftę wschodniogalicyską 1918—1923. Z dziejów...*, т. 4, 1969; J. K u k u ł k a. *Sprawa Galicji Wschodniej w stosunkach polsko-francuskich przed podpisaniem Traktatu Wersalskiego. «Studia z najnowszych dziejów powszechnych WSNS»*, т. 5, 1963.

³¹ St. Ł o p a t n i u k. *Stanowisko ZSRR wobec stosunków polsko-litewskich 1920—1928. Z dziejów...*, т. 5, 1969; P. Ł o s s o w s k i. *Geneza, przebieg i następstwa przewrotu prawniczego na Litwie z 1926 г. «Rocznik Białostocki»*, т. 6, 1966; ег о ж е. *Układ litewsko-radziecki z 1926 г. Z dziejów...*, т. 3, 1969; A. S k r z y p e k. *Zagadnienie polsko-litewskiej konwencji wojskowej. Z dziejów...*, т. 6, 1970; ег о ж е. *Układ polsko-bałtycki z 17 marca 1922 г. Z dziejów...*, т. 8, 1971.

³² St. Ł o p a t n i u k. *Przed przewrotem majowym i po przewrocie. «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej»*, т. 6, 1970; ег о ж е. *Sprawa zawarcia traktatu handlowego w stosunkach polsko-radzieckich (1925—1928). Z dziejów...*, т. 4, 1969.

³³ *Z dziejów...*, т. 1, 1965.

³⁴ W. M i c h o w i c z. *Sprawa tzw. klauzuli rosyjskiej w pracach przygotowawczej komisji rozbrojeniowej. Z dziejów...*, т. 7, 1970.

³⁵ B. J a w o r z n i c k i (pseud.). *Polsko-radziecki pakt o nieagresji z 1932 г. «Sprawy Międzynarodowe»*, 1952,

шие советские предложения по разоружению исследовал и В. Дашкевич ³⁶.

Внешняя политика СССР в начале тридцатых годов и вступление его в Лигу Наций изучались В. Миховичем ³⁷. Некоторые вопросы политической ситуации в Европе в 1934—1935 гг. были рассмотрены Я. Юркевичем в книге «Восточный пакт» (Варшава, 1963). И совсем недавно начато изучение вопросов об отношении польских политических партий к СССР (работы Ю. Файковского и Р. Вапиńskiego) ³⁸.

Польско-советские отношения непосредственно накануне второй мировой войны в нашей литературе были затронуты лишь в работах Г. Батовского, Т. Ендрущака, М. Турлейской и Э. Войцеховского. Обращалось внимание на попытки гитлеровцев использовать украинских националистов в борьбе против Польши и Советского Союза ³⁹.

№ 5; ег о ж е. *Walka ZSRR o bezpieczeństwo zbiorowe w okresie międzywojennym. «Sprawy Międzynarodowe»*, 1954, № 2.

³⁶ W. D a s z k i e w i c z. *Dażenie ZSRR do stworzenia ogólnoeuropejskiego systemu bezpieczeństwa zbiorowego w latach 1933—1934. «Przegląd Zachodni»*, 1964, № 2; ег о ж е. *Dyplomacja radziecka a kwestia bezpieczeństwa zbiorowego w Europie w latach 1934—1935. «Przegląd Zachodni»*, 1965, № 3; ег о ж е. *Polityka zagraniczna ZSRR (1929—1933). «Sprawy Międzynarodowe»*, 1963, № 3; ег о ж е. *ZSRR a problemy pokoju i rozbrojenia. «Sprawy Międzynarodowe»*, 1962, № 12, ег о ж е. *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich 1932—1934. «Sprawy Międzynarodowe»*, 1967, № 2, 3; 1968, № 8, 10.

³⁷ W. M i c h o w i c z. *Realizacja przez ZSRR leninowskich koncepcji rozbrojenia a dyplomacja polska 1927—1934. Z dziejów...*, т. 7, 1970; ег о ж е. *Wstąpienie ZSRR do Ligi Narodów a dyplomacja polska. «Studia z dziejów powszechnych WSNS»*, т. 5, 1963.

³⁸ J. F a j k o w s k i. *Stronictwa chłopskie wobec Związku Radzieckiego 1918—1949. Z dziejów...*, т. 6, 1970; R. W a p i Ń s k i. *Endecka koncepcja polityki wschodniej w latach 1917—1939. «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej»*, т. 4, 1967.

³⁹ T. C i e ś ł a k. *Hitlerowski sojusz z nacjonalizmem ukraińskim w Polsce. Z dziejów...*, т. 5, 1969; R. T o r z e c k i. *Niektóre aspekty hitlerowskiej polityki wobec Ukraińców (1940—1944). Z dziejów...*, т. 5, 1969; ег о ж е. *Geneza rozłamu w Organizacji ukraińskich nacjonalistów. «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej»*, т. 5, 1969; M. S z o t a. *Zarys rozwoju OUN i UPA. «Wojskowy Przegląd Historyczny»*, 1963, № 1; M. S z c z e ś n a k. *Niektóre problemy stosunków pol-*

Двусторонние польско-советские отношения в годы второй мировой войны рассматривались на широком международном фоне. Примером этого является книга В. Т. Ковальского «Дипломатическая борьба за место Польши в Европе» и «СССР и граница по Одре и Нисе Лужицкой. 1941—1945 гг.», в которых автор представил, с одной стороны, политическую деятельность лондонского лагеря, а с другой — деятельность польских политических организаций в СССР и в оккупированной Польше в тесной связи с советско-англо-американскими отношениями⁴⁰. Эту проблему исследовал также С. Забелло⁴¹ и частично — Э. Басинский⁴².

Более значительных успехов в области изучения польско-советских отношений периода второй мировой войны достигли военные историки, которые выявили много ценных данных о сотрудничестве Войска Польского и Красной Армии, а так же о сотрудничестве польских и советских партизан⁴³. Их внимание сосредото-

чивается, главным образом, на проблемах, связанных с проведением совместных боевых операций. Тем не менее, нельзя не назвать те работы, в которых исследуется деятельность польских политических организаций на территории СССР, и вопросы, связанные с организацией польской армии. Эти сюжеты изложил Ф. Збиневич в монографии «Польская армия в СССР», а также Е. Генсек и Б. Гофман в статье «Помощь СССР польскому народу в его борьбе с гитлеровской Германией»⁴⁴. Проблему польской прогрессивной эмиграции, объединенной вокруг Союза польских патриотов, в общих чертах рассмотрели И. Ялопинский и А. Корзон⁴⁵.

Освобожденная от гитлеровской оккупации, разрушенная экономически, лежащая в руинах Польша получила значительную экономическую помощь от своего могучего союзника — СССР. Еще нет больших работ по этой теме, но ее изучение уже проводится, о чем свидетельствуют статьи М. Вилька и Ф. Збиневича⁴⁶.

Исследуется также и сфера политических отношений, в особенности польско-советский договор от 21 апреля 1945 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот договор с правовой стороны проанализировали Р. Бержанек и А. Кляфковский, известный по ряду монографических исследований о Потсдамском соглашении⁴⁷.

sko-ukraińskich w latach 1939—1947, «Polska Ludowa. Materiały i Studia», t. 7, 1968.

⁴⁰ См. также другие его работы: Polsko-radzieckie stosunki dyplomatyczne po napaści Niemiec na ZSRR. Z dziejów..., t. 1, 1965; Dyplomacja ZSRR a problem bezpieczeństwa Europy (1941—1945). Z dziejów..., t. 8, 1974; Walka dyplomatyczna o wykonanie układów jałtańskich w sprawie Polski. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1964, № 8.

⁴¹ S. Z a b e ł ł o. O rząd i granice. Warszawa, 1964; ег о ж е. W kręgu historii. Warszawa, 1970.

⁴² E. B a s i Ń s k i. Wspólne stanowisko ZSRR i Polski w sprawie niemieckiej (1945—1964). Z dziejów..., t. 2, 1966; ег о ж е. Sprawa «linii Curzona» w polityce mocarstw zachodnich podczas II wojny światowej Z dziejów..., t. 6, 1969.

⁴³ Например: М. J u c h n i e w i c z. Udział Polaków w litewskim ruchu oporu w 1. 1941—1944. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1968, № 1; ег о ж е. Udział Polaków w radzieckim ruchu oporu na Litwie i Białorusi 1941—1944. Z dziejów..., t. 6, 1970; ег о ж е. Kowpakowcy w Polsce. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1958, № 4; J. Ś w i e r c z y Ń s k i. Polski Sztab Partyzancki. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1963, № 1; Wł. G ó r a. Niektóre problemy badawcze współdziałania partyzantów polskich i radzieckich. W: «20 lat Ludowego Wojska Polskiego». Warszawa, 1963; ег о ж е. Z dziejów współdziałania polskich i radzieckich partyzantów w latach okupacji hitlerowskiej. Warszawa, 1957; F. Z b i n i e w i c z. Działania radzieckiego ugrupowania partyzanckiego «Czornego» na Lubelszczyźnie w 1944 r. «Wojskowy

Przegląd Historyczny», 1959, № 3; J. T o b i a s z. Z działań radzieckich oddziałów rajdowych na Lubelszczyźnie. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1968, № 2; W. W o ł c z e w. Stosunek ruchu oporu na Lubelszczyźnie do ZSRR i radzieckich sił zbrojnych w ostatnim okresie okupacji (styczeń—lipiec 1944). Z dziejów..., t. 6, 1970; M. J u c h n i e w i c z, J. T o b i a s z. Polsko-ukraińskie współdziałanie w ruchu podziemnym i partyzanckim w latach II wojny światowej. Z dziejów..., t. 5, 1969.

⁴⁴ «20 lat Ludowego Wojska Polskiego». Warszawa, 1967.

⁴⁵ I. J a ł o s z y Ń s k i. Niektóre problemy dotyczące powstania i struktury organizacyjnej ZPP. «Najnowsze Dzieje 1939—1945», t. 6, 1962; A. K o r z o n. Związek Patriotów Polskich w ZSRR. Z problematyki pracy organizacyjnej i politycznej w terenie. «Dzieje Najnowsze», 1971, № 3.

⁴⁶ M. W i ł k. Udział ZSRR w uruchamianiu życia gospodarczego Warszawy (1944—1945). Z dziejów..., t. 8, 1971; F. Z b i n i e w i c z. Pomoc Armii Radzieckiej dla Polski w świetle dokumentów z lat 1944—1945. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1968, № 1.

⁴⁷ A. K ł a f k o w s k i. Układy Polska — ZSRR z lat 1945—1965 w aspekcie prawa międzynarodowego. Z dziejów...,

Ю. Кокот и В. Т. Ковальский изучали последствия действия этого договора, обес­печившего, в частности, помощь Польше со стороны СССР в установлении границ по Одре и Нисе, и их сотрудничество в других областях⁴⁸. О помощи СССР Польше в деле стабилизации социалистическо­го строя в последнее время писал Т. Ва­лихновский⁴⁹. Автор этот аспект выделил в качестве самостоятельной проблемы польско-советских отношений, в то время как во многих исследованиях о первых годах народной Польши эта проблема рассматривалась лишь фрагментарно⁵⁰.

Польско-советские отношения после второй мировой войны не могут быть огра­ничены рамками двусторонних контактов. Они связаны с такими проблемами, как многостороннее сотрудничество, возник­новение и деятельность Совета Экономиче­ской Взаимопомощи, Варшавский До­говор, постоянные встречи руководителей коммунистических и рабочих партий СССР и других социалистических стран. Очерк этих отношений дан В. Дашкеви-

чем⁵¹. Сведения о них можно найти во многих работах, посвященных более об­щим проблемам⁵², а также в синтетиче­ском труде В. Т. Ковальского о внешней политике Польши в 1944—1947 гг. (Варшава, 1971). Изучение этих проблем ведется сейчас специалистами в плане экономической истории. Среди них следу­ет назвать работы А. Боднара «Поль­ша — СССР. Экономическое сотрудниче­ство» (Варшава, 1967), Л. Чиамачи «От сотрудничества к интеграции» (Варшава, 1965) и В. Искры «Промышленное разви­тие стран СЭВ» (Варшава, 1967)⁵³.

Таким образом, в народной Польше поднято и разработано много проблем по истории польско-советских отношений, хотя еще немало чрезвычайно важных во­просов ждут своих исследователей.

В настоящее время в этих исследова­ниях наступил переход от фазы соби­рания фактов и их анализа к фазе моногра­фий и обобщений.

Андрей Скушник

⁵¹ W. D a s z k i e w i c z. Stosunki polsko-radzieckie w latach 1945—1970. «Sprawy Międzynarodowe», 1970, № 10.

⁵² T. M o t y l s k i. Przyjaźń, sojusz, współpraca Polski Ludowej i Związku Radzieckiego. «Materiały bibliograficzne», Warszawa, 1969.

⁵³ A. B o d n a r. Gospodarka europejskich krajów socjalistycznych. Warszawa, 1962; ег о ж е. Polsko-radziecka współpraca gospodarcza w dwudziestolecu PRL. Warszawa, 1964; L. C i a m a g a. Budżety ZSRR i europejskich krajów demokracji ludowej. Warszawa, 1959; ег о ж е. Niektóre problemy międzynarodowego socja­listycznego podziału pracy. Warszawa, 1960; M. G o d a w a. Rola Związku Radzieckiego w rozwoju gospodarczym krajów RWPG. Warszawa, 1969; J. P t a s z e k. Polsko-radziecka współpraca gospodarcza. War­szawa, 1966; ег о ж е. Polsko-radziecka współpraca naukowa i techniczna. War­szawa, 1965.

t. 8, 1971; R. B i e r ż a n e k. Sojuzze Polski Ludowej. Aspekty historyczno-prawne. W: «20 lat polityki zagranicznej Polski Ludowej». Warszawa, 1964.

⁴⁸ J. K o k o t. Polityka zagraniczna ZSRR wobec rewizjonizmu zachodnio-niemieckiego. Opole, 1968; E. B a s i Ń s k i. Współdziałanie PRL i ZSRR przy rozwiązywaniu problemu niemieckiego. Warszawa, 1965.

⁴⁹ T. W a l i c h n o w s k i. Znaczenie sojuszu polsko-radzieckiego w okresie walki o władzę ludową w Polsce. Z dziejów..., t. 8, 1971.

⁵⁰ Например: W. G o ł ę b i o w s k i. Walka PPR o nacjonalizację przemysłu. Warszawa, 1961; B. D o l a t a. Wyzwolenie Polski 1944—1945. Warszawa, 1966; B. S y z d e k, N. K o ł o m e j c z y k. Polska w latach 1944—1949. Warszawa, 1968.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО УКРАИНИСТИКЕ В ЧЕХОСЛОВАКИИ¹

За последние годы важным центром ук­раинистики в Чехословакии стал Музей украинской культуры в Свиднике. Его научные публикации привлекают внима-

ние украинистов не только в Чехослова­кии, но и далеко за ее пределами. На страницах его «Научового збірника» пуб-

¹ «Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Присвячений пам'яті Володимира Гнатюка». Т. 3, Пряшів, 1967, 460 стор.; «Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Присвячений пам'яті Івана Панькевича». Т. 4, Пряшів, 1969, 507 стор.; І. П а н ь к е в и ч. Матеріали до історії мови південнокарпатських українців. «Науко­вий збірник Музею української культури

в Свиднику». Т. 4, кн. 2, Пряшів, 1970, 220 стор.; Б. К о в а ч о в и ч о в а - П у ш к а р о в а. І. Пушкар. Дерев'яні церкви східного обряду на Словаччині. «Науковий збірник Музею української культури в Свиднику». Т. 5, Пряшів, 1971, 527 стор.. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Safarikanae Prešovensis. Spoločenskovedný zborník. História a sociológia. I, 1970 Bratislava, 1970, s. 165.

ликуют свои работы историки, фольклористы, диалектологи, литературоведы Чехословакии, Советского Союза, Польши, Румынии, Венгрии. Сборник поднимает вопросы, интересующие всех украинистов, оставаясь в то же время региональным научным сборником, цель которого — публикация материалов по истории и культуре украинцев-русинов Восточной Словакии.

В советской печати уже отмечены были первые два выпуска «Наукового збірника»². Данный обзор посвящен третьему, четвертому и пятому выпускам этого издания.

Его третий выпуск посвящен видному украинскому этнографу и фольклористу В. Гнатюку. Н. Мушинка посетил свою статью В. Гнатюка как исследователю фольклора Пряшевщины. В. Гнатюк на протяжении 1897—1911 гг. издал фундаментальную шеститомную работу «Етнографічні матеріали з Угорської Русі», которая включает 485 произведений прозаического фольклора и 583 песни. Как справедливо указывает автор статьи, этот труд остается непревзойденным по своей ценности сборником закарпатского фольклора, неопенимым источником для исследования закарпатских говоров и других сторон народной культуры Закарпатья и Восточной Словакии. В. Гнатюк обратил внимание на малоисследованную до него область фольклора южнокарпатских украинцев — народную прозу. Как подчеркивает Н. Мушинка, значение материалов В. Гнатюка заключается еще и в том, что он, не ограничиваясь публикацией украинских записей, к каждому тексту приводит многочисленные параллели, взятые им из 58 источников по фольклору славянских народов. Автор статьи указывает также и на другие работы В. Гнатюка в области фольклора Пряшевщины и Закарпатской Украины.

И. Шелепец анализирует диалектологические исследования В. Гнатюка. Особое внимание уделено большому труду В. Гнатюка «Русини Пряпівської енархії і їх говори». Хотя главным для Гнатюка были этнография и фольклор, он внес большой вклад и в украинскую диалектологию. Он стремился дать не только описание, но и классификацию говоров этой территории, пытался дать сравнительное описание украинских и словацких говоров и установить границу между говорами украинского и словацкого языков. Слабость указанных работ В. Гнатюка в том, что диалектологические дан-

ные он отодвигал на задний план, а главным считал данные этнографии.

Далее в сборнике помещены народные песни, записанные Ф. Тихим в 1927 г. в украинских поселениях в Югославии — в Бачке и Среме. Ф. Тихий, отправившийся по следам В. Гнатюка, впервые записал мелодии народных песен в Бачке. К каждой песне автор приводит песенные параллели других славянских народов.

Румынский славист И. Ребошанка рассматривает материалы, собранные В. Гнатюком в селах Баната (Румыния), где жили закарпатоукраинские переселенцы. Эти материалы он сравнивает с собственными фольклорными записями, сделанными в 1967 г. в селах Семлак, Надлак и Перегул-Маре.

Материалы о В. Гнатюке дополняют воспоминания о нем профессора Ф. Главачека, а также переписка В. Гнатюка с И. Панькевичем, подготовленная к публикации Н. Мушинкой. В конце раздела, посвященного В. Гнатюку, приводится библиография его работ.

В историческом разделе А. Шлепецкий публикует 11 посланий мукачевского епископа А. Ф. Бачинского (1732—1809), видного деятеля культуры Закарпатья XVIII в., зачинателя просветительского движения в среде закарпатских украинцев. Послания А. Ф. Бачинского раскрывают картину тяжелого экономического положения закарпатского крестьянства второй половины XVIII в., его культурную отсталость.

Э. Глеба публикует интересные документы об общественном движении в Словакии в 60-е годы XIX в. Несомненный интерес представляет письмо прогрессивного словацкого деятеля Янка Францици-Римского, относящееся к 1861 г. и адресованное закарпатским украинцам, в котором тот призывает их поддерживать требования словаков, ибо, как подчеркивает он, только единство всех славянских народов Австрийской монархии поможет им сохранить свою национальную самобытность. Э. Глеба публикует также донесения венгерских чиновников о национальном движении в Словакии. Употребление Э. Глебой термина «панславистское движение» в этом случае нам кажется неправильным.

В разделе «Литературоведение» В. Матула поместил интересные материалы о связях деятелей «младословацкого» движения 30-х годов XIX в., в частности А. Б. Врховского, с представителями украинского национального возрождения братьями Головацкими, галицким революционером-демократом Р. Цеглевичем, поборником совместной украинско-польской борьбы за социальное и национальное освобождение.

Большой интерес представляют материалы раздела «Фольклористика». В. Гошовский, анализируя лемковскую свадебную песню, приходит к выводу, что

² М. Н. Кузьмин. Новый ежегодник по истории и культуре украинцев Восточной Словакии. «История СССР», 1966, № 6; И. И. Поп. Две работы об освобождении Чехословакии от фашистского ига. «История СССР», 1963, № 4.

этот вид песни первоначально относился к типу «ладканий», позже превратился в свадебную песню, которая используется как лейтмотив всего свадебного обряда и, наконец, превращается в лирическую песню. На основании мелеогеографических данных автор установил, что центром ее распространения является этнографическая территория Лемковщины, а в Венгрию, Моравию и Югославию она была принесена переселенцами. В. Гошовский высказывает гипотезу, что этот вид песни имеет древнейшие корни и был создан лемками или их предками — протолемками, которые, по мнению автора, известны в истории как восточнославянское племя белых хорватов.

О. Зелинский в статье о древней колядке из Лабрицы приходит к выводу, что в этом районе в силу специфических условий (поселения, оторванные от нового производственного развития, не затронутые миграцией) сохранилась колядка, наиболее близкая к тексту XVII в. и поэтому являющаяся важным элементом традиционной песенной культуры Лемковщины.

В этом же разделе помещен очерк К. Заклинского о закарпатском фольклористе и общественном деятеле М. Врәбеле, издавшем в 1890 г. сборник «Русский соловей», названный автором очерка первой антологией закарпатской поэзии и фольклора. В то же время К. Заклинский отмечает отрицательные стороны деятельности М. Врәбеля, в частности, издание им в 1898 г. «Букваря», написанного на «язычки» (смеси русского, церковнославянского и народного), что было шагом назад по сравнению с предыдущими изданиями этого типа в Закарпатье.

В этнографическом разделе сборника опубликована статья Н. Шуркалы, в которой подробно описывается система родства в с. Русский Поток, одном из сел Восточной Словакии. Автор статьи дает точный структурный состав родственных групп и определяет наиболее типичные взаимосвязи между членами этих групп.

В разделе «Языкознание» помещена статья А. Куримского, в которой изложены предлагаемые автором принципы подготовки диалектных текстов к печати. В статье Н. Штеца освещается роль газеты «Слово народа» в Восточной Словакии в начале 30-х годов.

Четвертый выпуск «Наукового збірника Музею української культури в Свиднику» посвящен И. Панькевичу. В первой части сборника помещена «Автобиография» ученого, его статья «Украинская народная песня», где дана обширная библиографическая справка о сборниках украинских песен, опубликованных в XIX—XX вв. Автор рассматривает структуру исторических и обрядовых песен, их мелодии, формы и ритмы; пытается дать классификацию песен с уче-

том их географического распространения. Интересна также и переписка И. Панькевича с В. Гнатюком и Ф. Колессой. Полную библиографию работ И. Панькевича подготовил Н. Мушинка.

Вторую часть сборника составляют материалы, освещающие ту или иную сторону многогранной научной и общественной деятельности И. Панькевича. И. Дзендзелевский анализирует диалектологические исследования И. Панькевича. Диалектный материал, собранный в селах Закарпатья и Восточной Словакии, непосредственные наблюдения над живым народным языком послужили материалом для фундаментального исследования И. Панькевича «Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей» (1938 г.). И. Дзендзелевский подчеркивает, что эта работа до сих пор остается одним из немногих наиболее детальных монографических описаний говоров славянских языков. Автор статьи указывает, что диалектологические труды И. Панькевича отличаются от работ его предшественников тем, что в них описывается фонетическая и морфологическая система говоров, а не отдельные особенности говора. И. Панькевич не просто констатирует явление, но и пытается объяснить его, используя сравнительно-исторический метод и приводя данные памятников письменности. В его работах по диалектологии ощущается лингвогеографическая направленность в интерпретации языкового материала.

Большие заслуги принадлежат И. Панькевичу и в области исторической диалектологии. Он детально исследовал с лингвистической точки зрения многочисленные собранные им рукописные памятники, «покрайние записи» из литургических книг, светские и религиозные песни, хроникальные записи. Результатом длительных исследований И. Панькевича в этой области явилась его работа «Нарис історії закарпатських українських говорів». Много труда вложил И. Панькевич в подготовку словаря украинских говоров Закарпатья, над которым работал на протяжении 40 лет, но не успел его завершить.

В других статьях этого раздела дана характеристика И. Панькевича как исследователя памятников украинского языка, ономаста, литературоведа, фольклориста и педагога.

В сборнике помещены также воспоминания Ф. Тихого и Л. Дәже о И. Панькевиче и статья С. Ключурака об общественной деятельности И. Панькевича в Закарпатской Украине в 20—30-х годах.

В разделе «Языкознание» помещена первая часть «Языковедческий романтизм» статьи И. Шелепца «История изучения южнокарпатских украинских говоров». Статья носит информативный характер. Автор описывает попытки закарпатских украинских просветителей XVIII—

XIX вв. — Коцака, Лучкая, Фогорошия-Бережанша — выявить характерные черты южнокарпатских говоров, отличающие их от других славянских языков и от украинского языка, определить место этих говоров в славянском языкево мире, дать их классификацию. Этими говорами в разной степени интересовались также И. П. Шафарик, Н. Надеждин, П. Кеппен, Э. Кухарский и др.; их изучали Я. Головацкий, К. Михальчук, О. Огонковский, Н. Семенович, Л. Чопей, Е. Сабов, В. Гнатюк.

Статья Н. Штеца посвящена развитию украинской орфографии в Закарпатье и в Восточной Словакии. В ней рассматриваются все предлагавшиеся варианты орфографии; особенно подробно автор останавливается на «панькевичке», т. е. орфографии, выработанной И. Панькевичем.

Статья Л. Дэже «Синтаксис простого предложения закарпатских урбарильных записей XVIII в.» написана на материалах реестровых записей, составленных в 200 селах Закарпатья (в бывших комитатах Мараморощ, Уточа и Берет).

С интересной статьей «Лексика говора украинцев Бачки и Срема» выступил О. Горбач. Автор описывает диалектные особенности и историко-фонетические процессы в области лексики, а также румынские, немецкие, венгерские, сербско-хорватские заимствования и собственно карпатско-бачванскую лексику.

В разделе «Литературоведение» А. Шлепещкий опубликовал «Слово иже есть разумно и свѣтлости даръ», которое является переводным рукописным памятником 1794 г. из села Малый Липник на Пряшевице. По мнению автора, в языковом отношении «Слово» очень близко к живому говору с. В. Липник, поэтому оно имеет большое значение для исторической диалектологии Закарпатья.

Статья М. Мольнара рассказывает о жизни и творчестве основоположника современной закарпатской украинской поэзии Василия Греджи-Донского.

В разделе «История» публикуются воспоминания Я. Кмичкевича «1919 год на Закарпатье», заметка М. Романа о связях деятелей культуры Закарпатья и Словакии в период между двумя войнами; статья А. Ковача раскрывает политику денационализации, проводившуюся словацким фашистским режимом в отношении украинского населения в 1939—1944 гг.

Интересное исследование об остатках древнейшей формы отопления в некоторых горных украинских селах Восточной Словакии публикует в сборнике этнограф Н. Шуркала.

Отдельный (второй) том четвертого выпуска «Наукового збірника» составляют «Материалы к истории языка южнокарпатских украинцев» И. Пацькевича. Это записи, собранные ученым при про-

смотре богослужебных книг (печатных и рукописных), XVI—XVIII вв. в Закарпатье и Восточной Словакии. Большинство из них публикуется впервые и является ценным материалом для украинской исторической диалектологии.

Значительное место в сборниках занимает отчет о работе научных учреждений Чехословакии, занимающихся украинистикой. Читатель на основании этих отчетов может проследить за работой кафедр украинистики, научных кабинетов и отдельных исследователей.

Одной из важных задач Музея украинской культуры в Свиднике является организация изучения архитектурных памятников, в частности деревянного культового зодчества. В этой области работниками музея в сотрудничестве со Словацким институтом охраны памятников и природы в Братиславе сделано очень много. Итогом работы, проделанной за последнее десятилетие, является монография Б. Ковачовичовой-Пушкаревой и И. Пушкаря «Деревянные церкви восточного обряда в Словакии», представляющая пятый выпуск «Наукового збірника». Счастливым соединением работы искусствоведа (Б. Ковачовичова-Пушкарева) и инженера-архитектора (И. Пушкарь) дано прекрасный результат — исчерпывающую предметную публикацию о всех памятниках деревянного культового зодчества в украинских селах Восточной Словакии с соответствующим графическим материалом (схемы, чертежи, зарисовки деталей памятников). В публикации приводятся также материалы о ранее существовавших деревянных храмах. Такая работа чрезвычайно необходима и своевременна, ибо только за время подготовки монографии разрушились три прекрасных памятника — церкви XVIII в. в селах Ривне, Новая Полянка и Вышний Грабовец.

При знакомстве с монографией поражает богатство и разнообразие памятников деревянного культового зодчества. Здесь и памятники украинского народного зодчества лемковского типа, и памятники типа готических костелов, и храмы с сильным влиянием барокко. Нельзя не согласиться с авторами, указывающим, что такое многообразие памятников обусловлено тем, что здесь перешлеталось влияние двух культурных сфер — восточной и западной. Авторы высоко оценивают эстетические достоинства деревянных храмов исследуемого ими района. Они ставят их на один уровень с такими явлениями в искусстве Словакии, как восточнословацкий ренессанс, спишская готика, работы мастера Павла из Левочы. Но в классификации памятников они проявляют излишнюю осторожность. Это, очевидно, понимала и редакционная коллегия «Наукового збірника», поэтому данный выпуск открывает вступительная статья И. Чабиняка, которая поможет

широкому читателю ориентироваться в представленном материале.

По материалам монографии, в деревянном культовом зодчестве доминирует лемковский тип украинского народного зодчества. Он является воплощением всего деревянного зодчества южных склонов Карпат. Центральный план и трехчастное деление говорят об их восточном происхождении, шатровые многоярусные крыши связывают эти памятники с бойковским зодчеством, идея базилики в экстерьере и доминанта постройки, колокольня — с западным искусством. Казалось бы, что при таком соединении может возникнуть что-то невыразительное, эклектичное. Но народные зодчие с завидным мастерством соединили средства народного зодчества с готическими и барочными.

Лемковские памятники украинских сел Восточной Словакии можно условно разделить на две группы. К первой относятся храмы, которые отличаются от своей первоосновы, бойковских памятников, только башней над бабинцем, взятой у западного каменного зодчества. При этом, как и бойковские памятники, их выделяет строгий геометризм архитектурных форм и преобладание горизонтального членения верхов.

У другой группы памятников на смену четкости архитектурного построения приходит живописность и декоративные средства из арсенала барокко. Эти храмы отличаются динамической композицией объемов, постепенно нарастающих от небольшого алтаря, через центральный многозаламный верх к высокой, стремительно взлетающей ввысь башне-колокольне. Благодаря совершенству пропорций и чрезвычайной пластичности форм эти сооружения похожи на произведения скульптора.

Особо следует сказать о деревянной церкви в селе Троцаны (1739 г.). Здесь достигнут своеобразный синтез бойковского зодчества и готики. Храм в результате приобрел особую выразительность силуэта.

Но-своему обаятельны небольшие храмы в селе Тополя (1700 г.) и Грабова Розтока (XVIII в.). Их срубы срытаны под высокой двускатной крышей с небольшой башенкой. Храмы открывают группу памятников, которые, сохраняя трехчастное деление интерьера, имеют уже лонгитудальный характер.

Б. Ковачовичова-Пушкарева и И. Пушкарь, отмечая, что почти все деревянные храмы в украинских селах Восточной Словакии построены в XVIII в., связывают размах строительства в этот период с унией 1648 г. Нам кажется такое объяснение сомнительным. Скорее всего здесь сыграл роль экономический подъем, который наступил после изгнания турок из Центральной Европы в конце XVII в. и прекращения войн между трансильван-

скими князьями и Габсбургами, опустошавшими эти края на протяжении XVI—XVII вв.

В монографии приводятся также данные о живописи деревянных храмов. По всей вероятности, она принадежит, за небольшими исключениями, кисти народных мастеров. На основании зарисовок деталей памятников можно судить о высоком уровне технического мастерства народных зодчих. С другой стороны, затейливость орнаментации и профилировки консолей, порталов, наличников окон, столбов галерей, крестов и т. д. свидетельствует об их прекрасном художественном чутье.

Монография Б. Ковачовичовой-Пушкаревой и И. Пушкаря важна для всех, кто интересуется народным искусством, его взаимодействием с искусством города и своеобразным преломлением исторических стилей в народном зодчестве.

Интересные проблемы поднимаются на страницах «Сборника по общественным наукам. История и социология» философского факультета университета им. Шафарика в Пряшове. Авторы статей — социологи и экономисты — рассматривают вопросы о путях дальнейшего развития экономики Восточнословацкого края. А. Чорный апализирует современное состояние сельского хозяйства в Чехословакии, раскрывает причины его отставания от темпов развития промышленности. Но его прогнозы развития производственных отношений, эволюции форм производственных предприятий в сельском хозяйстве, на наш взгляд, являются во многом спорными. Процесс социалистического переустройства восточнословацкого села на завершающем его этапе в период 1956—1960 гг. рассматривает В. Скрип. Тесно примыкает к проблематике вышеуказанных исследований и статья В. Капитовского «К проблематике жизненного уровня национальных меньшинств в Восточнословацком крае».

Большой интерес представляет статья Т. Байцуровой «Карпаторусская (закарпатоукраинская) интеллигенция в России в первой половине XIX в.». Автор раскрывает причины, побудившие многих видных ученых, закарпатских украинцев по происхождению, переселиться в Россию, показывает их деятельность там.

Архивные материалы о национальной политике в Словакии в 1939—1944 гг., опубликованные А. Ковачем, существенно дополняют его же статью из четвертого выпуска «Наукового збірника Музею української культури в Свиднику».

Интересный архивный материал о революционном движении в северной Словакии в 1918—1919 гг. приводит М. Попович в своей статье «К вопросу об откликах на Венгерскую Советскую республику и Словацкую Советскую республику в Спяше». Но, к сожалению, он недостаточно систематизирован. В результате ав-

тор не смог четко раскрыть характер революционного движения в Спеше. Отсюда и пестрота терминологии в его статье, как например, «большевистские агитаторы», «распространители коммунизма», «большевистское движение на селах», «коммунистическое движение в городе...» и т. д., взятая, очевидно, из донесений чиновников государственного

аппарата и некритически перенесенная в статью.

Высокий научный уровень большинства статей свидетельствует о больших успехах историков, экономистов, социологов, филологов, этнографов Словакии в разработке актуальных проблем науки.

И. Поп, В. Усачева

КАПИТАЛЬНЫЙ ТРУД О ПОЛИТИКЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОККУПИРОВАННОЙ ПОЛЬШЕ

Польская историография уделяла и уделяет большое внимание положению польского народа в период немецко-фашистской оккупации — наиболее тяжелый и трагический период его жизни. Свидетельством этого является, в частности, двухтомная работа известного польского историка проф. д-ра Чеслава Мадайчика «Политика III рейха в оккупированной Польше»¹. Ч. Мадайчик уже много лет занимается изучением политики гитлеровских захватчиков в оккупированных ими польских землях. Он опубликовал ряд работ по этой проблеме, в том числе монографию «Генерал-губернаторство в планах гитлеровцев» (Варшава, 1961).

Рецензируемый труд, по словам автора, представляет собой попытку синтетического освещения оккупационной политики гитлеровской Германии в Польше. При подготовке этого труда Ч. Мадайчик опирался на результаты своих предшествующих исследований и внимательно использовал обширную историографию проблемы, опубликованные воспоминания участников событий и большой комплекс документальных материалов, хранящихся в Архиве новых актов (Варшава), в делах Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше, в Немецком центральном архиве (Потсдам), Государственном архиве в Далеми, Федеральном архиве (Кобленц), Национальном архиве в Вашингтоне и в других польских и зарубежных архивах. Первый том и первая половина второго тома за некоторым исключением написаны в большей или значительной мере на основе новых архивных источников, остальная часть труда базируется главным образом на литературе и воспоминаниях.

В отличие от прежних представлений о политике гитлеровцев в Польше автор при ее рассмотрении обращает внимание на следующие обстоятельства. Ставя вопрос — можно ли то, что происходило в Польше, считать оккупационной политикой, Ч. Мадайчик полагает, что приме-

нение этого термина к так называемому Генерал-губернаторству не лишено оснований и что такой же характер имела политика немецких властей по национальному вопросу и в других областях общественной жизни в присоединенных к Германии польских землях. Автор отмечает некоторую модификацию планов в отношении польских земель, обусловленную военной обстановкой, и специфику их осуществления. При освещении оккупационной политики гитлеровцев учитывается противодействие ей со стороны польского народа. Судьба еврейского населения в Польше рассматривается как интегральная часть истории страны. При этом показываются различия в тактике немецких властей в отношении поляков и евреев в польских землях, присоединенных к Германии, и в Генерал-губернаторстве. Сравнительный анализ политики гитлеровцев в Польше и других поработанных ими странах позволяет автору раскрыть особенности оккупационного режима в польских землях.

В первом томе дается общая характеристика оккупационной политики в Польше и рассматриваются методы и результаты германизации польских земель и грабеж имущества польского и еврейского населения. Автор указывает, что уже в ходе военной кампании 1939 г. ярко обнаружился истребительный характер политики гитлеровцев в отношении польского народа. Об этом свидетельствовали варшавское разрушение городов и сел, уничтожение гражданского населения, аресты и расстрелы многих тысяч людей, в том числе стариков, женщин и детей. После захвата польских земель в состав третьего рейха были включены Поморское, Познанское и Верхнесилезское воеводства, большая часть Лодзинского и западная часть Краковского воеводств, Мазовия, Сувальский повет, часть Келецкого воеводства с Домбровским бассейном, составлявшие 91974 кв. км. К Германии присоединялся и свободный город Гданьск. Из остальных земель было образовано Генерал-губернаторство, оно находилось под верховной властью Германии, при этом временно сохранялась таможенная, валютная и полицейская граница между ними.

¹ Czesław Madajczyk. *Polityka III rzeszy w okupowanej Polsce*. T. I (664 str.), t. II (528 str.). PWN. Warszawa, 1970.

Анализируя планы гитлеровцев в отношении польского народа, автор глубоко раскрывает колонизаторский и расистский характер политики оккупантов. Эти планы предусматривали выселение многих миллионов поляков и передачу их земель и имущества немецким колонистам, германизацию части местного населения, превращение оставшегося польского населения в рабов немецких господ или его физическое уничтожение. Осуществление этих планов в той или иной мере началось с момента захвата польских земель. После тяжелых поражений на советско-германском фронте некоторые представители немецких властей высказывались за смягчение режима в польских землях, но заметных перемен в этом отношении не последовало.

Обстоятельно рассматриваются в труде демографические изменения в польских землях, происшедшие в период войны и оккупации. Автор констатирует значительную убыль населения в связи с военными действиями, снижением его естественного прироста, физическим истреблением в лагерях многих миллионов людей, карательными экспедициями и другими мерами оккупантов. В больших масштабах производились переселения и отправка людей на работу в Германию.

Характеризуя планы и меры гитлеровцев по германизации польских земель, автор указывает, что прежде всего предусматривалось онемечивание земель, включенных в состав рейха. Евреи и часть поляков переселялись в Генерал-губернаторство, часть польского населения из этих и других земель направлялась на работу или с целью онемечивания в Германию. Из местного населения выделялась привилегированная группа так называемых фольксдойче, остальные жители делились на «пригодных» для германизации и обреченных на рабское существование. Вместе с тем в польских землях насаждались немецкие колонисты, планировалась германизация крупных и части мелких городов в Генерал-губернаторстве.

Всесторонне освещается автором экономическая политика оккупантов. Директивы в отношении земель, присоединенных к Германии, предусматривали восстановление и развитие их экономики и скорейшее и полное ее слияние с экономикой Германии. Что же касается Генерал-губернаторства, то предполагалась беспощадная эксплуатация его ресурсов. Промышленное оборудование и сырье подлежали вывозу в Германию; могли быть оставлены только те предприятия, без которых, по мнению оккупантов, нельзя было обойтись. Экспроприация имущества польского государства, учреждений, корпораций и частных лиц являлась ничем не прикрытым грабежом. Промышленные предприятия, торговые заведения и земли переходили в руки оккупационных властей или немецких предпри-

нимателей. Выселяемым разрешалось взять с собой вещи (исключая ценности), которые они могли унести, или немногим больше этого. Большое количество сельскохозяйственных продуктов вывозилось в Германию. Генерал-губернаторство рассматривалось как колония рейха, его хозяйство в результате политики оккупантов пришло в полный упадок. Широко применялась принудительная система труда и различного рода ограничения хозяйственной деятельности польского населения.

Во втором томе показываются тяжелые условия жизни и труда и ужасающая система истребления польского и еврейского населения в период оккупации. В польских землях, присоединенных к Германии, поляки были подвергнуты принудительному и искусственному деклассированию и низведены до положения крепостных. Их труд оплачивался значительно ниже, чем труд немецких рабочих, в таком же соотношении находились и нормы продовольствия. Подобное положение было и в Генерал-губернаторстве. Оккупанты закрыли польские высшие и средние школы, уничтожили памятники польской культуры, преследовали культурно-просветительную деятельность. В особенно тяжелых условиях оказалось еврейское население; вначале оно было ограничено в правах распоряжения своим имуществом, затем последовали экспроприация, сосредоточение в гетто и массовое уничтожение.

По мнению автора, массовый террор, применяемый оккупантами, являлся основным методом управления, посредством которого они стремились поработить и уничтожить польский народ. При этом террор выполнял функции превентивного действия, устрашения и ответной акции, его жертвами оказались многие тысячи людей. Оккупанты создали широкую сеть концентрационных лагерей, заключенные в этих лагерях использовались на тяжелых работах, многие из них в результате физического истощения умирали, другие — неспособные к труду — уничтожались в газовых камерах. Наряду с этим существовали лагеря для немедленного уничтожения попавших туда узников. Общие потери польского народа во время войны и оккупации определяются следующими данными: погибло и уничтожено свыше 6 миллионов человек, подверглись принудительному выселению 1,2 миллиона человек и, кроме того, около полумиллиона жителей Варшавы; отправлено в Германию около 2 миллионов человек, причислено к фольксдойче более двух миллионов поляков, вывезено в Германию 150—200 тысяч детей, уничтожено 38% национального достояния стоимостью свыше 12 миллиардов долларов. В труде Ч. Мадайчика затрагивается и ряд других вопросов, связанных с оккупационной политикой гитлеровцев в Польше.

Большая и интересная работа Ч. Мадайтчика, хотя и имеет некоторые недостатки (фрагментарность изложения в отдельных местах, отсутствие заключительных выводов в главах и частях, нечеткие или спорные формулировки и др.), несомненно заслуживает положительной оценки. Она содержит большой фактический материал, во многом впервые вводимый в научный оборот, обоснованные выводы и наблюдения и дает цельное, всестороннее представление об оккупационном режиме, ярко показывает трагические испытания, которые пришлось пережить

польскому народу, серьезную опасность для самого существования польской нации. Знакомство с этим трудом позволяет понять и в полной мере оценить значение борьбы демократических сил польской нации за ее спасение, освободительную миссию Советского Союза, сыгравшего решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, в освобождении поработанных ею народов. Исследование Ч. Мадайтчика является крупным вкладом в польскую историографию и историографию второй мировой войны.

И. Костюшко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТИХОВЕДЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ

Настоящий обзор не претендует на исчерпывающую полноту в изложении тех проблем, которые рассматриваются учеными, использующими метод структурального анализа художественного произведения, в частности анализа стиха. Мы ограничимся лишь небольшим кругом вопросов и авторов, занимающим, впрочем, весьма заметное место в науке о стихе. Речь пойдет не только о работах последнего времени, но и о некоторых начинаниях 20—30-х годов, которым в значительной мере обязана современная филология целым рядом достижений в области стиховедения.

В последнее время во многих странах увеличился интерес к проблеме структурального анализа художественного произведения. Среди многих других методов структуральный подход, не раскрывая всей совокупности идейно-художественного богатства произведения, позволяет более глубоко осмыслить внутреннее строение произведения, осознать специфику диалектики художественного содержания и художественной формы, что в марксистско-ленинской эстетике всегда являлось одной из центральных проблем.

В целях успешного применения структурального подхода к анализу художественного произведения необходимо обобщить опыт, который имеется в этой области как в нашей, так и в других странах. Известны идеи представителей ОПОЯЗ и Пражской Лингвистической школы¹. Менее освещены в нашей лите-

ратуре работы польских ученых², которые вслед за своими коллегами из соседних стран в 20—30-е годы XX столетия стали искать «организующую доминанту» или «конструктивный фактор» произведения, пытались определить его сущность и найти наиболее адекватный произведению метод его анализа. Несмотря на то что предметом исследования чаще всего были частные проблемы, их рассмотрение в конечном итоге «неизбежно выливалось в разговор о более общих проблемах развития литературы и обогатило историю польской эстетической мысли»³.

В общем русле теоретических работ по эстетике в Польше можно выделить труды, посвященные анализу стиха, и прежде всего метрической системы стихосложения.

В 1929 г. в Варшаве организуется литературный и научный клуб (Klin), на одном из первых заседаний которого был прочтен доклад «О русских новостях в области теории литературы».

Пропагандистом идей русских теоретиков в Варшаве был Кароль Виктор Заводзинский, учившийся в Петербургском университете вместе с В. Жирмунским и хорошо знавший литературную среду России начала 20-х годов. Позднее К. В. Заводзинский отмечал, что чтение работ русских ученых было для него плодотворным и дало ему научно построенные формулы для подхода к теоретическим вопросам. В первую очередь К. В. Заводзинский был благодарен

¹ См.: Лингвистический словарь Пражской школы. Пер. с нем., франц., англ., чешского И. А. Мельчука и В. З. Санникова, под ред. и с предисловием А. А. Реформатского. М., 1964; «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв.», ч. II, состав. В. А. Звегинцев. М., 1967; Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа. В кн. Основные направления структурализма. М., 1964; Н. А. Кондрашов. Пражская лингвистическая школа. «Русский язык в школе», 1968, № 2.

² Этот библиографический пробел отчасти восполнен в статье В. Е. Холшевникова «Русская и польская синтактика и синтактоника» (в кн. «Теория стиха», вып. I, Л., Изд-во АН СССР, 1968), в которой под интересующим автора статьи углом зрения обстоятельно рассмотрены некоторые концепции польских филологов-стиховедов.

³ Е. З. Цыбенко. Исследование о проблемах романа в польской критике XIX в. «Советское славяноведение», 1969, № 2, стр. 110.

«профессору В. Жирмунскому за знания, почерпнутые из его капитальных трудов о рифме и особенно из „Введения в метрику“»⁴.

Другая группа варшавских ученых сплотилась вокруг Францишка Седлецкого, активного поборника идей Пражской лингвистической школы.

Достижения нашей филологии заинтересовали также ученых Вильнюсского университета, где с 1932 г. кафедрой истории литературы стал руководить Манфред Кридль. Кроме своего основного предмета М. Кридль уделял много времени методологическим вопросам анализа литературного произведения; им был организован теоретический семинар. Студенты, участники этого семинара, очень живо интересовались работами В. Шкловского, Б. Томашевского, В. Жирмунского и вскоре стали переводить их на польский язык. Основным референтом «Русских новостей» был Ежи Путрамент.

Группа М. Кридля занималась общими проблемами анализа произведения, но стиху тоже уделялось много внимания. О серьезной постановке работы этой группы свидетельствует и факт издания специальной серии работ «Из проблем поэтики».

Среди работ, посвященных проблемам стихосложения, следует выделить книгу К. В. Заводзиньского «Очерк польского стихосложения» (1936), Ф. Седлецкого «Исследования польского стихосложения» (1937) и «Сборник, посвященный К. Вуйцицкому», в который вошли некоторые работы начинающих ученых. «Молодые, пересаживая на польскую почву идеи русской и чешской науки, не выбрасывали их на „польский рынок“ как модный импорт, но искали их связи с польской научной мыслью, строя их генеалогию на польской основе и ища опоры для них у тех ученых старшего поколения, которые хотя бы отчасти понимали их стремления»⁵.

Большое влияние на польских теоретиков оказала и немецкая школа слуховой филологии (Ohrphilologie), возникшая в связи с сильным развитием декламации⁶. Основатель этой школы Э. Сиверс и его последователи ограничивали анализ звуковой сферой языка, чувственно-материальные категории которой в плане литературного произведения выступают в виде фонического, ритмического и метрического элементов.

Анализ звуковых форм ведет от звука

к ритму как организующему принципу сложной звуковой массы. Ярче всего ритм проявляется в поэзии. Здесь он подчиняется жестким правилам и может быть измерен непосредственно в своем изменчивом отношении к размеру. Исследование ритма в свою очередь предполагает и анализ всех ритмических факторов⁷.

Именно такой логикой в своих исследованиях и руководствовались польские теоретики, представители слуховой филологии⁸.

Выбор материала исследования определил и его направление, методы, в какой-то мере даже выводы и их значение. Рассматривая работы Г. Жичиньского, К. В. Заводзиньского в контексте польской науки, следует признать значительный вклад этих теоретиков в изучение национального стиха. Впервые в стране исследования строились на богатом историческом материале польской поэзии, начиная от старопольского «сарматского» стиха и кончая футуристическими опытами современных поэтов. Выводы о строении польского стиха, о ритме как конструктивном факторе были теоретически обоснованы и послужили основой для новой типологии польских ритмических систем. Тем самым было обращено внимание на объективную зависимость произведения искусства от конкретного материала. Таким образом, были поставлены основные проблемы изучения стиха, но сам акустический подход был слишком односторонним для их выяснения.

С первого взгляда может показаться, что исследования звуковых форм стиха велись в узких рамках морфологической школы, так как касались якобы тех моментов произведения, которые лежат на его поверхности. Это не совсем верно, ибо для того чтобы освоить произведение в его целом и специфическом существе, необходимо задуматься над этим первичным, «поверхностным», слоем, который часто игнорируют, не подозревая в нем чего-либо существенного, видя в нем лишь безразличную оболочку, скрывающую за собой суть дела. Однако, имея в виду теоретические выводы, сформулированные особенно, на наш взгляд, четко в литературоведческих работах последнего десятилетия, легко понять усиленное внимание ученых к ритмике и метрике стиха. «Формальные» элементы воспри-

⁷ См. М. Верли. Общее литературоведение. М., 1957, стр. 131—137.

⁴ K. W. Z a w o d z i ń s k i. Studia z wersyfikacji polskiej. Wrocław, 1954, s. 10.

⁵ S. S k w a r c z y ń s k a. Recenzja na «Prace ofiarowane Kazimierzowi Wóycickiemu». «Pamiętnik Literacki», 1938, № 1/4, ч. 287.

⁶ См. Б. М. Эйхенбаум. О поэзии Л., 1969, стр. 523.

⁸ H. Z u c z y ń s k i. Problemy wersyfikacji polskiej. Lublin, 1934; K. Wóycicki. Forma dźwiękowa prozy polskiej i wiersza polskiego. Warszawa, 1912; е г о ж е. Ryt m w liczbach. Wilno, 1938; K. W. Z a w o d z i ń s k i. Zarys wersyfikacji polskiej. Wilno, 1936.

нимаются ими как содержательные, как инструменты для открытия определенно-го содержания⁹.

Вместе с тем, из-за большой зависимости от немецкой школы Э. Сиверса и Ф. Сарана, польских ученых можно упрекнуть в некоторой ограниченности, как и всё направление слуховой филологии, критику которого мы находим у Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума¹⁰.

Новую проблематику в польскую науку о стихе вводит Ф. Седлецкий¹¹. Традиционные вопросы польского стиховедения предстают у него в свете идей пражской фонологической школы, которая, в отличие от представителей слуховой филологии, рассматривала произведение как многогранное явление, требующее анализа не только его внутренней структуры, т. е. соотношений отдельных элементов, но и функций этих элементов. Кроме того, Ф. Седлецкий уделяет особое внимание методологическим вопросам анализа, посвящая этим проблемам отдельные работы. О методологических же принципах последователей школы слуховой филологии мы можем судить лишь опосредованно — делая выводы из конкретных стиховедческих работ.

Если литературу считать искусством языка, то при ее анализе, естественно, возникает проблема соотношения всеобщего коммуникативного языка (речи) и художественного языка. «При некоторых обстоятельствах можно даже говорить о единстве языкознания и литературоведения, поскольку существует постепенный переход от широких языковых систем к более узким и, наконец, к отдельному тексту»¹².

Поэтому теоретики литературы нередко обращались к новым достижениям языкознания и стремились применить открытия в этой области к предмету сво-

их исследований если не совсем адекватно, то с небольшими коррективами.

«Понимание языка как системы и следующий отсюда структурально-функциональный метод (...) намечает новую область исследования стиха как структуры и вообще стихосложения как своеобразной системы, а выделенное этим языковедческим направлением точное разграничение проблем структуральных от функциональных дает основу для вычленения еще одной группы проблем науки о стихе — проблем функций стиховых структур»¹³.

Учение о языке как системе позволяет установить своеобразную классификацию, иерархию языковых элементов, их функционально-языковое значение, функциональный заряд. В структурно-функциональном анализе изучение звуковой стороны произведения уже не является самоцелью. Оно включается в цепь анализа с позиций трех языковых категорий: фонемы, морфемы и предложения.

Таким образом, исследователя уже интересует функциональное значение фонологической системы, т. е. той последовательности звуков, тех сочетаний фонических знаков, которыми пользуется интеллектуально-коммуникативная языковая система.

Ф. Седлецкий считает, что «сопоставление языковых открытий фонологов с материалом стихосложения может объяснить тип данного стихосложения, роль и значимость отдельных фонических элементов как факторов стиха, их динамику, стиховые, функциональные и другие возможности»¹⁴.

Но автор не довольствуется анализом «физиономии» отдельного стиха. Наряду с синхронным подходом к поэтическому произведению, он подчеркивает надобность и диахронного подхода — анализ эволюции, изменений стиховедческих систем, установление хронологии формирования стиха данного типа. Причем диахронный анализ стиха, рассмотрение его развития в историческом плане могут быть успешно сопоставлены с развитием языка.

Ф. Седлецкий ставит вопрос о художественных функциях отдельных фонических структур, вопрос о их содержательности. Именно здесь сугубо языковедческая и стиховедческая проблема соотношения звуков перерастает в эстетическую. В этом сказывается влияние на Ф. Седлецкого польской философии — поиски объективных основ для определения сути явления, в том числе и художественного произведения.

⁹ См. Г. Д. Гачев В. В. Кожин о в. Содержательность литературных форм. В кн. Теория литературы, т. II. М., «Наука», 1964, стр. 17—35. Эти соображения развиваются и в более поздних работах тех же авторов, из которых в первую очередь следует назвать книгу В. В. Кожина «Как пишут стихи» (М., 1970), посвященную исключительно проблемам стиховедения.

¹⁰ См. Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка, М., 1965, стр. 38—58; Б. М. Эйхенбаум. О поэзии. Л., 1969, стр. 333—341, 523—540.

¹¹ F. Siedlecki. Studia z metryki polskiej. Wilno, 1937; е го ж е. O rytmie i metrze. In: Prace ofiarowane Kazimierzowi Wbóycickiemu. Wilno, 1937; е го ж е. O nowych badaniach nad budową wiersza. «Język Polski», 1945, zes. 2—3.

¹² М. Верли. Общее литературоведение, стр. 64.

¹³ F. Siedlecki. Trzy dziedziny badań nad wierszem. In: Teoria badań literackich w Polsce. Kraków, 1960, s. 240.

¹⁴ Ibid., s. 241.

Вслед за представителями фонологической школы Ф. Седлецкий расширяет понятие материала стиха: не одни лишь акустические феномены или их сочетания, слуховые впечатления, ощущения, а и расположения или соотношения этих элементов как компонентов языковой системы. Материалом стиха Ф. Седлецкий считает языковые знаки¹⁵. Применение знаковой теории расширяет проблематику анализа произведения. Кроме синтаксического аспекта — взаимоотношения знаков внутри произведения — в поле зрения вводится еще семантический аспект — значение знака. Произведение перестает быть лишь «законченным в себе», оно предстает перед нами «как бесконечно развернутое в мир художественное целое»¹⁶.

Анализ языковых зависимостей не исчерпывает всего богатства, заложенного в художественном произведении. Фактически это лишь анализ материала произведения. Расширив его понятие, Ф. Седлецкий по-иному подходит к анализу внутреннего строения произведения и намечает дальнейшие его перспективы и возможности.

«Уже само понятие системы исключает статическое описание (не в смысле синхронности!), требуя подхода к нему с учетом внутреннего механизма, показа его внутренней динамики и роли, которую в нем исполняют его компоненты»¹⁷. Один и тот же фактор, включенный в разные системы, дает разный эффект. Анализ внутреннего сцепления отдельных факторов в стихе поможет выяснить его особенность, отличие от обыденной речи, специфичность характера этого взаимодействия, поможет исследовать «специфический плюс искусства»¹⁸.

В качестве примера Ф. Седлецкий описывает возможность анализа различных функций метрического фактора в стихе. Изучение всего богатства стихотворных метрических форм приводит в конечном счете исследователя к постановке вопроса о ритме в прозе. Здесь, как и в стихе, надлежит проанализировать фразу, ее компоненты, ее расчленяющие факторы и выделить конструктивный элемент.

В поэзии ритм является первичным, доминирующим элементом. Ему подчинены все остальные компоненты стиха, они «деформированы» по требованию ритма. В прозе же ритм подчинен ее первичному

элементу — семантическому назначению речи. Поэтому если ритм в прозе очень сильно проявляется, он становится отвлекающим, мешающим элементом. Значит, судить о ритме в прозе и в стихе надо с точки зрения их специфической конструкции, учитывая и в одном, и в другом случае функциональное различие ритма¹⁹.

Будучи сторонником структурально-функционального анализа произведения, Ф. Седлецкий ставил в своих работах вопрос, без учета которого анализ произведения не был бы полным, — вопрос о функции стиха как компонента поэтического произведения, о художественной роли стиха.

Фоническая схема стиха может периодически повторяться, и это ведет к автоматической регулярности. Но возможно и нарушение этой регулярности: деавтоматизация. И в одном, и в другом случае возможен своеобразный художественный эффект.

Итак, предложенная Ф. Седлецким трехчленная система исследования поэтического произведения включает изучение материала произведения, его внутреннего строения и функций стиха. Но если бы Ф. Седлецкий ограничил задачи исследователя лишь анализом этих отдельных частей, он бы противоречил сам себе — принципам им же предлагаемого структурально-функционального анализа. Ценным вкладом в польскую эстетику является выдвинутое Ф. Седлецким требование анализа взаимосвязей, появляющихся между языком, стихом и поэзией. Дальнейшая программа представлена им лишь в самых общих чертах. Ее проблематику можно свести к следующему.

I. Зависимость произведения от материала

Это общеэстетическая проблема, возникающая во взаимодействии первых двух членов цепи: материал — произведение — искусство. В приложении к рассматриваемым проблемам имеется в виду зависимость стиха от системы языка. Ведь язык в какой-то мере определяет национальные метрические системы. Иногда они сменяют друг друга в историческом развитии, иногда существуют одновременно. Например, польской поэзии из-за постоянного ударения присущи все три метрические системы — силлабическая, силлаботоническая и тоническая. Отношение поэзии к языку, степень ее агрессивности по отношению к языковому материалу или стремление согласовать поэтический язык с интеллектуально-

¹⁵ F. Siedlecki. *Trzy dziedziny...*, s. 242.

¹⁶ П. В. Палиевский. Художественное произведение. В кн. Теория литературы, т. 3. М., «Наука», 1965, стр. 422.

¹⁷ F. Siedlecki. *Trzy dziedziny...*, s. 243.

¹⁸ Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка, стр. 33.

¹⁹ См. Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка, стр. 70—73.

коммуникативным не всегда одинаковы. Причины изменений этих величин различны, и их следует изучать.

II. Зависимость произведения от системы искусства

Это вторая, не менее существенная группа вопросов, ибо каждое произведение, в том числе и поэтическое, включено вначале в систему своего вида искусства, а через него в общую систему искусства. Здесь важно выяснить, как изменения, происходящие в границах нестиховых компонентов поэтического произведения, изменения в литературе вообще, влияют на изменения типов и форм стихосложения; как проявляется зависимость появления новых типов стиха от новых поэтических типов; каким образом изменения форм реализации стиха влияют на изменение типа стихосложения и др.²⁰

²⁰ F. Siedlecki. Trzy dziedziny... s. 250.

III. Вопросы метода анализа произведения

Это самый острый и наиболее дискутируемый вопрос в польской довоенной науке. Из рассмотренных выше взглядов Ф. Седлецкого следует, что методы анализа, применяемые к материалу, в какой-то мере могут быть применены и к анализу самого произведения, из этого материала построенного.

Таким образом, круг проблем, поднятых Ф. Седleckим, намного шире, чем у его предшественников. Многие вопросы им были затронуты впервые в Польше, но, к сожалению, дальнейшего развития не получили. Началась война. После войны идеи Ф. Седлецкого были оценены и конкретизированы в работах Марии Длуской, Марии Ренаты Майоновой, Станислава Фурманика и других польских теоретиков²¹.

Г. Кобецкая

²¹ Об их работах см.: В. Е. Холшевников. Русская и польская силлабика и силлаботоника.

КНИГА О БОЛГАРСКОМ ИСКУССТВЕ

Болгарскому читателю, интересующемуся вопросами изобразительного искусства, хорошо знакомо имя Евгении Львовой. Это один из наиболее последовательных советских искусствоведов, всецело посвятивший себя изучению болгарского искусства. В советской и болгарской печати опубликовано большое количество ее трудов.

Весной 1971 г. в московском издательстве «Искусство» вышла монография Е. Львовой «Искусство Болгарии». Это серьезный опыт целостного исследования болгарского искусства со времен его возникновения в условиях Первого болгарского царства до наших дней. Более того, автор книги знакомит советского читателя и с искусством протоболгарского периода, т. е. искусством, появившимся на болгарской земле еще до возникновения болгарского государства в VII в. (681 г.).

Создание такого обобщающего труда под силу только человеку, глубоко знающему развитие болгарского изобразительного искусства, притом не в общих чертах и закономерностях, а конкретно (эпохи, направления, проблемы, авторы, памятники, произведения). Позволю себе сразу отметить, что Е. Львова успешно справилась с трудной задачей. Она рационально использовала и обобщила свои большие знания в области болгарского искусства. Ею глубоко изучена существующая болгарская литература по вопросам изобразительного искусства,

внимательно исследованы сами памятники болгарского искусства. Этому немало способствовали неоднократные посещения Е. Львовой Болгарии, ее научные контакты с болгарскими искусствоведами и художниками, для которых, в свою очередь, было весьма полезным творческое общение с русской исследовательницей.

Эрудиция автора не ограничивается областью искусства, она распространяется и на историю болгарского народа и на развитие его культуры. Это позволяет автору делать смелые обобщения и выводы, нередко новые для болгарского искусствоведения.

Естественно, что обширный материал, охваченный в книге, не мог быть изложен в подробностях. Автор заостряет внимание главным образом на основных этапах и достижениях болгарского искусства, наиболее подробно останавливаясь на тех периодах его развития, которые им больше изучены. Это прежде всего эпоха болгарского национального Возрождения и период непосредственно после освобождения Болгарии от османского владычества. С точки зрения целостности разделы книги получились неравнозначными по содержанию и объему. Строго говоря, это недостаток, но вполне оправданный и даже неизбежный при столь масштабной задаче, почти непосильной для возможностей одного автора.

«Красной нитью» в книге проходит проблема непрерывной традиции в раз-

витии болгарского искусства. Эту проблему автор ставит еще в вводной главе, где кратко знакомит читателя с вопросом появления староболгарского искусства, возникшего на основе большого и высокохудожественного наследия (развивавшегося на болгарских землях фракийского и античного искусства). Однако главное внимание в этой главе автор не без основания сосредотачивает на древнеболгарском и средневековом болгарском искусстве. Е. Львова хорошо знает этот период, ее оценки правильны и точны. Очень убедительно, хотя и сравнительно кратко, характеризуются и наиболее значительные художественные памятники того времени, такие как стенописи Боянской церкви, Иванова, Земена, башни Хрельо, церкви Пантократора и св. Ив. Алитургитоса в Несебре, болгарская иконография и миниатюры.

Анализ развития и характера болгарского искусства времен турецкого владычества, который дается в той же вводной главе, показывает, что автору хорошо знаком и этот период. Оценка памятников того времени, хотя и недостаточно полная, дает советскому читателю верное представление об исключительно тяжелом для болгарского народа времени. Отмечается подчеркнуто народный характер болгарского искусства времени турецкого владычества и то огромное значение, которое оно имело для порабощенного болгарского населения в его стремлении сохранить национальную самобытность и национальные традиции.

Наиболее полной и подробной является глава первая — «Искусство Болгарии эпохи национального Возрождения». И это не случайно. Е. Львова — один из крупнейших специалистов в области искусства болгарского Возрождения, по знанию и художественному опыту не уступающий болгарским специалистам. Ее перу принадлежит большой научный труд по этой же теме, который готовится к печати. Поэтому первая глава монографии в научном отношении наиболее обстоятельная. Автором собрано много нового, интересного, неизвестного еще у нас художественного материала по болгарскому Возрождению в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда. Этот новый материал значительно обогатил изложение, сделал его более полнокровным и существенно отличающимся от исследований болгарских ученых.

То же относится, хотя в меньшей степени, и к остальным главам. В процессе исследований автором была проведена большая библиографическая работа. Е. Львовай были изучены не только труды болгарских специалистов, но и многочисленные работы русских византистов, а также советских авторов, которые в Болгарии были почти неизвестны. Все это усиливает научное значение кни-

ги, делает ее более интересной для читателей-специалистов.

Глава вторая — «Болгарское искусство конца XIX — первых десятилетий XX века». В целом и здесь находим присущее автору глубокое знание болгарского искусства периода после освобождения Болгарии от турецкого ига. Раздел завершается анализом болгарского искусства 30-х годов.

Убедительнее в смысле изложения и глубже в научном отношении представлен первый раздел второй главы, охватывающий период непосредственно после освобождения Болгарии от конца прошлого века. Верно отмечены основные тенденции в болгарском искусстве того времени, его прочная связь с жизнью, с русской культурой и культурой других стран и народов.

Довольно подробно автор рассматривает творчество крупных художников, работавших в конце XIX в., так называемых «художников-бытовиков» — И. Мырквички, А. Митова, И. Ангелова, Я. Вешина.

Второй раздел этой главы посвящен периоду с начала нашего века до конца 30-х годов. Это один из наиболее сложных периодов болгарской истории. В болгарском искусстве в то время ясно намечаются две линии: одна, так или иначе связанная с реакционными классами (официальное искусство), и другая, тесно связанная с новыми прогрессивными силами.

Автору хорошо удалось представить общую картину развития искусства этого периода. Верно отмечаются различные его этапы, рассматривается творчество отдельных его представителей. Гораздо полнее и подробнее, однако, анализируется период до 20-х годов, чем история болгарского искусства 20—30-х годов. Между тем 20—30-е годы — очень интересный и важный этап с точки зрения развития болгарского социалистического искусства, и ему следовало бы уделить больше внимания, по крайней мере в сравнении с тем, сколько было уделено творчеству художников-бытовиков И. Мырквичке, А. Митову и др. Автор же лишь несколькими фразами отмечает творчество таких прогрессивных художников 20-х годов, как И. Милев, П. Георгиев, отличающееся и социальным характером, и подчеркнуто болгарской творческой физиономией, а творчеству крупнейших мастеров современного болгарского искусства — художника В. Димитрова-Майстора и скульптора И. Лазарова — посвящено всего лишь полстраницы.

То же можно сказать и относительно периода 30-х годов. В этой части монографии мы не найдем ни одного подробно рассматриваемого художника. Вся часть анализа искусства 20—30-х годов строится автором исходя из слезности раз-

впития общественных отношений того времени, и в этой сложности автор не без основания ищет решение основных проблем художественного развития искусства. Но это ни в коей мере не устраняет необходимости глубокого анализа творчества крупнейших художников этой эпохи, таких как С. Венев, И. Фунев, В. Стайков, К. Цонев, Л. Далчев, С. Сотиров, А. Жандов, Б. Ангелушев и др. Имена таких известных мастеров, как Б. Обрешков, М. Георгиев, В. Стайков, И. Ненов, лишь называются, а такие художники, как З. Бояджиев, Д. Делчев, В. Недкова и многие другие, вовсе не упоминаются.

Не со всеми положениями и выводами этой главы можно согласиться. Конечно, искусство не только «субъективное отражение объективной действительности». Оно еще и субъективно преломляется в духовной сущности воспринимающего его. И потому как нечто естественное и необходимое допустимо различие в оценках авторов, когда оно не идет вразрез с основными тенденциями общего развития искусства, тем более что это различие не столь существенно и не касается предпочтения того или иного художника или произведения другим, их переоценки или недооценки. Имеются, однако, некоторые моменты, когда эти различия выходят за рамки просто различий во вкусах. Я имею в виду оценку, которую Львова дает художникам-бытовикам конца XIX в. Она не лишена критичности, но это относится лишь к отдельным неудачам художников. Что же касается их общей оценки, то она сильно завышена. Очень мало сказано о том подчеркнуто этнографическом элементе, который умягчал реалистическое и демократическое начало в их творчестве. В то же время дается неоправданно высокая оценка произведениям, в которых этнографический элемент особенно ярко выражен (например, «Второй пловдивский базар», 1888 г., и даже «Рученица» Мырквички).

Нельзя согласиться и с резко отрицательной характеристикой, которую дает Львова творчеству Н. Михайлова. Сказанное ею относится к более позднему периоду его творчества, но объективности ради нужно было бы хоть несколько слов сказать и о ранних произведениях Михайлова, которые отличаются высоким мастерством и занимают достойное место в истории болгарского портретного

искусства. Это в большой степени относится и к оценке творчества Сирака Скитника и Б. Георгиева.

Разумеется, все это недостатки, которых можно было бы избежать, и не столь большие, чтобы уменьшить значение монографии. Если исключить недочеты, относящиеся главным образом к обзору искусства 20—30-х годов, можно сказать, что автор удачно справился с той большой задачей, которая перед ним стояла. Умело подобраны наиболее значительные для каждого периода художники и произведения, их художественный анализ отличается серьезностью и продуманностью. Все это бесспорно свидетельствует о том, что автор не только хорошо знает болгарское искусство, его памятники, художников и их произведения, но и обладает верным художественным чутьем.

Верно отражают развитие болгарского искусства и хорошо подобранные цветные и черно-белые репродукции. Но чтобы быть до конца критичными, и в этом случае обращаем внимание на все те же 20—30-е годы. Тут снова встает необходимость сравнения с предшествующим периодом. И. Мырквичка представлен пятью репродукциями, А. Митов и И. Ангелов — тремя, в то время как отсутствуют репродукции значительных произведений ряда художников 30-х годов, роль которых в развитии болгарского изобразительного искусства не меньше, а в ряде случаев и больше. Мы имеем в виду таких художников, как Л. Далчев, М. Марков, Б. Обрешков, М. Георгиева, И. Ненов и др.

В заключение мне бы хотелось поблагодарить автора книги «Искусство Болгарии» от имени болгарских художников и всех, кто любит и ценит болгарское искусство, за большой труд и ту любовь, с которой была написана эта его и наша книга. Это действительно ценное и очень полезное издание. Не сомневаюсь, что книга будет доброжелательно встречена не только болгарским, но и советским читателем, которому она непосредственно адресована. Она откроет перед ним многовековое развитие искусства маленькой, но очень старой по своей культуре братской славянской страны, для которой русский народ был всегда самым близким, родным братом.

Мара Цончева

СБОРНИК СТАТЕЙ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА

В сборник статей чешского литературоведа Йозефа Грабака, известного своими трудами по стиховедению, поэтике и истории древнечешской литературы, вошли работы, в разное время (с 1937 по

1968 г.) опубликованные им в иностранных изданиях. Эта не совсем обычная книга (составляющие ее статьи по большей части, как и первоначально, публикуются на разных языках — рус-

ском, польском, чешском, французском, немецком и английском, отсюда и ее название¹) состоит из трех разделов. Первый посвящен вопросам стиховедения и поэтики, в него включены следующие работы: «Основные вопросы теории стиха», «К вопросу об отношениях между стихом и прозой...», «Текстология и орфография», «Отокар Теер и зарождение чешского тонического стиха», «Заметки о характере чешского силлабического и силлаботонического стиха», «К методике изучения литературных взаимоотношений в области стиха», «Польский средневековый восьмисложный стих». Второй раздел составили статьи в основе своей историко-литературные: «Что такое жанр», «Проблема чередования литературных направлений в древних славянских литературах», «К вопросу о немецко-чешских взаимоотношениях в средние века», «Некоторые проблемы чешской литературы XIII и XIV веков», «Античные традиции в чешской литературе эпохи барокко», «К вопросу об отношении чешской поэзии à la mode к литературной традиции предшествующего периода», «О стилистической структуре чешской „Повести о Фортунате“». Небольшой третий раздел озаглавлен «Комментарий», но это не обычный свод пояснений в конце книги, а скорее целостная статья об актуальных вопросах современного литературоведения, занимающих автора и нашедших конкретное рассмотрение в той или иной из его работ.

Хотя предметом анализа статей Грабака является в основном чешский материал, все же, как подчеркивает сам автор, его выводы «имеют общенаучное значение и касаются основной проблематики литературоведения вообще» (стр. 152). Таким образом сборник не только знакомит читателей с постановкой и освещением ряда конкретных вопросов практического изучения литературы (главным образом чешской), входящих в круг интересов автора, но и дает представление о его итоговой позиции в подходе к решению некоторых общетеоретических проблем, представляющих интерес для всех литературоведов. В этом нельзя не видеть большого достоинства книги. Надо заметить, что выражая в ней «свою современную концепцию литературоведения», Йозеф Грабак в какой-то мере знакомит читателей также и с теми насущными вопросами теории литературы, которые в настоящее время волнуют чехословацких литературоведов. Какие же это вопросы?

Обратим внимание лишь на некоторые из них. К числу основных проблем современной науки о литературе автор книги относит выяснение предмета и сущности этой науки. По его мнению, современное

литературоведение должно считаться со специфичностью литературы как искусства» (стр. 152). Указывая на известные «разногласия» между двумя исторически сложившимися подходами к изучению литературы (морфологическим или формообразующим и идейно-тематическим), Йозеф Грабак полагает, что для устранения возникшего в результате односторонности противоречия специфику литературного творчества следует искать «в особенностях его смыслового построения». По мнению чешского ученого, «это сблизит теорию литературы с теорией остальных видов искусства» (стр. 153). Чтобы «избежать самодовольного, ничего не говорящего описания форм», — говорится в книге, — необходимо «соединить морфологическое исследование с изучением смысла литературного произведения» (стр. 153).

В непосредственной связи с решением вопроса о сущности литературоведения в сборнике рассматривается вопрос о сущности литературы. В нем высказываются мысли, «что начало литературы нельзя отождествлять с появлением первых текстов (как думали ранее историки литературы) и что о литературе в собственном смысле слова можно говорить тогда, когда тексты уже дифференцированы по их функции и по их форме» (стр. 155). Далее в третьем разделе книги сказано: «Существенным значением художественной литературы в современной культурной жизни автор настоящей статьи считает тот факт, что произведение художественной литературы (в отличие от научной и деловой литературы) включается одновременно в два контекста: как идеологическое явление в контекст практической жизни и как языковое явление в „литературный контекст“» (стр. 156). Такая двойственность применительно к чешской литературе, по мнению автора, дает о себе знать уже в эпоху Ренессанса.

«Литературные жанры» и «литературные направления» рассматриваются в книге как «исторически возникшие», развивающиеся и изменяющиеся «категории». Специальное место уделено в ней «проблеме языкового ограничения национальной литературы». Здесь автор «исходит из предположения, что для понимания национальной литературы прошлого решающее значение имеет ее функция, а не язык». На стр. 157 он пишет: «Национальную литературу образуют произведения, предназначенные для членов определенной национальной общности (по крайней мере, ее ведущего слоя), независимо от того, написаны ли они на национальном языке или нет». Логическим развитием этого высказывания является утверждение необходимости включения в историю чешской литературы «древнецерковнославянского творчества эпохи Великой Моравии и эпохи

¹ J. H r a b á k. Polyglotta. Brno, 1971, 165 s.

княжения Пржемысловцев», латинских памятников средневековья и некоторых произведений на немецком языке, относящихся ко времени национального Возрождения.

Как следует из сказанного, составляющие сборник «Polyglotta» статьи представляют интерес не только для специалистов по чешской литературе, но и для

более широкого круга литературоведов. Для облегчения знакомства русских читателей с их содержанием автор сопроводил каждую статью не только чешским, но и русским резюме. Кроме того на чешском и русском языках в книге, воспроизведены тексты введения всего третьего раздела.

Л. К.

R. ZETT. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode. Köln, Wien, Böhlau Verlag, 1970, 368 S.

Р. ЦЕТТ. Материалы по истории сложных существительных в сербско-хорватском языке

Изучение славянского словосложения имеет более чем столетнюю историю. Оно отражено в ряде фундаментальных исследований, посвященных разным периодам развития славянских языков, в том числе и древнейшим. Следует признать, что рецензируемая книга Р. Цетта превосходит обилием материала и тщательностью анализа известные труды Ф. Миклошича, В. Ягича, М. Вейнгарта, В. Истрина, И. Лося, Е. Рудницкого, Э. Диккенмана и других исследователей славянского словосложения. Вопрос, однако, в том, каким образом и в какой мере 2199 слов, извлеченных Р. Цеттом из памятников «сербской редакции церковнославянского языка от конца XII в. до начала XVIII в.» (стр. 42), обогащают имеющийся в нашем распоряжении корпус древнейших славянских именных композитов.

Надо сказать, что автор сознает ненадежность принятых им территориальных и хронологических рамок. На стр. 33 его книги говорится о том, что «сербская редакция представляет лишь региональную сферу, и множество образований возникло наверняка не в Сербии», что лучше было бы ввиду этого рассмотреть весь церковнославянский или по крайней мере древнейший период развития церковнославянского в целом. Но этому, как справедливо указывает и сам автор, препятствует обилие материала и невозможность опираться исключительно на письменные источники.

Р. Цетт избрал сербско-хорватскую редакцию церковнославянского в противовес «одностороннему привлечению русской (восточнославянской) редакции». «Более основательная опора на сербский вклад... может, — как утверждает автор, — внести необходимые поправки». Внешне такая аргументация выглядит вполне убедительно. Действительно, памятники русской редакции обследованы лучше, чем произведения, возникшие на сербской почве. Однако вряд ли

именно это обстоятельство мешает нам составить полное представление о славянском словосложении древнейшей поры. Никому до сих пор не удалось на материале старинных памятников выявить специфические отличия восточнославянского словосложения от южнославянского, а тем более украинского — от русского и белорусского, сербского — от словенского и т. д. Редакции церковнославянского (лучше, как принято в современной палеослаистике, — древнеславянского литературного) языка отчетливо различаются в области фонетики и морфологии. С течением времени (особенно начиная с XIII—XIV вв.) заметными становятся лексические различия. Но в области синтаксиса и словообразования удивительно долго (сплошь и рядом до настоящего времени) сохраняется древняя традиция. Поэтому даже привлечение памятников поздней формации, и притом возникших на территории нынешней Югославии (таких, как Житие архиепископа Максима по рукописи XVII в. или «Старинные сербские родословия и летописи» XIV—XVIII вв., изданные Л. Стояновичем), не помогут обнаружить композиты неизвестных ранее разновидностей. Тем более не способствуют этой задаче сербские списки с памятников, возникших на моравской почве (например, Шишатовачкий апостол, 1324 г.; Никольское евангелие, ок. 1400 г.), на болгарской почве (например, Житие Стефана Лазаревича, XV в.; труды Дмитрия Кантакузина, XV в.), на русской почве (например, Сказание об Акире Премудром, русский перевод XI в., сербский список XVI в.; Повесть о Варлааме и Иоасафе, русский перевод XII в., сербский список XVI в.; Житие Василия Нового, русский перевод XI в., сербский список XIV в.).

Из 2199 именных композитов, представленных в труде Р. Цетта, более трети не отражены в известных словарях Ф. Миклошича и И. И. Срезневского. Однако

эти композиты представляют интерес исключительно как неизвестные доныне древнеславянские лексемы, никаких специфических сербско-хорватских или иных особенностей словосложения в них обнаружить невозможно. См., например, отсутствующие в словарях Ф. Миклошича и И. И. Срезневского композиты с первым компонентом благо-: благобагость, благосѣнькы, благочестиволюбькы, благочестиволюбькы, благочестивноумудрькы, благогодатьникы, благогодатьниця, благодоходьчкы, благодаржавькы, благодаржавькы и т. д., всего 66 композит из 189 композит на благо, наличествующих в труде Р. Цетта. Ср. также зарегистрированные Ф. Миклошичем и И. И. Срезневским кровотоичькы и не зарегистрированное медоточикы. Последнее слово — одно из многих, усвоенных русской традицией, но не отраженных в наиболее полном собрании лексем, извлеченных из произведений древнерусской письменности. См. еще: баснословькы, дьлгородькы, единоличькы, кьнигоноша, малоумькы, мьлнненоськы, мьногоядцькы, нововрачькы, очевидькы, прьвоучителькы, поутьшьствькы, равьнодоучькы, самодаржавькы, триуголькы, троудьлюбькы, хьлбьпродавцькы, чькьвоудькы и др.

Все эти слова, как явствует из труда Р. Цетта, бывали в рукописях сербско-хорватского происхождения. Но они сохранились и в русских рукописях, не дошедших до нашего времени или не обследованных И. И. Срезневским. Об этом свидетельствует то, что они не чужды современному русскому литературному языку.

Следовательно, материал, представленный Р. Цеттом, имеет большое значение не только для истории сербско-хорватского, но и для истории русского литературного языка. Он шире заглавия рецензируемой книги, что, впрочем, неизбежно, так как свод композит, употребленных в памятниках какой-либо редакции древнеславянского литературного языка, не может иметь существенных отличий от свода композит, употребленных в памятниках другой редакции.

Это обнаруживается и при обратном сопоставлении. Ср. композиты, наличествующие в памятнике болгарской формации «Хронике» Манассии и отсутствующие у Р. Цетта: вагрѣнодѣтъкы (ср. имеющиеся у Р. Цетта вагрѣнородькы), вьлдословькы (ср. у Р. Цетта вьлдословькы и хьтрословькы), вратоубьствькы (ср. у Р. Цетта — вратоубьствькы и доушеубьствькы), вьклоцѣтъкы (ср. у Р. Цетта — вьклообразькы и краськоцѣтъкы). Ср. также композиты, наличествующие в памятнике русской формации «Иудейской войне» Иосифа Флавия и отсутствующие у Р. Цетта: градосемькы (у Р. Цетта есть градоньзавькы и лихьомькы); звѣроумькы (у Р. Цетта — звѣровьство и зькодоумькы); лихьомудрькы (у Р. Цетта — лихьомьствькы и великомудрькы,

косеомудрькы, мьногосеомудрькы); мьтѣжетвьорькы (у Р. Цетта — мьтвьорькы, чьдотвьорькы); полубогькы (ѣмьбьгь) (у Р. Цетта — полужьтвьорькы, полужьтвьорькы); прьсторькы (у Р. Цетта — благородькы, дьлководькы); тьклохраньтелькы (у Р. Цетта — законьхраньтелькы). Это не исключает индивидуального своеобразия словосложения у отдельных авторов. См., например, упомянутое уже звѣроумькы в соответствии с греческим простым словом φρόνησις в «Иудейской войне» и аналогичное каменьомудькы в соответствии с греч. λιθοχαρδία (собств. «каменное сердце») в сербском «Житии св. Савы» конца XIII в. См. также в «Иудейской войне» наряду с приведенной выше лексемой полубогькы — полубожья душа, в соответствии с греч. ἡρωικὴ ψυχὴ (собств. «героическая душа») или придуманное Дмитрием Кантакузином скорьпемьчькы. Но это именно индивидуальные, авторские особенности словосложения, а не особенности редакций древнеславянского литературного языка.

Изложенное выше касается качественного своеобразия исследуемых Р. Цеттом композит и их числа. Вероятно, читатель согласится с тем, что сербский вариант древнеславянского литературного языка не имеет специфических отличий в области словосложения от восточнославянского варианта; однако его поразит обилие вводимых в научный обиход композит, извлеченных из региональных словарей и из малоизвестных памятников сербской письменности.

В области теории словосложения рецензируемый труд не дает ничего нового. Р. Цетт ограничивается общими замечаниями о мотивационных отношениях между компонентами композит и об их отношении к сочетаниям лексем (стр. 44—48), затем дает сведения о статистической структуре первых компонентов (стр. 48—51), вторых компонентов (стр. 51—53), о соединительных гласных (стр. 53—56) и о присущих композитам суффиксах (стр. 56—58). Далее он приводит подробное описание морфологических типов: IА. Имя + Глагол; IБ. Глагол + Имя; IIА. Имя + Имя. Производные слова; IIБ. Имя + Имя. Непроизводные слова. Внутри этих типов композиты классифицируются по принадлежности компонентов к той или иной части речи (существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение), по суффиксам и в семантическом отношении (nomina agentis, instrumenti, loci, temporis и пр.). Классификация эта выполнена очень тщательно и охватывает все композиты без исключения.

В особом разделе книги обсуждается проблема славянского наследия и калек с греческого. Надо сказать, что автор привел здесь наиболее полный перечень образований, которые можно с какой-либо степенью вероятности причислить к исконно славянским. Иногда, правда,

суждения его слишком категоричны. Так, на стр. 111 противопоставляются церковнославянское *благоначитѣ* и исконно сербское *добронаочитѣ*. Однако в Минее 1096 г. мы находим *добронаочитѣ* в соответствии с греческим *εὐπροσήγορος*¹. С другой стороны, напрасно отсутствует в списке исконно славянских композит *сръдобола*. Вслед за Р. Айтцетмюллером автор считает это слово ложноэтимологическим отклонением от тюркского прототипа *circii-bojla* (со вторым компонентом этой композиты Р. Айтцетмюллер связывает также *боларникъ*). Однако такая этимология неприемлема ни в семантическом, ни в фонетическом отношении. Проще предположить древнее метафорическое обозначение родства, а современное русское *сръдобольный* 'жалостливый' считать не производным от *сръдобола* 'родственник', а осколком древнейшего употребления. Ведь в русских говорах известно только значение 'жалостливый'²; ср. также укр. *сръдоболець* и *сръдобольный*, заимствование, по крайней мере, первого из которых из русского языка исключается.

Типология калькирования в рецензируемой книге опирается на труды В. Бетца и К. Шумана. Различаются: заимствованный перевод (*Lehnübersetzung*) — слово построено полностью по иностранному образцу, например, *родословне* — *γενεαλογία*; заимствованный перенос (*Lehnübertragung*) — слово лишь частично передает структуру иностранного слова, модифицирует, расширяет или редуцирует ее, например, *васека* — *μεγαλοπρεπής* (ср. заимствованный перевод *великоплъкъ*), *чръкоугодне* — *υαοστριαρχία* (ср. заимствованный перевод *чръковъские*), см. также инверсию компонентов: *трудолюбие* — *φιλοπονία*; добавление заимствованного переведенного компонента (*Lehngliedzusatz*) к слову, которое само по себе является переводом композита, добавляется перевод одного из его компонентов, например, *дыготръпкъне*, где *к тръпкъне*, которое соответствует греч. *μακροβύχη*, добавлен избыточный компонент *дыго-*, являющийся переводом греческого *μακρο-*. См. также избыточное добавление второго компонента: *слабомоцнь* — *ὑαθενής* (которое

само по себе означает *слабь*); заимствованный словообразовательный тип (*Lehnwortbildungstyp*) — таковым является *съ + субстантивный корень + суффикс ѣникъ*: *съплемъникъ* — *σπιφυλέτης*, *сръдникъ* — *συνάνης*; примеров из сербско-хорватского материала Р. Цетту привести не удалось, но их довольно много, помимо приведенных выше, в словаре И. И. Срезневского: *съпоглагольникъ* — *συνήγορος* (II, 796), *съсващъникъ* — *συντερεύς* (II, 821), *състоальникъ* — *συνεδρος* (II, 828); на стр. 110 с полным основанием утверждается, что структурные типы IB и IIB (см. выше) были искони чужды славянским языкам и являются заимствованными, а среди других типов обнаруживается много исконно славянских структур; заимствованное (зависимое) создание (*Lehnschpfung*) — формально независимое новообразование для перевода иностранного слова, например, немецкое *Kraftwagen* — 'автомобиль', серб-хорв. *vedozemac* 'амфибия'; этот тип, охотно используемый пуристами, в каком-либо древнем литературном языке найти трудно; частичный перевод (*Teilübersetzung*) — один компонент композита переведен, а другой сохраняет иноязычную форму, например, *вогостинъ* — *θεοστυής* (ср. заимствованный перевод *вогомръзкъ*).

Сведения о композитах-кальках дополняются описанием дублетов типа *благодавца* — *благодетель*, а также *самоборца* — *монама* и *роукоблюдне* — *малакнъ* (греческое *μαλαχία*), где заимствованию противостоит не калька, а своеобразное славянское образование.

Половину книги (стр. 138—368) составляют тщательно выполненные алфавитные указатели (славянский и греческий), список источников и список литературы. В последнем представлены работы советских авторов, но только описательные, а не теоретические (отсутствуют, например, труды В. П. Григорьева, Е. Рудницкого, М. Д. Степановой, В. И. Троицкого по русскому, украинскому и немецкому словосложению).

Хотелось бы, чтобы в монографии, вышедшей в 1970 г., были отражены новые идеи. Так, с нашей точки зрения, вполне возможно представить определенные разновидности славянских композит как порождающие модели. Не станем, однако, порицать Р. Цетта за то, чего он не сделал. Его труд так или иначе займет достойное место в ряду фундаментальных исследований, посвященных славянскому словосложению.

М. М. Копыленко

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 678.

² См. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, т. IV. М., 1909, стр. 130.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972 г.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Борисов А. Некоторые вопросы современной политики американского империализма в отношении социалистических стран Европы. Учен. зап. Моск. гос. ин-та междунар. отношений. Всеобщая история, М., 1969, вып. 1.

Гоголадзе Р. Политические деятели ФРГ о польско-западногерманском договоре. Междунар. жизнь, 1972, № 1.

Декларация о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе. «Коммунист», 1972, № 2.

Коммюнике совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. «Коммунист», 1972, № 2.

Слепов Л. А. Пролетарский интернационализм и несостоятельность его буржуазной и ревизионистской критики. Вопр. истории КПСС, 1972, № 1.

2. *Экономика,*

экономическое сотрудничество

Азаренко Л. А. Помощь СССР Болгарии в развитии тяжелой промышленности в годы третьей пятилетки (1958—1962 гг.) В кн. История. Вып. 1. Алмата, 1971.

Алексеев А., Савенко Ю. Экономическая интеграция в развитии топливно-энергетических отраслей стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1971, № 12.

Благовещенский В. В. Об экономическом сотрудничестве социалистических стран. В кн. XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы политической экономии. М., 1971.

Богданов А., Спасов И., Георгиев И. О работе объединений в электротехнической промышленности НРБ. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. Вып. 2. М., 1971.

Гавилевский В. Новый этап сотрудничества (О результатах переговоров между СССР и СФРЮ об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, проходивших в декабре 1971 г. в Белграде). «Новое время», 1972, 7 января, № 2.

Галев Т. Математико-статистические модели прогнозирования развития сельского хозяйства в СФРЮ. В кн. Тео-

рия и практика прогнозирования развития науки и техники в странах — членах СЭВ. М., 1971.

Георгиев Г. Основные проблемы труда в НРБ в шестой пятилетке. Соц. труд, 1972, № 1.

Глиньски Б. Экономические инструменты управления предприятиями на основе опыта Польской Народной Республики. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. Вып. 2. М., 1971.

Демин А. А. Иммуниеты и привилегии Международного банка экономического сотрудничества и Международного инвестиционного банка. Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1971, вып. 3.

Дерда К. Системная концепция организации промышленного предприятия. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. Вып. 2. М., 1971.

Доброхотов А. Некоторые итоги и перспективы развития внешней торговли Болгарии. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1971, 27 апреля, № 49.

Драбкин А. С., Карпич В. С. Комплексная программа СЭВ — воплощение ленинских принципов международной социалистической кооперации. Вопр. истории КПСС, 1972, № 2.

Дудинский И. О закономерностях развития мировой социалистической системы. «Агитатор», 1972, № 4.

Дудинский И. Стратегический курс социалистической интеграции. «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 5—6.

Дудолов Б. Советско-югославские экономические связи. Внешн. торговля, 1972, № 1.

Дякина Г. П. Сочетание национальных и интернациональных интересов в процессе экономического сотрудничества социалистических стран. В кн. XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы политической экономии. М., 1971.

Зарев К. О кредитной системе в НРБ. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1971, № 5.

Капанов И. Важная форма сотрудничества СССР с социалистическими странами. Внешн. торговля, 1972, № 1.

Кован И. XXIV съезд КПСС и проблемы развития научно-технических связей СССР с зарубежными странами. Науч. зап. Всесоюз. акад. внешн. торговли, 1971, вып. 19.

Козик Н. А. Современные проблемы развития мирового социалистического рынка в процессе экономической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы политической экономики. М., 1971.

Колыш Я. Дифференциация форм промышленных объединений в Польской Народной Республике. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. Вып. 2. М., 1971.

Костинский Г. Д. Промышленность Краковской района Польши. Учен. зап. Моск. пед. ин-та, 1971, т. 416, вып. 2.

Лезник А. Экономическая заинтересованность стран — членов СЭВ в международной производственной кооперации в автомобилестроении. «Экономика автомобилестроения», 1971, № 4.

Лиферов А. П. Взаимозависимость между развитием и размещением машиностроения и черной металлургии в Словакии. Учен. зап. Моск. пед. ин-та, 1971, т. 416, вып. 2.

Мазанов Г. Международный инвестиционный банк: основные задачи и принципы деятельности. Научн. докл. выпш. школы. Эконом. науки, 1972, № 1.

Максаковский В. П. Пути оптимизации структуры энергобалансов социалистических стран зарубежной Европы. Учен. зап. Моск. пед. ин-та, 1971, т. 416, вып. 2.

Михеев С. Новый этап экономического сотрудничества стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1972, № 2.

Михляев А. Проблемы планового совершенствования структуры народного хозяйства в европейских странах — членах СЭВ. Научн. докл. выпш. школы. Эконом. науки, 1972, № 1.

Моисеенко В. Взаимная торговля стран СЭВ в условиях экономической интеграции. «Внешняя торговля», 1972, № 1.

Морозов В. И. Новый этап социалистической интеграции. «Новая и новейшая история», 1972, № 1.

Моторин И. Взаимосвязь международной специализации производства с национальным планированием. Научн. докл. выпш. школы. Эконом. науки, 1972, № 1.

Новиков П. Основные положения при создании системы управления промышленными предприятиями. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. Вып. 2. М., 1971.

Основные направления научно-технического сотрудничества в рамках Постоянной Комиссии СЭВ по электроэнергии. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 5.

Палагачев Н. Опыт Болгарии в прогнозировании развития сельского хозяйства. В кн. Теория и практика прогнозирования развития науки и техники

в странах — членах СЭВ. М., 1971.

Пичугин Б. Новая пятилетка и международное экономическое сотрудничество. Междунар. жизнь, 1972, № 1.

Пугачев Б., Ширяев Н. Научно-техническое сотрудничество стран СЭВ в новой пятилетке. Междунар. жизнь, 1972, № 1.

Радойков В. Формы связей сельского хозяйства и пищевой промышленности в НРБ. Консервная и овощесушильная пром-сть, 1972, № 2.

Развитие народного хозяйства стран — членов СЭВ. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 5.

Соглашение о сотрудничестве между Международным инвестиционным банком и Международным банком экономического сотрудничества. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 5.

Таривердиев Л. Новый этап сотрудничества. Сов. торговля, 1972, № 1.

Тарновский О. Взаимовыгодный обмен на международном рынке СЭВ. Вопр. экономики, 1972, № 1.

Титов В. Н. Творческая программа социалистической экономической интеграции. Эконом. газета, 1971, № 34.

Тучкин Г. XXIV съезд КПСС о внешнеэкономических связях СССР. Науч. зап. Всесоюз. акад. внеш. торговли, 1971, вып. 19.

Фаддеев Н. В. Совет Экономической Взаимопомощи — коллективный орган сотрудничества социалистических стран. «Вопросы истории», 1971, № 8.

Хинчук В. М. Промышленные объединения в Польской Народной Республике. (Некоторые вопросы правового положения.) Проблемы государства и права на соврем. этапе, 1971, вып. 3.

Черний А., Болгарська комуністична партія у боротьбі за розвиток промисловості в роки дворічки (1947—1948 рр.). «Питання нової та повітряної історії», Київ, 1971, вып. 13.

Шатров В. П. Сотрудничество стран СЭВ в области изобретательства. Вопр. изобретательства, 1972, № 2.

Януш Т., Пясецкий Б. Методы оптимального распределения производственных заданий в промышленных объединениях. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. Вып. 2. М., 1971.

3. Партийная жизнь

Иванов В. Е. Памяти пламенного борца за социализм. (О научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения К. Готвальда, проходившей в Москве 22 ноября 1971 г.)

4. Государственное строительство и право

Бондарь Ф. М. Постоянные комиссии городских национальных советов

Польской Народной Республики. В кн. Томский университет им. В. В. Куйбышева. Юридический факультет. Труды. Т. 219. Сборник работ Барнаульского юридического факультета. Томск, 1971.

Златопольский Д. Л. Конституция Народной Республики Болгарии 1971 г. — конституция строящегося развитого социалистического общества. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1972, № 1.

Ревякина Л. В. Принципы и формы сотрудничества коммунистических

партий с крестьянскими партиями в период строительства социализма. (На примере Народной Республики Болгарии.) Вестн. Моск. ун-та. Теория научн. коммунизма, 1971, № 5.

Тихонова В. В. Выдвижение кандидатов в депутаты — важнейший этап избирательного процесса в ПНР. В кн. Томский университет им. В. В. Куйбышева. Юридический факультет. Труды. Т. 219. Сборник работ Барнаульского юридического факультета. Томск, 1971.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бейлис О. С. З історії раннього проникнення США на Балкани (підридна діяльність американських місіонерів в Болгарії в 50—70-х роках XIX ст.). Укр. слов'язнавство, Львів, 1971, вип. 4.

Белякевич І. І. Створення Головного комітету союзів військовослужбовців-поляків (лівиці) та його роль у боротьбі з Начолом. Укр. слов'язнавство, Львів, 1971, вип. 4.

Білан А. М. Документальні матеріали військово-слідчих військово-судових установ як джерело з історії польського повстання 1863 року на Правобережній Україні. Вісн. Київського ун-ту, 1971, № 13.

Влахович П. Ш. Антропологические, этнические и этнопсихологические данные о развитии народов Югославии. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва, 1964. Труды, т. II. М., 1971.

Ганевич І. В. Болгарська історіографія першого періоду диктатури пролетаріату (1944—1948 рр.). Укр. слов'язнавство, Львів, 1971, вип. 4.

Гарібджанян Г. Б. Великие интернационалисты. (К 100-летию со дня рождения Карла Либкнехта и Розы Люксембург). «Ленинин угви» (По ленинскому пути). Ереван, 1971, № 5.

Гроссман Ю. М. Деякі спірні питання виникнення фільварково-панщинної системи у Речі Посполитій. Укр. слов'язнавство, Львів, 1971, вип. 4.

Джеджула Г. А. Польське питання на конференції в Спа. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 13.

Джерела про інтернаціональну єдність трудящих Західної України и Західної Білорусії у боротьбі за соціальне і національне визволення (1927—1931). «Архіви України», Київ, 1971, № 2.

До 70-річчя професора С. О. Нікітіна. Укр. слов'язнавство, Львів, 1971, вип. 4.

Дьяков В. А. Идеиние истоки мировоззрения Петра Сцегенного. В кн. Исследования по истории польского

общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Живкова Л. Английская политика «гарантий» в 1939 году. «Новая и новейшая история», 1972, № 1.

Жигунов Е. К. П. Лавров и его связи с польским революционным движением 70—90-х годов XIX в. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Зайцев В. В. Политика Англии в зв'язку з загостренням кризи на Балканах напередодні першої Балканської війни (літо-осінь 1912 р.). Укр. слов'язнавство, Львів, 1971, вип. 4.

Зайцев В. М. Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского. (По материалам Аудиторнатского департамента военного министерства). В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Калениченко П. М. Сучасна польська історіографія про Україну та українсько-польські відносини періоду капіталізму. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 13.

Карасев В. Г. Открытое письмо сербского демократа Живоина Жуевича к И. С. Аксакову. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Катичаров Р. В. Основные результаты раскопок первобытного поселения в г. Нова Загора (Южная Болгария) в 1968 и 1970 гг. Сов. археология, 1972, № 1.

Кізченко А. Ф. Крах економічного блоку Малої Антанти (1933—1938 рр.) «Питання нової та новітньої історії», Київ, вип. 13.

Кірсенко М. В. Участь Греції у першій Балканській війні. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 13.

Ковба Ж. М. Побут і культура чеських поселенців на Україні в другій половині XIX — на початку XX ст. Укр. слов'язнавство, Львів, 1971, вип. 4.

Кольга М. А. Про югославську

групу РКП (б) та її діяльність в Радянській Росії. Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Комиссаржевский В. Познание, оплаченное жизнью. (О фильме «Гойя» — совместном производстве социалистических стран) «Искусство кино», 1972, № 1.

Король І. Ф. Радянська преса про боротьбу трудящих Закарпаття за воз'єднання з радянською Україною (1917—1929 рр.). Наук. праці з історії КІРС, Київ, 1971, т. 47.

Литвинов О. П. Встановлення братерських зв'язків з трудящими зарубіжних країн — важливий засіб виховання молоді в дусі пролетарського інтернаціоналізму. (З досвіду інтернаціональних зв'язків молоді Радянської України з комсомолом Закарпатської України в 1929—1933 рр.). «Наук. праці з історії КІРС», Київ, 1971, т. 47.

Ляхов В. А. Адрианопольський мир і его историческое значение. Учен. зап. Кр. пед. ин-та, 1972, вип. 88.

Макова Е. С. Некоторые вопросы производства сельскохозяйственных продуктов на землях Загребской коммуны в XVI в. Вестн. Моск. ун-та. История, 1972, № 1.

Маратов Г. И. Из архивных материалов о братьях Сераковских. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Митина Н. П. О некоторых спорных вопросах в оценке общественного движения и русско-польских революционных связей в Сибири в 60-х годах XIX в. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Морозова О. П. Бронислав Шварце как историк восстания 1863—1864 гг. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Найпавер К. Урбаріальні документи XVIII століття джерела соціально-економічного становлення селянства Закарпаття. «Архіви України», Київ, 1971, № 6.

Обушенкова Л. А. Книга В. Заевского «Борьба политических группировок в ноябрьском восстании 1830—1831 гг.» и основные проблемы восстания. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Орехов А. М. Неизвестный программный документ польского социалистического рабочего движения. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Позіна О. С. Сербські і австрійські плани залізничного будівництва на Балканах і позиція Росії (1908 г.) Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Попков Б. С. «Внимает истину из уст твоих народ...» (Научно-педагогическая деятельность Иоакима Лелевеля в 1808—1830 гг. в оценке польских современников). В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Ратич М. О. Борьба трудящихся за выборку реформу на польских землях под владою Австрии на початку XX ст. Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Ременников А. М. Источники по истории войн племен Подунавья с Римом в III—IV вв. н. э. Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1972, вип. 98, сб. 3.

Ременников А. М. О политической обстановке на Нижнем Дунае в канун перехода вестготов на территорию Римской империи. Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1972, вип. 98, сб. 3.

Рехтман М. Комуністична та прогресивна преса Західної України про соціально-економічну політику буржуазно-поміщицької Польщі на західно-українських землях (1934—1939). «Архіви України», Київ, 1971, № 2.

Сегеда В. М. З історії діяльності КІПЧ у справі марксистсько-ленінського навчання комуністів (1924—1929 рр.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Тальвирская З. Я. К истории аграрной программы «Мужичкой правды». В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Турівненко М. Інтернаціональне та патріотичне виховання воїні в Радянській Армії під час визвольного походу в Болгарію. Укр. іст. журн., Київ, 1971, № 12.

Турнау И. Из истории текстильной промышленности в Польше (XVI—XVIII вв.). В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2 (35). М., 1971.

Федосова Т. Ф. Воспоминания Максимилиана Маркса «Записки старика». В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Фірсов М. І. З історії укладення радянсько-чехословацького договору від 12 грудня 1943 року. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 13.

Хенегар Г. Й. Болгаро-румунські дипломатичні відносини в 1908—1909 рр. Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Хонігсмаєн Я. С. Експансія німецького капіталу в південні польські землі в кінці XIX — на початку XX ст. Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Черных М. Н. Письма Ю. Мархлевского к Н. М. Архангельскому. В кн. Исследования по истории польского об-

щественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Чорний В. П. Економічне й політичне становище Болгарії напередодні квітневого повстання (1876 г.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Штакельберг Ю. И. Генерал-кригс-комиссар И. Д. Якобсон о восстании 1863—1864 гг. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

Gunda В. Probleme der Kulturprovinzen in den Karpaten. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва. 1964. Труды т. II. М., 1971.

Kutrzeba-Rojnarova А. Formation et dissolution des groupes ethnographiques dans la region Nord — Est de Mazovie. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва. 1964. Труды, т. II. М., 1971.

Podolak J. Les formes traditionnelles de l'organisation pastorale en Slovaquie. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва. 1964. Труды, т. II. М., 1971.

Zlatkovskaia Т. Les processus ethniques en Thrace IIe au Ier millenaires avant notre ere. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва. 1964. Труды, т. II. М., 1971.

2. Культура и наука

Азбелев С. Н. Мотивы убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Богомолов А. И. VI конференция министров социалистических стран. (Бухарест, 5—10 октября, 1971 г.). Вестн. высш. школы, 1971, № 12.

Борис В. О. Революційна література «Загальної конфедерації польського народу». (1837—1838 рр.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1971, вип. 4.

Виноградова Л. Н. Композиционный анализ польских колядных обрядовых песен. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Гаек И. Путь к выходу из кризиса критериев. (Письмо из Праги) [О литературной жизни Чехословакии в свете задач, поставленных XIV съездом КПЧ]. Вопр. литературы, 1972, № 1.

Гайдай М. М. Визвольні рухи в Моравії і Словаччині у поетичній творчості народу (XVII—XIX ст.). В кн. Визвольний рух слов'ян у народній пісенній творчості (XVII—XIX ст.). Київ, 1971.

Гудь М. В. Визвольні ідеї в сербохорватському народному епосі. В кн. Визвольний рух слов'ян у народній пісенній творчості (XVII—XIX ст.). Київ, 1971.

Жигулев А. М. Сходство славянских пословиц. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Зінченко В. Г. А. Ірасек і А. Кашпар. (Деякі художні особливості роману «Ф. Л. Век» та ілюстрації до нього). В кн. Література і образотворче мистецтво. Київ, 1971.

Карпова Г. М. Болгарские, польские, румынские, чехословацкие и югославские библиографы о национальной текущей регистрации журнальных статей. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом. Сб. Вып. 39. М., 1971.

Кондратьева С. Н. О музыкальных параллелях в песнях Южной России и Юго-Западной Болгарии. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Королюк Л. Борьба Советского Союза на Крымской конференции за демократическую, миролюбивую Польшу и ее справедливые границы. Учен. зап. Моск. гос. ин-та междунар. отношений. Всеобщая история. М., 1969, вып. 1.

Кучер В. I. Конференція, присвячена 350-річчю Хотинської битви. Укр. іст. журн., Київ, 1971, № 12.

Лютова К. Текущая национальная библиография периодики в социалистических странах. 1967—1971 гг. (По материалам Комиссии по периодическим изданиям ИФЛА). Информация о библиотечном деле и библиогр. за рубежом, 1972, вып. 6.

Мартинович Н. С. Мировоззрение черногорского народа по исследованиям П. А. Ровинского. В кн. Международный конгресс антропологических и этнографических наук, 7-й. Москва. 1964. Труды, т. II. М., 1971.

Мартинович Н. С. Центральная библиотека Социалистической Республики Черногории им. Джурдже Прноевича. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом. Сб. Вып. 39. М., 1971.

Москаленко К. С. В боях за освобождение Чехословакии и Польши. «Новая и новейшая история», 1972, № 1.

Наумов Е. П. Южнославянский эпос и проблемы сербского средневековья. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Озеров В. Складывается хорошая традиция. Со второй встречи главных редакторов. Вопр. литературы, 1972, № 1.

Путилов Б. Н. Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Рихта Р. Философские вопросы научно-технической революции. (III чехословацко-советский философский симпозиум. Смоленицы, 5—9 октября 1970 г.) В кн. Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2 (35).

Савинец В. К. Демократизм педагогических идей Яна Амоса Коменско-

го. В кн. А. С. Макаренко. Сб. Кн. 8. Львов, 1971.

Скрипка В. М. Громадські мотиви у чеській народній пісенності. В кн. Визвольний рух слов'ян у народній пісенній творчості. (XVII—XIX ст.). Київ, 1971.

Смирнов Ю. И. О значении славянского фольклора для исследования балканской эпической общности. В кн. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.

Сухорский С. Ф. Ян Амос Коменский и современная советская дидактика. В кн. А. С. Макаренко. Сб. Кн. 8. Львов, 1971.

Цончева М. Вновь открытая Болгарская фреска X века. «Искусство», 1972, № 2.

Чолов П. Состояние и задачи болгарской исторической библиографии. В кн. Библиотечковедение и библиография за рубежом. Сб. Вып. 39. М., 1971.

Шайкевич Б. О. Литература і мистецтво болгарського Відродження. В кн. Литература і образотворче мистецтво. Київ, 1971.

Шардыка С. М. Социально-філософская проблематика ўтапичных раманаў К. Чапека 20-х гадоў. Весн. Бела-

рус. ун-та. Філологія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1971 № 3.

Шумада Н. С. Відображення визвольного руху в болгарській епічній пісенності (XVII—XIX ст.). В кн. Визвольний рух слов'ян у народній пісенній творчості (XVII—XIX ст.). Київ, 1971.

Юзвенко В. А. Польські народні пісні неволі і протесту. В кн. Визвольний рух слов'ян у народній пісенній творчості (XVII—XIX ст.). Київ, 1971.

3. Языкознание

Андерш Й. Ф. Семантична структура безприйменникового давального відмінка в чеській і німецькій мовах. «Мовознавство», Київ, 1972, № 1.

Васильева В. Ф. Категория числа и существительные. (На материале современного чешского языка). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1972, № 1.

Горецкий Я. Фонологическая система словацкого литературного языка. Вопр. языкознания, 1972, № 1.

Трубаčov О. М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії. «Мовознавство», Київ, 1971, № 6.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1971, № 6

А. Пантев. Англия и вопрос о реформах в Европейской Турции (1895—1903 гг.); Н. Данова. Критское восстание в 1866—1869 гг. и болгарская общественность; М. Хожов. Социально-политический аспект укрупнения ТКЗХ (1958—1959); Н. Станева. Болгаро-советское общество в Софии (1934—1939 гг.)

«Литературна мисъл», 1971, № 5

П. Гонков. Великий художник и мыслитель; И. Пауновски. Положительно прекрасный человек Достоевского; Б. Делчев. Встречи и разговоры с Димитром Димовым; И. Паси. Некоторые аспекты смешного; Е. Мутафов. Духовные завещания и настоящее; С. Попов. Внутренний монолог в романах Антона Страшимирова; П. Тотев. Поэт, гражданин, патриот; Г. Димов. Поиски и завоевания литературоведения-марксиста.

№ 6

П. Зарев. На рубеже двух эпох; Р. Ликова. Принципиальная точка

зрения рассказчика; Э. Георгиев. Барокко в болгарской литературе; Ж. Николова - Голобова. «Чичовци» Ивана Вазова. Сущность юмористических приемов; Т. Жечев. Революционер среди защитников болгарской церкви (Тодор Икономов); Х. Дудевски. Николай Тихонов в болгарской литературе; Е. Иванова. Письма Димитра Димова.

«Езиколитература», 1971, № 6

Д. Благой. К вопросу о реализме Ф. М. Достоевского (Достоевский и Пушкин); Е. Метева. Н. А. Некрасов в творческом восприятии Ивана Вазова; К. Попов. О некоторых недостаточно описанных модальных типах в болгарском языке; М. Гамрецкий. Михаил П. Драгоманов; Д. Кирай. Генезис двух типов «психологизма» (Диалектика души и логика душевных движений в русском романе); К. Г. Попов. Условное наклонение в русском языке и его эквиваленты в болгарском языке; Б. Шклифов. Система мягких согласных в костурском говоре.

«*Z pola walki*», 1971, № 4

Из постановления Секретариата ЦК ПОРП по поводу празднования 30-й годовщины Польской рабочей партии; М. М а л и н о в с к и й. Политические проблемы руководства ППР в период создания партии (январь — август 1942 г.); В. В а ж н е в с к и й. Место ППР в антигитлеровском подполье на территории Варшавского воеводства в годы 1942—1944; Е. П а в л о в и ч. Проблема освободительной войны народов Югославии в изданиях польского движения Сопротивления; Ю. Я к у б о в с к и й. Концепции ППР в области восстановления и организации системы школьного просвещения в 1944 — 1948 гг.; К. М а й. Деятельность ППР и демократических организаций польской эмиграции в Бельгии (1944—1948 гг.); Т. С е р о ц к и й. Программные дискуссии в ППС в 1945—1947 гг.; Я. Т о л и ц к и й. Социал-демократические партии и образование Коммунистического Интернационала (1919—1920 гг.).

«*Slavia Orientalis*», 1971, № 1

С. К о з а к. Леся Украинка на фоне эпохи; М. Я к у б е ц. Леся Украинка и польская романтическая литература; Ф. Н е у в а ж н ы. Прометейзм Леси Украинки; З. Б а р а н ь с к и й. Из п а б л ю д е н и й над поэтикой Леси Украинки; М. Ю р к о в с к и й. Замечания о языке Леси Украинки; Г. Х а л а ц и н ь с к а - В е р т е л ь я к. Художественная структура «Жизни человека» Л. А н д р е е в а; Е. К о м а р о в с к и й. Элементы белорусского языка в произведениях Элизы Ожешко.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1972, № 1

Р. П. Г р и ш и н а. Политика национальных фронтов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1945 гг.; В. Л а ц и н а. Свекловичный район

в чешском сельском хозяйстве в 1920—1930 гг.; М. Ш е с т а к. Хорватский вопрос в чешской политике 1860—1864 гг.; Ф. Шмагел. Социальная критика города в работах Петра Хелчицкого.

«*Slovanský přehled*», 1972, № 1

А. Д о л е й ш и. Стратегия и тактика РСДРП в период спада революции 1906—1907 гг.; И. Г р ж и б е к. Фазвитие национального вопроса после Февральской революции 1917 г.; З. С л а д е к. О подготовке и значении Раппальского договора.

«*Ceská literatura*», 1971, 3/4

С. Ш е р л а п м о в а. К вопросу формирования чешской марксистской критики; З. Т и х а. К изучению личности Гинека из Подебрады; Ю. Д о л а н с к и. Эрбен и Словацкий; В. Б е х и н ь о в а. Сказовые приемы баллад Эрбена; П. В а ш е к. Отношение между длиной и значением предложения в «Арабесках» Неруды; А. Е п п г о р н о в а. Фантастическое в научно-фантастической литературе; М. Л и ф ш и ц. Марксизм и эстетическое воспитание.

«*Slovo a slovesnost*», 1972, № 1

Р. О с т р а. О диахроническом исследовании ономаспологической структуры; К. С в о б о д а. О предпосылках лингвистического синтаксиса; Г. М и р в а л д о в а. Несколько замечаний о различении метафоры, аллегории и символа.

«*Jezik*», 1971/1972, № 1

Б. З е л и ч - Б у ч а н. Народное название хорватского языка в истории хорват; Союз писателей Хорватии отказался от Новисадского соглашения; Ж. Б е л а н о в и ч. О глаголах несовершенного вида типа *dotjecati*; З. Д е р о с с и. Предикативное определение.

МЕЖВУЗОВСКИЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

С 28 по 30 сентября 1971 г. на филологическом факультете Ленинградского университета работал семинар преподавателей славянских языков и литератур, организованный по инициативе кафедры славянской филологии Ленинградского университета (зав. кафедрой доц. П. А. Дмитриев) и в соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Семинар был посвящен проблемам изучения и преподавания славянских языков и литератур в вузах. В его работе приняли участие 80 лингвистов и 25 литературоведов, представители 11 союзных и 7 автономных республик из 25 университетов, 11 педагогических институтов и 5 институтов Академии наук СССР. С приветствием к участникам семинара обратился председатель Советского комитета славистов акад. М. П. Алексеев.

Состоялось два пленарных заседания, на которых были заслушаны доклады проблемного характера и подведены итоги обмена опытом и мнениями о состоянии преподавания славяноведческих дисциплин.

Работа семинара проходила в трех секциях. На секции методики преподавания славянских языков было заслушано 17 докладов и сообщений. Поскольку единые программы преподавания славянских языков в вузах отсутствуют, а в пединститутах курсы этих языков являются факультативными, ряд выступлений носил информационный характер. Обсуждались вопросы построения программ, использования технических средств при обучении славянским языкам, обменивались опытом преподавания.

На лингвистической секции обсуждались теоретические аспекты преподавания славянских языков. Были заслушаны 15 докладов, посвященных смежным научным проблемам, связанным с методикой преподавания славянских языков (теория перевода, различные аспекты сопоставительного и сравнительно-исторического изучения славянских языков, вопросы лексикографии, теории интерференции славянских языков, использование данных славянских языков в кур-

сах истории русского языка, построение курса введения в славянскую филологию и др.). Подчеркивалась важная роль изучения славянских языков в филологическом образовании преподавателей русского языка.

На литературоведческой секции наряду с теоретическими докладами, посвященными общеевропейским аспектам литературного процесса у славян и проблемам национального своеобразия славянских литератур, был заслушан ряд докладов, связанных с проблемами построения курса славянских литератур, их места в курсе зарубежных литератур, связей с русской литературой и литературами народов СССР.

В процессе обсуждения докладов и обмена информацией участники семинара констатировали ряд серьезных недостатков в постановке преподавания славянских языков и литератур в высших учебных заведениях. Указывалось, что славянские языки преподаются главным образом в университетах. В пединститутах (в 18 из 174) введены только факультативные курсы славянских языков, в учебные планы славяноведческие дисциплины вводятся медленно и во многом стихийно. Славянская филология в них не преподается из-за отсутствия кадров преподавателей, славянские языки изучаются выборочно, на их преподавание отводится малое количество часов. О славянских литературах студенты получают отрывочные сведения из общего курса истории западноевропейских литератур. Отсутствуют координация и научно-методические разработки преподавания славяноведческих дисциплин. Резолюция¹ этого внушительного по своему составу семинара филологов-славистов явилась итогом серьезного обсуждения методической, научной и организационной сторон постановки преподавания славянских языков и литератур в вузах СССР.

¹ См. «Проблемы изучения и преподавания славянских языков и литератур (Резолюция межвузовского научно-методического семинара преподавателей славянских языков и литератур. Ленинград, 28—30 сентября 1971 года)». Л., 1971.

Резолюция семинара отмечает: «Исходя из программных решений XXIV съезда КПСС по идеологическим вопросам, участники семинара считают, что преподавание языков и литератур зарубежных славянских народов в настоящее время приобретает актуальную идейно-политическую и культурно-хозяйственную роль» (стр. 9). В условиях современной идеологической борьбы с реакционными буржуазными концепциями, направленными на подрыв идейно-политического и культурного сотрудничества и единства социалистических наций, — говорится далее в резолюции, — особое значение приобретает интернациональное воспитание советского студенчества, подготовка специалистов, знакомых с языком, историей, современной жизнью, культурой и национальными особенностями народов социалистических стран. Этого требуют и расширяющиеся с каждым годом деловые, политические, экономические, научные и культурные связи между нашей страной и зарубежными славянскими странами социалистического содружества. Все это делает необходимым «упорядоченное, поставленное на единые методологические принципы преподавание языков и литератур славянских стран ... советским студентам славянских, а также и неславянских отделений вузов» (стр. 10). Отмечая, что работа специализированных кафедр славянской филологии, а также ученых-сла-

вистов за последние 10 лет создала достаточную научную базу для решения поставленных задач, резолюция указывает, что научные издания печатаются малыми тиражами (в настоящее время многих изданий уже нет в продаже), и не всегда доходит до периферии. Резолюция содержит ряд конкретных предложений и рекомендаций по улучшению преподавания славянских языков и литератур в высших учебных заведениях. Поднят вопрос о создании единого научно-методического центра по преподаванию славянской филологии в вузах СССР, о создании журнала «Славянская филология» для освещения проблем научно-методического характера и пропаганды славянских языков и литератур. Поставлен вопрос о необходимости введения обязательных курсов славянских языков, истории славянских литератур и фольклора в учебные планы отделений русской, украинской и белорусской филологии университетов и факультативно в учебные планы пединститутов. Предложен также ряд мер для решения проблемы кадров преподавателей-славистов и повышения их квалификации.

Участники семинара выразили благодарность коллективу кафедры славянской филологии, деканату филологического факультета и руководству Ленинградского университета за четкую организацию работы семинара.

Е. В. Чешко

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

11 октября 1971 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником института Е. И. Деминой. В качестве диссертации ею была представлена монография «Тихонравовский дамаскин, новоболгарский памятник XVII в. Ч. 1. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов», опубликованная в 1968 г. в Софии под редакцией чл.-корр. Болгарской академии наук К. Мирчева.

Диссертационная монография Е. И. Деминой содержит сравнительно-историческое исследование состава и текста памятников болгарской письменности XVII — XVIII вв., определение редакций текста и иерархии списков этих памятников, выявление места Тихонравовского дамаскина в кругу старших дамаскинов, восходящих к прототипам XVI — XVII вв. Особое место уделяется установлению первоисточников, положенных в основу болгарского перевода того или иного произведения. Такое исследова-

ние, как подчеркнула Е. И. Демина, является необходимым предварительным условием для всестороннего изучения языка дамаскинов.

Важнейшую часть монографии Е. И. Деминой составляет разработка вопроса о критерии классификации дамаскинов как сборников сложного компилятивного состава. Такой критерий Е. И. Демина видит в установлении устойчивого состава статей дамаскинов, под которым понимается характерная для данной группы памятников совокупность родственных по тексту статей. Такая совокупность статей — своего рода абстракция, модель, отражаемая в дамаскинах в чистом или измененном виде, — предложена Е. И. Деминой в основу классификации (группировки) дамаскинов, составляющей одну из основных задач диссертационной работы. При классификации дамаскинов по устойчивому составу статей и редакциям их текста учитывались также языковые особенности текста и палеографические особенности самих рукописей дамаскинов.

С отзывами о диссертации Е. И. Деми-

ной выступили официальные оппоненты чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов, д-р филол. наук Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР) и д-р филол. наук, проф. Ю. С. Маслов (Ленинградский университет). Оппоненты отметили высокий научный уровень, тщательность текстологического анализа и большой вклад диссертационного исследования Е. И. Деминой в изучение истории новоболгарской письменности и в разработку вопросов теории и методики славянской текстологии. Они подчеркнули также особую важность и актуальность избранной диссертантом темы, поскольку сравнительному текстологическому исследованию памятников письменности в славянской филологии до сих пор недостаточно уделяется мало внимания.

Высокая научная оценка исследования диссертационной монографии Е. И. Деминой была дана также в оглашенных на заседании Ученого совета отзыве Отдела общего и славянского языкознания Института языковедения АН УССР, отзыве акад. П. Динекова (Болгария) и в выступлении д-ра филол. наук, проф. С. Б. Бернштейна (Институт славяноведения и балканистики АН СССР).

По некоторым положениям и частным вопросам диссертации развернулась дискуссия, в ходе которой Е. И. Демина привела обстоятельные дополнительные обоснования в защиту развиваемой ею текстологической концепции.

В выступлениях оппонентов специально была отмечена большая заслуга издательства Болгарской академии наук, осуществившего издание сложного текста монографии Е. И. Деминой на высоком техническом и художественном уровне.

Ученый совет Института славяноведения и балканистики АН СССР единогласно присудил Е. И. Деминой за монографию «Тихонравовский дамаскин, новоболгарский памятник XVII в.» ученую степень доктора филологических наук.

Г. Венедиктов

●28 июня 1971 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук С. В. Никольским на тему «Сатирические утопии К. Чапека».

С. В. Никольский давно и плодотворно занимается изучением чешской литературы XX в. в контексте общеевропейского литературного процесса. Основное внимание ученый уделяет творчеству Чапека — одной из вершин не только чешской, но и мировой литературы нашего времени. Работа С. В. Никольского дает богатейший материал для выявления важнейших тенденций литературного процесса в XX в. Исследуя жанровое своеобразие произведений чешского писателя, автор диссертации дал глубокий анализ приемов сочетания и скрещения элементов научной фантастики, социальной утопии, философских жанров и сатиры, которые были использованы Чапек в ряде его пьес и романов. Они рассмотрены на фоне творческой эволюции писателя и в соотнесении с некоторыми крупными явлениями европейских литератур. Один из главных выводов диссертации состоит в том, что новаторство Чапека и обогащение им жанровых форм мировой социально-фантастической литературы выросло на почве освоения и синтеза многообразных литературных традиций.

В выступлениях официальных оппонентов, докторов филол. наук В. И. Злыднева, Г. Д. Вербеса, Н. П. Михальской, а также чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Маркова был отмечен высокий научный уровень диссертации, сказавшийся, в частности, в мастерском анализе художественной ткани литературного произведения, в убедительной трактовке теоретических вопросов, связанных с функцией условно-фантастических форм.

Мнение членов Ученого совета было единодушно: присудить диссертанту ученую степень доктора филологических наук.

Ю. Ритчик

ЛЕОН БАУМГАРТЕН

После тяжелой и продолжительной болезни скончался Л. Баумгартен (1902—1971) — известный исследователь истории польского социалистического рабочего движения 70—80-х годов XIX в.

Л. Баумгартен прошел трудный, полный суровых испытаний жизненный путь. Он родился в малосостоятельной семье и с ранних лет познал вкус хлеба, заработанного собственными руками. Самостоятельно получив начальное образование, он успешно сдал экзамены в шестой класс гимназии в Конине. Еще не окончив гимназического курса, стал руководителем вечерней школы для рабочих. В 1926 г. Л. Баумгартен начал учиться на философском факультете Варшавского университета, совмещая студирование научных дисциплин с литературным трудом в газетах и журналах, занимаясь преподаванием в вечерней школе. В 1933 г. он получает степень магистра философии в области истории. В том же году Л. Баумгартен вступил в Коммунистическую партию Польши, и с этих пор постоянно подвергался гонениям и репрессиям полиции за свою пропагандистскую деятельность. Он уже не мог работать в области просвещения, так как его имя было занесено в черные списки.

В 1939—1950 гг. Л. Баумгартен находился в Советском Союзе. Работал журналистом в Бресте, в наиболее тяжелый период войны трудился на хлопчатобумажной фабрике в Джалал-Абаде. Был представителем Союза польских патриотов в Киргизской ССР, затем редактором Польского агентства печати в Москве. Здесь в 1950 г. он вступил в ПОРП. Возвратившись на родину, работает в 1950—1962 гг. редактором в издательстве «Ксиенка и ведза». Тяжелый недуг принудил его уйти на пенсию.

Жизненные обстоятельства сложились так, что научно-исследовательской работой Л. Баумгартен занялся поздно, уже в зрелые годы. Но сделано им было удивительно много. Еще в Москве, в 1946—1950 гг., будучи членом исторического кружка ЦК ППР и ПОРП, он начал собирать документальные материалы по истории первой польской рабочей партии «Пролетариат». Эта работа в дальнейшем определяла все творческие искания исследователя. Одновременно Л. Баумгартен подготовил монографию «Декабристы и Польша» (Варшава, 1952), посвя-

щенную революционным связям Северного и Южного обществ декабристов с польским «Патриотическим обществом». Книга стала первым обобщающим исследованием в польской марксистской историографии на данную тему.

В конце 50-х и начале 60-х годов одна за другой появляются многочисленные статьи и документальные публикации Л. Баумгартена, затрагивающие проблемы становления партии «Пролетариат», ее программы и деятельности, связей с русским народоволюционным движением. Результатом углубленного изучения героической истории «Народной воли», находившейся в тесном боевом союзе с польскими социалистами, явилась книга Л. Баумгартена «Мечтатели и цареубийцы» (Варшава, 1964), адресованная широкой читательской аудитории.

Главное дело жизни Л. Баумгартена как исследователя — фундаментальная монография «История Великого Пролетариата» (Варшава, 1966). Эта новаторская работа вызвала широкий отклик научной общественности. Историку в полной мере удалось воссоздать картину беспримерной борьбы первого поколения польских пролетарских революционеров. Ему принадлежит также заслуга публикации ценных источников по истории первого этапа развития польского социалистического рабочего движения — объемистый том документов «Социалистические кружки, гмины и „Великий Пролетариат“». Политические процессы 1878—1888 гг. Источники» (Варшава, 1966). Он подготовил также публикацию источников — «Краковский комиссар полиции на службе царской разведки. Корреспонденция комиссара Яна Костшевского» (Краков, 1967). Труды Л. Баумгартена, отличающиеся новизной и высоким научным уровнем, стали заметной вехой в изучении проблематики начального этапа польского социалистического движения.

До последних своих дней, несмотря на тяжкие физические страдания, Л. Баумгартен продолжал работу над новыми исследованиями. В скором времени выйдет из печати его посмертная книга «Бойцы великого завтра. Исследование о „Пролетариате“»).

П. Н. Ольшанский, А. М. Орехов

CONTENTS

<p>V. <i>Terekhov</i>. The 24-th Congress of the CPSU and the development of the Socialist community. <i>G. M. Slavín</i>. Response in the USSR to the Yugoslav uprising of 1941. <i>I. S. Miller</i>. The development of peoples of Central and South-Eastern Europe in the epoch of transition from feudalism to capitalism as a problem for complex comparative-historical study. <i>V. A. Artamonov</i>. Russo-Polish union in the campaign of 1708—1709. <i>M. Bogdanov</i>. Some problems of the development of culture in Yugoslavia in 1945—1950. <i>Iliá Konev</i> (Bulgaria). The problem of Russo-Balkan literary relations. <i>V. Mochalova</i>. «Maciek's Adventures» by Januarius Sowizralius as an example of Sowizrzał literature. <i>T. N. Moloshnaya</i>. Two-component substantive constructions of an appositive type in Russian, Bulgarian, Polish and Czech. <i>Ja. Santen</i> (Holland). On phonetic and phonemic nature of stress in Serbo-Croatian</p>	3
---	---

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>R. Grishina</i>. The chronicle of friendship. <i>Andrzej Skrzypek</i> (Poland). Polish-Soviet relations in works by historians in People's Poland. <i>I. Pop</i>, <i>V. Usacheva</i>. Scientific publications in the sphere of Ukraine researches in Czechoslovakia. <i>I. Kostiuško</i>. Fundamental work on the policies of fascist Germany in the occupied Poland. <i>G. Kobetskaya</i>. Some problems of versification in the work of Polish scientists. <i>Mara Tsoncheva</i> (Bulgaria). A book on Bulgarian art. <i>L. K.</i> A collection of articles by a Czech literary scholar. <i>M. M. Kopylenko</i>. R. Zett. Beitrage zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. . . .</p>	106
---	-----

Bibliography

<p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1971 (continued). The contents of foreign periodicals</p>	133
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Je. V. Cheshko</i>. A seminar of the teaching stuff of the Higher educational institutions on the scientific problems and methods of teaching Slav languages and literatures. <i>G. Venediktov</i>, <i>Yu. Ritchik</i>. The defence of the dissertation theses.</p>	140
<p><i>P. N. Olshansky</i>, <i>A. M. Orekhov</i>. Leon Baumgarten</p>	143

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Сдано в набор 11/IV-1972 г. Т. 09735 Подписано к печати 15/VI 1972 г. Тираж 1150 экз.
 Зак. 422 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,6. Бум. л. 4¹/₂. Уч.-изд. л. 14,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ТОЛСТОЙ

70891

1-12

*Издательство «Наука»**Готовится к печати:***СЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР.**

25 л. 1 р. 85 к.

Сборник продолжает публикацию исследований в области русского и славянского фольклора в их историческом развитии и взаимодействиях. Он охватывает обширный круг вопросов, представляющих значительный научный интерес и актуальных для современной славянской фольклористики. Большое место занимают статьи, посвященные теории и истории эпоса и сказкам, современному состоянию сказочной традиции. Рассматриваются также другие виды устной народной прозы (предания, былины), народная драма, древние традиции разинской прозы, русские рассказы о домовых. Специальная статья посвящена славянской песенной поэтике.

Сборник представляет интерес для фольклористов, этнографов и литературоведов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:
МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга-почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины
«Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск. Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.